1210

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"Оренбургский государственный университет"

С.Н. БУЛГАНИНА

ПРИРОДА И СТРУКТУРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

МОНОГРАФИЯ

Рекомендовано к изданию Ученым советом государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования - "Оренбургский государственный университет"

Оренбург 2003

ББК 65.011
Б 90
УДК 330.101: 330.111.6: 330.117

Рецензенты:
доктор экономических наук А.И. Колганов,
кандидат экономических наук А.И. Московский

Булганина С.Н.
Б 90 Природа и структура экономических субъектов: Монография. Оренбург: ГОУ ВПО ОГУ, 2003. – 340 с.

ISBN -

В монографии предложена концепция экономического субъекта, объясняющая природу и основные типы действующих в экономике "лиц", особенности персонификации производственных отношений в разных социально-экономических условиях; рассмотрены некоторые противоречия становления новых хозяйственных форм и их субъектов в период радикальных трансформаций современного российского общества.

Монография предназначена для преподавателей и студентов экономических специальностей высших учебных заведений, научных работников, всех, кто интересуется методологией экономической науки.

ББК 65.011

Б 0602000000

ISBN

© Булганина С.Н., 2003
© ГОУ ОГУ, 2003

Предисловие

Экономические трансформации, происходящие в постсоциалистических странах, породили ряд новых иллюзий в отношении социальных сил и субъектов, которые должны обеспечивать содержание этих процессов: выбирать варианты преобразований, осуществлять поиск и реализацию методов трансформации и нести ответственность за их результаты. Одной из них можно назвать иллюзию об автоматическом действии рыночных регуляторов. Господствующее прежде представление о ведущей роли государства в хозяйственных процессах сменилось другим - о "невидимой руке" рынка. В таком случае из поля зрения вновь исчезают индивид, как главное действующее лицо любого исторического процесса, и социальные группы.

В то же время практика экономических преобразований демонстрирует значительную роль отдельных персон, олицетворяющих собой не только какие-либо виды бизнеса или его структуры, но и целые отраслевые и региональные экономические комплексы. Здесь обнаруживаются противоречия между обезличенностью производственных отношений, формируемых в ходе трансформации, и их олицетворением отдельными индивидами.

Проблема экономического субъекта в трансформирующемся обществе важна и актуальна не только с точки зрения выяснения тех социальных сил, которые направляют экономические преобразования, с одной стороны, или, с другой - становятся "материалом" для этих преобразований (или их "жертвой"). Вопрос об экономическом субъекте - это вопрос управляемости и направляемости хозяйственных, экономических процессов в глобальном масштабе также, как и в национальном. Ведь в условиях информационной экономики, несмотря на вновь обнаруживающуюся тенденцию к индивидуализации трудовой и производственной деятельности и по причине замены традиционных производственно-хозяйственных единиц теперь уже сетевыми структурами, индивид продолжает вытесняться из сферы принятия экономических решений.

Однако более важным аспектом проблемы экономического субъекта является проблема адекватности *форм хозяйственной деятельности,* вырастающих в ходе экономических трансформаций, с одной стороны, и их *носителей,* с другой. Трудность ее решения заключается в недооценке того обстоятельства, что *носители* хозяйственных форм - *экономические лица*, хотя и кажутся пассивными игроками, которые лишь следуют "рекомендациям" рыночного механизма, по существу являются подлинными их создателями. Здесь возникает необходимость изучения не только экономического субъекта, как такового, а, скорее, конкретно-исторического субъекта, создающего (совместно с другими, то есть всегда в качестве общественного субъекта) определенные экономические формы.

Предлагаемая вниманию читателей книга, конечно же, не является полным, исчерпывающим исследованием названных проблем. Некоторые ее положения могут показаться спорными и вызвать сомнения, причиной чему является дискуссионность поднимаемых вопросов, и, может быть, - не всегда достаточная ясность и определенность изложения теоретической позиции автора.

Я благодарна рецензентам книги - доктору экономических наук А.И. Колганову и кандидату экономических наук А.И. Московскому, а также профессорам кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова - Э.П. Дунаеву, В.В. Герасименко, С.В. Кадомцевой, В.М. Кулькову, В.П. Третьяку, ее заведующему - профессору А.А. Пороховскому, - поддержавшим основные идеи этой книги и высказавшим конструктивные замечания в ходе обсуждения рукописи.

Хочу поблагодарить профессора К.А. Хубиева, замечания которого в свое время помогли улучшить структуру работы, и профессора В.Н. Черковца, в проблемной группе которого - "Воспроизводство и экономический рост", были апробированы некоторые положения разрабатываемой здесь проблемы.

Благодарю коллег по Оренбургскому государственному университету за поддержку и всестороннюю помощь в процессе работы над книгой.

Выражаю признательность профессору А.В. Бузгалину, который сыграл роль "идейного вдохновителя" работы над проблемой и ее организатора.

Введение: к истории вопроса

Исторически проблема экономического субъекта восходит к проблеме экономического человека и к проблеме человека в экономике. Здесь в качестве господствующих методологических принципов или подходов, на основе которых она исследовалась в экономической теории, можно обозначить два. Первый их них представляет собой индивидуально-психологизированный подход, в рамках которого основным экономическим субъектом выступает отдельный индивид, наделенный мотивами рационального хозяйственного поведения. Происхождение этих мотивов остается при этом неизвестным в той мере, в которой они определяются в качестве принадлежащих "человеку вообще".

Второй подход может быть обозначен как общественно-объективированный. На его основе выявляются причины общественного развития, основания социальных революций, смены общественных систем. Но при этом сами процессы остаются неперсонифицированными и обезличенными (за исключением марксовой теории в той ее части, где речь идет об основных типах экономических лиц, воплощающих в буржуазном социуме капитал, наемный труд, разные формы капитала и другие экономические формы).

Ни тот, ни другой принципы в отдельности не дают ответа на вопросы: кто решает или призван решать основные социальные проблемы современности, стоящие перед странами различного уровня экономического развития; каким образом распределено экономическое пространство между основными участниками трансформационных процессов; кто, и за какие ресурсы и решения должен нести ответственность.

На проблему экономического субъекта выходили представители многих направлений и школ в силу "завязанности" на ней всех других проблем экономической теории. Поэтому, как правило, она разрабатывалась как сопутствующая. В наиболее явной форме ее постановку мы обнаруживаем в классической политической экономии и в теории Маркса. Именно в их работах нашло отражение обстоятельство, характерное для капиталистического способа производства, согласно которому индивид впервые в истории становится активным действующим лицом в общественных и хозяйственных процессах. Речь идет о теории экономического человека и его мировоззрении в работах А. Смита, И. Бентама, Дж. Гоббса и других авторов той эпохи. Маркс, в свою очередь, исследуя экономический строй капитализма, воссоздавая в категориях политической экономии основные звенья предшествующего развития человечества, создавая теорию классов, классовой борьбы, показал, что основными действующими лицами в истории являются общественные индивиды. При этом на поверхности явлений вместо них "действуют" товары, деньги, капиталы, цены, доходы и пр., то есть экономические формы, созданные самими же индивидами.

Главным в теории экономического человека является положение о приоритетном значении рациональных мотивов хозяйственно-экономической деятельности, с одной стороны, и о противопоставлении им рыночной стихии, с другой. Именно классики впервые "схватили" это противоречие, которое остается актуальным и для современной экономической теории.

Дальнейшее развитие проблема экономического человека получила в теориях неоклассического направления, в частности, в работах представителей австрийской школы. Однако здесь мы находим сужение проблемы, так как экономический человек предстает теперь уже только в качестве агента рынка, осуществляющего свободный выбор вариантов своего экономического поведения в отношении ограниченных ресурсов. Происходит сведение экономического человека к "продавцу - покупателю", а этих последних (подспудно, иногда и явно) - к потребителю. От экономического человека в теории неоклассиков остается лишь предпосылка об экономической свободе индивида, которая, закладывается, в свою очередь, в основание экономической теории в качестве принципа методологического индивидуализма (Й. Шумпетер).

Благодаря принципу методологического индивидуализма неоклассической экономической теории удалось поставить целый ряд самостоятельных проблем: от проблемы экономического оптимума, равновесия, замещения ресурсов на уровне отдельного хозяйственного звена до проблемы эффективности национальной экономики. Однако решение этих проблем на основе этого принципа методологически ограничено: признание в качестве необходимого условия свободы экономического выбора индивида наталкивается на положение о стихии рыночных процессов, т.е. неуправляемой никем свободной конкуренции (то самое противоречие, которое было отмечено еще А. Смитом). В неоклассической теории это противоречие обнаруживается в виде взаимоисключающих методологических предпосылок. В результате индивид оказывается несвободным действующим лицом, более того, его деятельность здесь превращается в поведение, которое, как известно, представляет собой процесс адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Таким образом, проблема экономического субъекта утрачивает свою самостоятельность и растворяется в побочных проблемах (эффективности использования ресурсов, проблеме замещения и т.д.).

Возвращение к проблеме свободного индивида как экономического субъекта мы находим в неоавстрийской школе, которая во многом наследуя теоретические предпосылки классиков и неоклассиков, в то же время много сделала для преодоления этих предпосылок и разрешения противоречий между ними. Во-первых, в работах Л. фон Мизеса и Ф. Хайека, например, более явно, а значит, и более продуктивно, противопоставляются свобода экономического выбора индивида и стихия рынка. При этом свобода экономического индивида переносится и на сам рыночный механизм: "спонтанный рыночный порядок" становится не только самодовлеющим условием эффективного хозяйствования, но и его необходимым результатом. При этом такое перенесение свойств индивида на рыночные процессы означает утрату самим индивидом свойств субъектности, что и находит выражение в теории неоавстрийской школы в виде появления нового субъекта - институтов. Несмотря на то, что для неоавстрийцев проблема институтов не является самостоятельной, индивид действует у них в определенной институциональной среде.

Наиболее выпукло поведение индивида в зависимости от общественных и в том числе экономических институтов, исследуется в работах как старых ин-

ституционалистов, так и неоинституционального направления. Помещение индивида в исторически определенную институциональную среду, с одной стороны, конкретизирует проблему экономического субъекта, делая ее специфически исторической, так как предполагается, что институты изменяются, эволюционируют, изменяя тем самым и поведение индивидов. С другой стороны, тот факт, что между индивидами и институтами не прослеживаются связи генезиса и развития, обнаруживается вновь в том, что индивид лишается прежней активности и утрачивает свойства субъекта.

Неоинституциональное направление экономической теории, в лице Р. Коуза, А. Алчяна, Х. Демсеца, О. Уильямсона и др., также сохранив предпосылку о свободе индивидов в процессе принятия хозяйственных решений, попыталось представить их в качестве сторон контракта, как специфического капиталистического института. Здесь институциональная среда предстает как совокупность норм и правил поведения, в основном, правового характера. Поведение индивида при этом, также и его свобода, провозглашаемая в качестве предпосылки, вновь ограничиваются, но теперь уже не столько стихией рынка, сколько институтами, в том числе, правовыми (почему-то называемыми экономическими). В то же время для неоинституционального направления характерно преодоление прежней ограниченности в понимании основных действующих в экономике лиц. Они выводят на арену хозяйственной жизни и других субъектов - организации, государство и другие структуры. (французские конвенционалисты: М. Агльетта, Р. Буайе, Ж. Сапир, О. Фаверо).

В отечественной экономической литературе советского периода проблема хозяйствующего (и экономического) субъекта редко ставилась как самостоятельная[1]. Она прослеживалась в качестве "фона" исследования ряда других проблем. Так, в 60-80-е гг. активно обсуждался вопрос о движущих силах общественно хозяйственных процессов, приводящих в действие агентов экономических отношений (В. Радаев, а также Г. Гредин, А. Здравомыслов, А. Ханипов). В качестве таких движущих сил исследовались потребности и интересы, а также стимулы. В свое время постановка вопроса о хозяйственном механизме социалистического общества (Л. Абалкин) потребовала также обратится к проблеме мотивов хозяйственно-трудовой деятельности членов общества.

Проблема субъективных факторов экономического развития также имеет отношение к постановке вопроса о движущих силах и экономическом субъекте в эпоху реального социализма (С. Рогачев). А в вопросе о формировании нового типа хозяйствующего субъекта в условиях социалистической экономики - ассоциации трудящихся, совместно присваивающих функции хозяйствующего субъекта, исследуемая проблема проявилась наиболее выпукло (А. Аузан, А. Бузгалин, А. Колганов).

Отечественная экономическая теория традиционно обращает особое внимание на проблему собственности как сквозную для целого ряда вопросов

[1] См., например: Бузгалин А.В. Экономические субъекты: их отражение в политической экономии и роль в хозяйственной практике // Экономические науки. - 1984. - № 7; Гредин Г.Н. Основные субъекты социалистического производства и их экономические интересы. - Кемерово, 1984. - Деп. в ИНИОН. № 19462.

экономической теории. Благодаря работам Я. Кронрода, Н. Цаголова, В. Черковца, В.П. Шкредова, а также: А. Еремина, Э. Дунаева, Н. Колесова, В. Куликова, К. Хубиева и др. отношения собственности могут быть определены в качестве основания типологии и эволюции экономических субъектов.

Трансформация экономической системы реального социализма, начавшаяся с середины 80-х годов и принявшая радикальный характер в 90-е годы, как всегда в переломные эпохи, вновь выдвинула на первый план проблему хозяйствующего субъекта, принявшую первоначально форму вопроса об эффективном собственнике (А. Аукуционек, Р. Капелюшников, А. Радыгин)[1].

По мере того как капитал овладевал бывшей социалистической экономикой, становился актуальным вопрос о структуре российского бизнеса (крупного, в первую очередь, так как индустриальное наследие советской эпохи остается неустранимым фактором, условием трансформационных процессов). Российский бизнес представлен как институциональными субъектами - коллективными действующими лицами, так и "физическими лицами" (Я.Паппэ, Г.Клейнер, Л. Макаревич). Если в работах указанных авторов структуры российского бизнеса исследуются как социально-экономически нейтральные, то в других работах (А. Колганов) они представлены с позиции российского капитализма с определенной спецификой. Эти структуры выступают преимущественно в виде социально-клановых группировок, владеющих основными видами наиболее производительных (в данной ситуации) ресурсов, в том числе капиталом. Основные *агенты - носители* структурных составляющих крупного российского бизнеса и региональных образований рассматриваются также как *экономические игроки*, представляющие ведущие секторы российской экономики: экспортоориентированный, ориентированный на внутренний рынок и т.д., выполняющие определенные функции и являющиеся носителями определенных интересов, которые необходимо привести к согласованию (А. Белоусов). Здесь вновь речь идет о нейтральных в социально-экономическом отношении *действующих лицах.*

Вне конкретно исторического контекста ставится и решается вопрос о моделях поведения человека в экономике и в исследованиях по истории экономической мысли (В. Автономов), в то время, как различия между самими экономическими школами и направлениями могут определяться степенью разработанности проблемы субъекта хозяйственной деятельности как специфически исторического "лица".

В последнее время проблема *социальных сил* трансформационных процессов и новых организационных структур российского бизнеса разрабатывается в рамках отечественной экономической социологии (Т. Заславская, Вад. Радаев). Ею накоплен богатый эмпирический материал об основных *социальных и экономических субъектах* современного российского социума. Остается открытым вопрос о том, насколько адекватно он может быть осмыслен с методологических позиций стратификационной теории или неоинституционализма.

Интерес к проблеме экономического субъекта как методологической об-

[1] В годы перестройки - публицистическая постановка вопроса о "чувстве хозяина".

наруживается и в работах, посвященных синергетической и эволюционной теории. Здесь авторы (Л. и Р. Евстигнеевы, В Маевский, Р. Гринберг, Н. Печерских), исследуя содержание трансформационных процессов в общественно-экономической системе (от хаоса к порядку через бифуркации: проблема выбора превращается из индивидуальной в макроэкономическую), ставят их в зависимость одновременно и от случайных факторов, и от прошлого. Однако представленные вне определенной социально-экономической формы эти факторы и тенденции прошлого не дают дополнительной и достаточной ясности в вопросе о взаимодействии сил хаоса и порядка в обществе и экономике. Нет ясности и в понимании границ свободы индивида в качестве экономического субъекта. Впрочем, индивид здесь вообще исчезает, так как в конечном итоге силы хаоса и порядка действуют как природоподобные силы. Если и появляется субъект, то только в силу необходимости управления извне процессом становления порядка из хаоса. На эту роль "верховного" управляющего-направляющего выдвигается *государство* (С. Глазьев, Р. Гринберг).

Конечно, характер трансформационных процессов, их логика и формы обусловлены прошлым социально-экономической системы. Во многом они обусловлены специфическими историческими и национальными формами жизнедеятельности социума. Важную роль в становлении новой экономической системы и ее соответствующих субъектов играет весь комплекс социокультурных факторов. Именно в отношении этих проблем возникли, вернее, возобновились интенсивные концептуальные споры и дискуссии (В. Кульков, В. Межуев, А. Московский, Ю. Осипов, А. Панарин, А. Пороховский, В. Радаев, В. Рязанов, А. Сидорович, В. Черковец). Здесь речь идет не только о характере трансформационных производственных отношений или о природе предыдущих форм хозяйственно-экономической и общественной жизни российского социума, но и о соответствующих им социальных силах и субъектах.[1]

В немногих специальных работах[2], посвященных проблеме, иногда на основе обширного исторического, социологического, философского и экономи-

[1] Изучаются также различные аспекты проблемы субъекта переходной экономики: кризис мотивации хозяйственной деятельности и труда, формирование новых мотивационных форм и инструментов поддержки предпринимательства и социального творчества большинства населения, субъектный потенциал переходной экономики, а также проблема экономического и социологического человека, как двух типов субъектов, не сводимых друг к другу. См.: Бузгалин А.В., Дубянская Г.Ю., Корчагина З.А. Раскрепощение человеческого потенциала - условие преодоления кризиса отечественной экономики //Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. - 1995. - № 1; Деленян А.А., Московский А.И. Кризисная экономика и формы использования трудового потенциала России //Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. - 1995. - № 4; Кадомцева С.В. Экономические основы системы социальной защиты. М., 1997; Олейник А.А., Овсянникова А.А. Преодоление бюрократизации институциональной системы: раскрепощение потенциала граждан в создании новых институтов //Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. - 1995. - № 4; Печерских Н. Проблема субъекта эволюционной экономики //Вопросы экономики. 2002. - № 2; Рудакова И.Е. Модель человека в экономической теории и реалии России // Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания /Под ред. К.А. Хубиева. М.: ТЕИС, 2002. - С.73-82; Материалы конференции "Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы" //Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. - 1996. - № 1 и др.

[2] Можно назвать коллективную монографию “Экономические субъекты постсоветской России. (Институциональный анализ) /Под ред. Р.М. Нуреева. - М., 2001.

ческого материала авторы, всесторонне исследуя особенности поведения и деятельности таких субъектов постсоветской российской экономики, как фирмы, домашние хозяйства и государство, все же определяют их в качестве рыночных.

Постановка и решение проблемы экономического субъекта как специфически исторического "действующего лица" открывает возможности для объяснения многих процессов. Каким образом и почему на арене экономической действительности, наряду с индивидом, или вместо него появляются другие участники - фирмы, домашние хозяйства и государство. Почему экономически активный индивид, начинавший в эпоху Нового времени как предприниматель, превращается в потребителя, а если и продолжает оставаться хозяйствующим субъектом, то только на периферии господствующей социально-экономической системы, уступая место в ее центрах другим действующим лицам.

Появилась возможность, благодаря предшествующим разработкам, и необходимость изложить проблему экономического субъекта как самостоятельную, но, в то же время, глубоко укорененную как в системе социально-экономических отношений, так и в методологии их исследования. Этим была обусловлена последовательность ее разработки (в предлагаемой книге) в контексте специфических, конкретно-исторических хозяйственных форм и производственных отношений, в первую очередь, - рыночно-капиталистических. В то же время, характер и логика переходных процессов, наблюдаемые в конце XX - начале XXI в.в., дали возможность поставить здесь вопрос о степени развитости экономических субъектов российского социума с точки зрения характера его производственных отношений.

Часть I Теория и методология исследования экономических субъектов

Глава 1 Субъекты хозяйственной деятельности: сравнительный анализ постановки и решения проблемы основными школами экономической теории

1.1 Экономическая теория: методологический потенциал исследования исходной проблемы

Все попытки сделать экономическую теорию "настоящей наукой", подобно естествознанию, отвечающей критериям точности, объективности, возможности проверки ее выводов практикой, - представляют собой лишь одну из тенденций ее развития, особенно на протяжении последних двух столетий. Другая тенденция (чаще менее явная, чем первая) состоит в том, что экономическая теория пытается решить принципиально не природные, т.е. не естественнонаучные проблемы, а сугубо социальные. Эти последние находят свое выражение в экономической науке в разных формах: от попытки первыми ее теоретиками отыскать в экономике источник благосостояния, равенства и справедливости[1] - до включения в ее предмет не только самих *экономических* отношений между людьми[2], но и достаточно широкого круга явлений из всего социо-культурного контекста жизнедеятельности человека. Здесь возникает проблема сочетаемости или уживаемости этих двух тенденций[3] между собой в процессе развития экономической теории. Экономическая теория, как и в целом обществознание, давно идет к своим предмету и методологии, повторяя, на определенном этапе, путь естествознания точно так же, как и общество до поры до времени "повторяет" путь природы, так как отношения между людьми сохраняют *природный* или приобретают *природоподобный* характер.

Отношение экономической теории к естествознанию и выработка ею собственных исследовательских принципов выливается в проблему ее предмета, методологии, предпосылок и результатов исследования, которые, как известно, у разных школ и направлений - разные. Кроме того, необходимо выявить критерий, на основании которого можно было бы судить о границах и

---

[1] Экономическая наука и начала свое существование в эпоху Нового времени с проблем экономической деятельности, одновременно рассматривая их как проблемы *этического, нравственного* человека, ибо ставила их рядом с проблемами справедливости, равенства и свободы. См.: Ф. Кенэ. Естественное право //Избранные произведения. - М.: Соцэкгиз, 1960. - С.331,336.

[2] "Причины ... прогресса в области производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе, составляет предмет первой книги" А. Смита. См.: "Исследование о природе и причинах богатства народов" // Антология экономической классики. В 2-х томах. - Т.1. - М., 1991. – С. 81.

[3] В то же время, любая попытка привести социально-экономические (и вообще общественные) явления "в систему по принципу причины и действия", то есть осуществить "прагматическую" "обработку истории", по словам О. Шпенглера, "была бы только частью переряженного естествознания". (О. Шпенглер. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. - Т. 1. Образ и действительность. - Минск, 1998. - С. 8.) См. также дискуссию на научной конференции "Концептуальные основания и пути развития современной экономической теории" 7 - 8 декабря 1995г. // Экономическая теория на пороге XXI века /Под ред. Ю. М. Осипова, В.Т. Пуляева. - СПб., ТОО ТК "Петрополис", 1996. - С. 5 - 99.

возможностях основных течений экономической мысли решать не только хозяйственные, но и вышеупомянутые социо-культурные проблемы человеческого существования.

Здесь следует сделать оговорку в связи с относительностью выделения разных направлений и школ экономической теории Нового и Новейшего времени. Дело в том, что все они находятся в одном мировоззренческом пространстве буржуазного социума. С другой стороны, их представители *по-разному* это пространство "распредмечивают" и понимают. На этом основании, в первую очередь, мы и различаем в экономической теории ее школы и направления.

Если признать это мировоззренческое единство, то можно говорить и о принципе единства экономической теории как науки, изучающей один объект - экономическую деятельность людей. Ее предметом являются отношения между людьми по поводу богатства, благ, удовлетворяющих их потребности[1]. В то же время, по целому ряду причин, среди многообразия ее направлений и школ доминирующей (особенно в западных странах) в течение длительного исторического периода стала неоклассическая экономическая теория. В той мере, в которой, с позиции неоклассики, основная экономическая проблема, заявленная еще в XIX веке, остается та же самая - ограниченность ресурсов, - остается и проблема выбора, как центральная для экономической теории, следовательно, методология и теория остаются прежними. С этим можно было бы согласиться, если бы неоклассика не претендовала на более широкую трактовку самой проблемы выбора, а также не пыталась решить новый класс задач, находясь в прежнем методологическом поле[2]. Это имеет отношение не только к "мэйнстриму", но и к его наследникам (неоинституционалистам, ”новым классикам”).

Здесь можно отметить двойственную ситуацию, сложившуюся в целом в экономической теории второй половины XIX и в XX веке. С одной стороны, наблюдался распад единой экономической теории (тогда еще политической экономии) на отдельные школы и направления, и даже на отдельные исследовательские программы и частные теории. Противоположной тенденцией явились претензии каждой из этих школ найти ответы на вопросы не столько из области повседневных хозяйственных процессов, включая проблему выбора в условиях

---

[1]См.: Радаев В.В. О принципах построения современной экономической теории // Содержание, логика и структура современной экономической теории /Под ред. К.А. Хубиева. - М.: Экон. факт МГУ, ТЕИС, 2000. - С. 81 - 89. Действительно, как отмечает Вал. Радаев: “при всем разнообразии отдельных направлений и теорий экономическая наука сохраняет определенное *единство* (курсив мой - С.Б.)”. (О развитии и роли теории в условиях переходной экономики // Экономическая теория на пороге XXI века. - С. 145 -146). Однако вряд ли в основе этого единства может лежать какая либо “метатеория” (там же) или синтез, каких либо самостоятельных теорий или направлений (К.А. Хубиев. Возможности синтеза основных направлений экономической теории. Там же. - С. 203 - 210).

[2]Речь идет о проблеме исчерпаемости неоклассической методологии, например, в отношении макроэкономических исследований, что отмечается, в частности, П, Самуэльсоном. Взаимодействие акселератора и мультипликатора - типичный пример динамической системы, “которую ни в каком полезном смысле нельзя связать с проблемой максимума”, как с одним из принципов неоклассичекой методологии. В определенной степени к таким “неподдающимся” для ее исходных принципов относятся и проблемы ”экономики благосостояния”. См.: Пол. А. Самуэльсон. Принцип максимизации в экономическом анализе // Thesis. - 1993. - Т. 1. - Вып. 1. - С. 197, 200.

ограниченных ресурсов, рыночного равновесия, механизма формирования цен, заработной платы и т.д., сколько попытки поставить и решить одну из мета проблем: *каков механизм исторического развития* (К. Маркс), или *способ объяснения социальных явлений* (Ф. Хайек), или, по меньшей мере, *каков механизм поведения человека в экономике*? Более того, будучи лишь частью, стороной, одной из ипостасей мироотношения конкретно-исторической эпохи, экономическая теория претендует на особый мировоззренческий статус и реализует эту претензию в экономизме[1] или, так называемом экономическом империализме [2].

Хотя для представителей "чистой" экономической теории вопросы рационального хозяйствования (сводимого преимущественно к соответствующему использованию ограниченных ресурсов), должны быть отделены от социальных проблем[3], в то время как именно эти проблемы, как уже отмечалось ранее, и дали начало самой экономической науке. В работах Д. Юма, Дж. Локка, И. Бентама и А. Смита мы находим подтверждение этому. Именно в попытке найти источник решения таких социальных проблем, как бедность, неравенство, несправедливость в распределении общественного богатства, классики экономической теории и обратились в сферу политической экономии. Также следует вспомнить, что и А. Маршалл пришел в экономическую науку, исследуя первоначально проблемы этики[4].

Как классики экономической теории, так и А. Маршалл, решали социальные и экономические проблемы, находясь в мировоззренческом поле буржуазного социума. Специфическими для него являются, в частности, стирание границ между трансцендентным и мирским порядками, которое привело общественное сознание к десакрализации потустороннего мира и одновременно к перенесению или "опрокидыванию" повседневного мировосприятия на мир трансцендентный. Результатом такого *опрокидывания* явилось формирование соответствующего мировоззренческого ядра Нового времени, состоящего из

---

[1] См., например, анализ и критику экономизма, как мировоззренческого и идеологического феномена: Климов Н. Взаимообусловленность и взаимодействие экономического роста и хозяйственно-политического механизма // Экономические стратегии. - 1999. - № 1. - С. 127-147; Ю. Осипов. Экономическая цивилизация и философия хозяйствования // Экономические стратегии. - 1999. - № 1; Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI века - 3 /Под ред. Ю. М. Осипова, Е.С. Зотовой. - М.: Юристъ, 2000. - С. 9 - 40.

[2] См. работы Г. Беккера: Экономический анализ и человеческое поведение. // THESIS. - 1993. - Т.1. - Вып. 1.; Выбор партнера на брачных рынках. // THESIS. - 1994. - Вып. 6; Теория распределения времени // США - ЭПИ - 1996. № 1, 2. Отечественные авторы также склонны возлагать на нее эту функцию: "Экономика со времен классиков, считавшаяся царицей социальных наук, является одной из главных *ценностно-образующих* (курсив мой - С.Б.) предметных областей в образовании и воспитании новых поколений". См.: Экономическая наука, образование и практика в России в 90-е годы // Вопросы экономики. - 2001. - №1. - С. 89.

[3] См. одно из обоснований этого: Л. Роббинс. Предмет экономической науки // THESIS. - 1993. - Т.1. - Вып. 1. - С. 12 - 19.

[4] "От метафизики я перешел к этике и считал, что трудно оправдать нынешние условия жизни общества… Я во время каникул посещал беднейшие кварталы ряда городов, обходил одну улицу за другой и всматривался в лица самых бедных людей. В результате, я решил как можно обстоятельнее изучить проблемы политической экономии". См.: Маршалл А. Принципы экономической науки. - Т. 1. - М.: Прогресс, 1993. - С. 9-10.

категории полезности, гипертрофированного значения категории количества, отношения к природе как к объекту материальной деятельности и другие его черты. Одновременно буржуазное мировоззрение по существу стало научным и ценностно-нейтральным[1]. Утилитаризм становится господствующей формой общественного сознания и приобретает черты этического, специфически нравственного отношения к миру. Произошло *замещение* нравственных идеалов и смыслов утилитарным (полезностным) отношением к окружающему миру и к природе.

Становление капитализма, согласно М. Веберу, осуществилось, во многом, благодаря легитимации, со стороны протестантской этики, хозяйственной деятельности с целью получения выгоды и увеличения богатства[2]. На поверхности этот процесс выглядит именно так: религия, как одна из форм мировоззрения формирует новое хозяйственное, а точнее - экономическое отношение к миру. В действительности же, это произошло с точностью до наоборот. Полезностно-потребительское, утилитарное мироотношение, как специфически историческое, ставшее экономическим отношением, было принято в качестве универсальной этической, нравственной нормы. У А. Смита встречаем следующее свидетельство "опрокидывания" на сферу "нравственных чувств" критериев и оценок, работающих в экономической деятельности: "Человеколюбие, справедливость, великодушие, желание общественного блага суть добродетели весьма *полезные* (курсив мой - С.Б.) для прочих людей…"[3]. Как видим, польза здесь становится нравственным принципом[4]..

С другой стороны, нравственные, этические проблемы, как их понимали классики, связывались со свободой индивида и свободной хозяйственной деятельностью[5]. Либеральность исходных предпосылок классической экономической теории и неоклассики является одним из их методологических преимуществ. В качестве исходного принципа "laissez faire" образует содержание не только практической деятельности при капитализме, но и является важным аксиоматическим принципом сначала у одного из ее направлений, а затем и у его теоретических наследников. Но происходит ли развертывание, в процессе раз-

---

[1] См.: А.А. Хамидов. Категории и культура. - А-А.: ГЫЛЫМ, 1992. С. 154 - 185.

[2] См.: М. Вебер. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. С. 62 - 63, 74, 76, 83 - 87, 186 - 197, 202 - 207; его же: Развитие капиталистического мировоззрения. См.: Вебер М. История хозяйств (очерк всеобщей социально-экономической истории. Гл. 4. Происхождение современного капитализма. - П.г, 1923) //Вопросы экономики. 1993. - №8. - С. 153 - 159.

[3] Смит А. Теория нравственных чувств. - СПб, 1868. - С. 248.

[4] См. также: Баллестрем К.Г. Homo oeconomicus? Образы человека в классическом либерализме // Вопросы философии. - 1999. - № 4. - С. 42 - 53; Макашева Н. Этика и экономическая теория // Общественные науки и современность. - 1992. - № 3. - С. 13 - 19. Более того, “утилитаризм, определяемый как тип нравственности, как ценностно-смысловая парадигма деятельности человека”, выступает у некоторых авторов в еще более универсальном качестве - “внутреннего импульса” саморазвития, самоорганизации культуры, как “ценностно-смысловой”, “нравственно-ментальной” системы. См.: Е.Н. Яркова. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества //Общественные науки и современность. - 2002. - № 2. - С. 88. Следует подчеркнуть, что это верно только для определенного типа социума - буржуазного. О полезности как специфически историческом мировоззренческом феномене и экономическом отношении, ее роли в экономической теории и в исследовании проблемы субъекта хозяйственной деятельности речь будет идти далее.

[5] См., например, Ф. Кенэ: Указ. Соч. С. 336.

вития системы в целостность, этого исходного пункта в результат функционирования системы? Здесь обнаруживается, что неоклассическая экономическая теория не может преодолеть своих собственных предпосылок, находясь в их порочном кругу.[1]

На проблему выбора в ее неоклассическом варианте можно посмотреть двояко. Так, с точки зрения ограниченности ресурсов, она выглядит как оптимизация поведения экономического агента. С другой стороны, выбор - это атрибут свободного индивида, свободного, по крайней мере, от личной зависимости. Будучи одной из исходных предпосылок классической и неоклассической экономической теории, проблема выбора претерпела *раздвоение*: эти ее стороны стали существовать отдельно. Это послужило основой для возникновения двух разных исследовательских тенденций, покоящихся на разных основаниях: одно - на предпосылке о свободе выбора, другое - на предпосылке о рациональном выборе, хотя обе тенденции формально могут сохранять обе из них. В самой экономической теории теперь сформировалось то, что называется ортодоксальной или общей экономической теорией, "мейнстримом", в методологическом ядре которого одно из главных мест отводится принципу рациональности индивидуального выбора, впоследствии подвергшемуся критике со стороны неоинституционалистов и представителей новой институциональной экономики[2], сторонников теорий информационных издержек и ограниченной рациональности. На первый взгляд эта критика выводит экономическую теорию неоклассики на новый уровень развития, так как преодолеваются некоторые прежние ограничения и постулируется "более широкий ряд предпосылок", расширяющих понимание "экономического поведения в условиях реального мира"[3]. Однако прорыва не происходит: "инструментализм" неоклассической ортодоксии сменился на "операционализм" ее критиков. Инструменталистская методология предполагает, что научные теории служат лишь инструментами для прогнозирования природных и общественных явлений, а вовсе не для того,

---

[1] Впрочем, похоже, что ее авторов это мало волнует. По мере утверждения в науке методологии позитивизма большинство современных западных экономистов, как отмечает М. Блауг, единодушны в том, что непосредственная проверка предпосылок экономической теории не является необходимой ... и может ввести в заблуждение. См.: Марк Блауг. Несложный урок экономической методологии // Thesis. 1994. - Т. II. Вып.4. - С. 53, 59; Фридмен Милтон. Методология позитивной экономической науки. Там же. - С. 49.

[2] Так Г. Саймон отмечает, что в неоклассике "центральным является понятие выбора между фиксированным множеством альтернатив с помощью критерия, основанного на фиксированной функции полезности (fixed utility function). Теория не объясняет ни происхождения этих альтернатив, ни содержания функции полезности, ни порядка решения проблем, ни того, как экономический субъект связывает альтернативы с их последствиями, измеренными в единицах полезности". См.: Саймон Г. Методологические основания экономики //Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1989 - 1990. - М.: Наука, 1991. - С. 92. Так же: Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. - 2000. - № 1. - С. 39 – 55; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории /Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.

[3] В теории ограниченной рациональности критерий полезности - многофакторный; постулируется не функция полезности для потребителей, а "множество уровней достаточного удовлетворения"; альтернативами в данном случае выступают "уровни желаний" как стандарты, на основе которых ведется поиск оптимума (Г. Саймон. Указ. Соч. - С. 96).

чтобы объяснять причинно - следственные связи[1]. При этом не учитывается, что в прогнозе немаловажное значение имеют эти самые причинно - следственные связи. Впрочем, в общественных процессах они либо вообще отрицаются, в силу того, что здесь действует свободный индивид, деятельность которого не детерминирована никакими внешними обстоятельствами, либо эти *причины сводятся к факторам*, влияющим на предпочтения индивидов (что мы и находим у критиков неоклассики). Здесь совершенствование методологии в направлении ее дальнейшей *технологизации* при одновременном сужении исходной проблемы - *свободы индивидуального выбора в экономике***,** означает снижение класса исследовательских задач и может служить признаком глубокого кризиса "общей экономической теории". Так ли это?

Сфера, в которой индивид должен реализовать свободу - это сфера материального производства и обмена, в которой свобода наименее всего вероятна в силу внешней детерминированности, целесообразности деятельности человека, связанной с удовлетворением потребностей. По этой причине, а также по ряду других, в том числе, исторического характера[2], проблема выбора и экономической свободы ставится и решается в отношении сферы потребления и потребительского поведения. Это находит выражение в том, что теория предельной полезности является предпосылкой теории производительных благ, вменения и теории предельной производительности факторов производства[3].Таким образом, способность к экономическому выбору распространяется на других участников хозяйственной деятельности - производителей, в том числе.

Если находиться в пределах неоклассических предпосылок, то можно получить подтверждение принципа "laissez faire" в отношении каждого участника хозяйственных, вернее, рыночных процессов: в условиях заданных цен и доходов они принимают самостоятельные решения относительно количества приобретаемых потребительских благ, или ресурсов, а значит, и относительно масштабов производства, если речь идет о производителе. Формально границы свободы соблюдены, а предпосылки превратились в результат. Однако и свобода оказывается формальной. Даже находясь в границах предпосылок неолиберализма, можно обнаружить "что оптимизация как запрограммированное поведение исключает свободный выбор"[4]. Одна из предпосылок - о рациональном поведении "опрокидывает" другую - о свободном индивиде.

Взглянув на проблему экономического выбора, наследуемую и неоинституциональной экономикой, конкретно-исторически, обнаруживаешь не

---

[1] М. Блауг. Указ. Соч. С. 53. См. также о методологии инструментализма и позитивизма: Отмахов П.А. Концепция метода Мелтона Фридмена // Вестник МГУ. Сер.6, Экономика. 1992. - № 6; Д. Козлов, В. Левыкин. Предисловие // Фридмен М. Основы монетаризма. - М: ТЕИС, 2002. - С. 8 -11.

[2] Например, совпадения времени разработки проблемы выбора австрийской, лозаннской и др. школами с началом формирования общества массового потребления, как новой и необходимой предпосылки капитализма. См.: Н. А. Бухарин. Политическая экономия рантье: Теория ценности и прибыли австрийской школы. - М.: Орбита. Моск. фил., 1988.

[3] О производительных благах и определении их ценности через предельную полезность потребительских благ см.: Ф. Визер. Теория общественного хозяйства // Австрийская школа в политической экономии. - М., 1992. - С. 439-442.

[4] См.: Ходжсон Дж. Указ. Соч.

только крайнюю *абстрактность предпосылок и результатов* неоклассической теории, но и *соответствие их самому объекту анализа*. Так, модель общества массового потребления[1], возможно, послужившая отправной точкой для постановки проблемы суверенитета потребителя, очень хорошо вписывается в логику капиталистического накопления. Массовому производству прибыли соответствует массовое потребление, которое становится необходимым звеном в воспроизводстве экономической системы. При этом само массовое потребление, как социально-экономическое явление, можно рассмотреть так же с двух сторон. С одной стороны, оно - результат роста производительности труда, в первую очередь, означает массовую доступность членам общества большинства материальных благ и услуг, производимых в данный исторический период. С другой стороны, благодаря стереотипам утилитаризма, распространяемым рекламой и другими каналами связи с общественностью, оно становится моделью для подражания. Так запускается его механизм[2]. Возникает тот самый массовый потребитель, который провозглашается главным лицом в рыночной экономике[3], что нашло отражение в модели репрезентативного (типичного) индивида ("один за всех").

Несмотря на критику модели репрезентативного индивида со стороны неокейнсианцев[4], хочется вступиться за нее. В этой предпосылке, как и в других, нашла отражение реальность капиталистической рыночной экономики. Это обнаруживается не только в элементах внешней схожести свойств репрезентативного индивида и реального массового потребителя. Цель основных участников экономики (владельцев капитала и владельцев рабочей силы), смысл их существования, *в качестве специфически общественных индивидов*, сводится к производству и обмену не только товаров или благ, но и к производству такого "абстракта", как стоимость[5]. В силу этого, сами *индивиды выступают как аб-*

---

[1] “Омассовление” не только производства и потребления, но и других общественных процессов приобретает зримые черты позднее и становится самостоятельной (для философии, социологии) проблемой. См.: М. А. Хевеши. Массовое общество в XX веке //Социологические исследования. 2001. - № 7. - С.3 - 12. Экономическая теория еще не “схватила” в полной мере (то есть не выразила в категориях) *противоречие* индивидуализации и омассовления экономических процессов, тогда как каждому из этих явлений в отдельности “повезло” больше.

[2] Правда, как показывает Т. Веблен, механизм этот не так прост, как может показаться. Здесь, как и в других сферах общественного производства (да и социальной жизни) имеет место “опрокидывание” и замещение его уровней и сторон. Так, Веблен исследует *“подставное*” и *представительское потребление*, характерные для обществ с квазимиролюбивымы мотивами поведения (то есть для добуржуазных обществ - С.Б.) и которые, на наш взгляд, несмотря на “омассовление” потребления, в том числе, в эпоху индустриального и постиндустриального капитализма сохраняют свое значение. См.: Т. Веблен. Теория праздного класса. - М.: Прогресс, 1984. - С. 108 - 118.

[3] Это положение - принципиальная позиция Л. фон Мизеса. См. об этом его работы: Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. - М.: Дело, 1993. - С. 31 - 37; О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // Thesis. 1994. - Т. II. - Вып. 4. - С. 206 - 212; Либерализм в классической традиции //http://www.ice.ru/libertarium/library/mises/mises.html; Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. - М.: Экономика, 2000.

[4] См.: Д. Стиглиц. Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство //Мировая экономика и международные отношения. - 1997. - № 5. - С. 66 - 68.

[5] Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 271, 437 - 438.

страктные, односторонние носители соответствующих отношений, форм хозяйствования, структур и институтов, или, - в качестве их функций. Вот эту абстрактность, односторонность индивида, как характеристику капиталистической рыночной экономики, вполне сформировавшуюся к середине XIX века, и "схватывает" в соответствующих предпосылках и понятиях неоклассическая экономическая теория. Правда, это "схватывание" происходит, может быть, недостаточно критически: исследователь остается при этом в плену иллюзорного слоя действительности.

Методология неоклассиков, кстати, вполне объяснимая с позиции западно-европейского мироотношения и мировоззрения Нового времени, не позволяет распредметить этот иллюзорный слой и обнаружить действительные тенденции и силы, их олицетворяющие, которые и управляют социальными процессами и поведением индивидов. У неоклассической экономической теории есть своя логика, до определенной степени адекватная логике самой жизни в рамках данной социально-экономической системы. Но в пределах ее собственных предпосылок эта логика остается нераскрытой. Впрочем, может быть правы и те, кто считает, что "абстрагирование" имеет целью формализовать свойства реального объекта, чтобы иметь возможность оперировать в его анализе математическим аппаратом[1]. Так или иначе, но методология исследования не может не соответствовать логике предмета, если конечно, речь идет о попытке научного исследования. Правда, эта попытка в неоклассическом исполнении оборачивается рефлексией по поводу обыденного сознания экономических агентов и становится эмпирическим описанием фактов хозяйственной жизни, принявшим научно-терминологическую форму[2]. Если вспомнить о стремлении неоклассики быть похожей на естествознание, то можно констатировать, что экономическая теория балансирует между эмпиризмом и абстрактностью.

Можно также проследить, насколько границы экономической теории в лице марксовой политической экономии вписываются в буржуазное мироотношение и мировоззрение. К. Маркс также "примыкает к западноевропейской традиции рационализма и во многом разделяет его участь"[3]. Мировоззренческая двойственность западноевропейской философии признающая и материалистическую и идеалистическую направленность миропонимания, предполагает возможность альтернативного выбора между этими ориентациями. "Маркс выбрал материализм. Он не смог встать по ту сторону этой альтернативы"[4].

Говоря другими словами, мировоззрение Маркса, как философа и экономиста, находилось в мировоззренческом пространстве западноевропейского капитализма, и как таковое имело соответствующие характеристики: науч-

---

[1] . См., например: Московский А. Диалог и синтез основных направлений современной теории - необходимые формы развития экономической науки // Содержание, логика и структура современной экономической теории /Под ред. К.А. Хубиева. - М.: Экон. фак-т МГУ, ТЕИС, 2000. - С. 126 - 136

[2] Э. В. Ильенков назвал это переводом “на доктринерский язык, на язык экономической терминологии ходячих поверхностных представлений” и “систематизацией” таких представлений. (См. : Указ. Соч. С. 258.)

[3] См.: Хамидов. А.А. Указ. Соч. - С. 17.

[4] Там же.

ность, атеистический характер, детерминизм, материалистическое видение мира, этически ценностную нейтральность. Но такой подход к мировоззренческим установкам любого исследователя, в том числе, и Маркса, оставался бы упрощенным, если бы мы не учитывали индивидуальный опыт каждого человека и его личную общественную материальную или духовную практику. Именно эти последние образуют то посредствующее звено между общественным, господствующим мировоззрением и индивидуальным видением мира в целом, и предмета исследования, в частности.

Так, Маркс, находясь в пространстве буржуазного мировоззрения, но и пытаясь выйти за его пределы, смог посмотреть на него критически. Ему во многом удалось преодолеть его стереотипы, "распредметить" его мифы. Именно ему впервые удалось обнаружить двойственность капиталистической экономической действительности, которая представлена двумя слоями. Один из них - это слой действительной конкретности, где индивиды производят, распределяют продукты своей хозяйственной деятельности, потребляют, осуществляют обмен деятельностью и т.д. Другой слой - это, так называемая, псевдоконкретность[1], где вместо индивидов в отношения вступают товары, деньги, капиталы, институты. Это сфера превратных форм хозяйственной деятельности индивидов. Однако, как подчеркивает Ф. Текеи, парадокс марксового мировоззрения заключается в том, что для того, чтобы создать научную теорию общества, Маркс и Энгельс должны были выйти, "по сути дела, за пределы философии, в направлении эмпирического исследования, практически действительных социальных форм "родового существования" человека"[2].

Будучи захваченным, как говорил сам Маркс, этими практически действующими формами, правда, не в качестве предпринимателя или наемного работника, а в качестве исследователя, он мог также оказаться в плену буржуазного мировоззрения, что обнаруживается в преобладании материалистического детерминизма в его политической экономии. Маркс, будучи озадаченным теми же социальными проблемами, что и классики, помимо той самой глобальной проблемы, обозначенной выше, также окунулся в политическую экономию за ответами на них. Но решал он их принципиально по-другому. По его мнению, проблемы свободы, равенства, справедливости, бедности и богатства, находятся в сфере материального производства в той мере, в которой именно в этой сфере своей деятельности человек, создающий богатство, отчуждаемое от него, становится человеком, присваивающим но не столько это богатство, сколько свою человеческую сущность. Она же представляет собой объективированные человеческие способности и силы, которые в материальном производстве возникают как производительные силы и производственные отношения.

Для классиков было характерно понимание того, что "политическая экономия, не смотря на свое богатство и свои достоинства, есть наука одной только стороны жизни …Мы не можем, потому допустить господства ее выводов

---

[1] А.А. Хамидов. Понятие превращенной формы в марксистской диалектике (На материале “Капитала” Маркса) - Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. философ. наук. - М., 1977.

[2] Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблема анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. - М.: Прогресс, 1975. - С. 189

над всеми другими"[1]. Современные их последователи более категоричны, когда заявляют, что экономический подход "может служить руководством при решении множества проблем…и другого подхода, хотя бы отдаленно сравнимого с ним по степени общности и эффективности не существует"[2].

Постановка и решение экономической теорией социальных проблем[3] в границах буржуазного мировоззрения и отношений полезности приводит, как показывает история экономической науки, скорее, к *технологизации, операционализации, инструментализации* не только методов исследования, но и самого ее предмета. По существу это означает исключение из экономического анализа не только социальной проблематики, как таковой, но и самого человека, индивида в качестве субъекта свободного выбора.

Впрочем, положительная роль утилитаристского (полезностного) отношения к действительности в качестве фактора роста производительности труда и материального благосостояния несомненна. Но превращение экономических "идеалов" потребительского общества в нравственные ценности есть не столько выход за пределы предмета экономической теории, сколько смешение совершенно несводимых друг к другу уровней человеческого существования, или даже редукция - сведение высших его форм к низшим[4].

Господствующие в современной экономической теории неоклассическое и неоинституциональное направления адекватно (в меру своего понимания) схватывают то самое "перевернутое" или "опрокинутое" состояние производственных отношений и форм хозяйственной деятельности, характерные для рыночно-капиталистической экономики. "Перевернутость" или "опрокинутость" означает, что сфера видимости замещает собой сферу действительности.

Необходимость использования категорий "объективной видимости" и "действительной конкретности" обусловлена тем, что в истории человеческой деятельности имеют преобладающее значение всякий раз разные ее уровни, пласты, планы или срезы. Так, преобладание материальной деятельности над познавательной, нравственно-этической, религарной и др. в эпоху рыночно-капиталистической формы производства выражается в том, что принципы ее

---

[1] Смит А. Теория нравственных чувств. - СПб, 1868, - С.10

[2] Стиглер Дж., Беккер Г. О вкусах не спорят // США: ЭПИ. - 1994. - №1. - С.105.

[3] Что касается этих проблем, то они переведены современной неоклассикой - “новаыми классиками”, а также неоавстрийской школой в разряд социалистических идеологем. Современные либералы выступают не только против государственного регулирования бизнеса, но и против социальных программ, способствующих, по их мнению, иждивенческим настроениям у членов общества и снижению их экономической активности. Один из представителей теории общественного выбора П. Бернхольц отмечает: "Рыночные экономики с демократическими политическими режимами показывают тенденцию к перерождению в интервенционистские "государства всеобщего благосостояния" См.: Полис. - 1995. - №4. - С.184.

[4] Г.С. Батищев, А.А. Хамидов называют такие уровни человеческого бытия как материальная, ценностно-этическая, познавательная (когнитивная), религарная (от слова religare - *связывать, единить*; "религарное" - связывающее человека с миром) деятельность. Кроме этого, выделяется додеятельностный, деятельностный и над-деятельностный уровни человеческого существования. См.: Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип //Проблема человека в современной философии. - М., 1969. - С.76 – 121; Хамидов А.А. Категории и культура. - Алма - Ата: ГЫЛЫМ, 1992. - С. 49-53.

организации и функционирования становятся всеобщими и "опрокидываются" на все другие уровни деятельности человека. В этих условиях особое значение приобретают проблемы мировоззрения индивида и отношение его к миру.

Специфику экономических форм или форм материальной деятельности и их носителей-субъектов лучше всего можно выявлять, находясь в методологическом поле формационного подхода. Но сама проблема формационного подхода есть по существу проблема мировоззренческая, то есть она ставится и решается определенным субъектом (субъектом науки) и в исторически определенную эпоху. Так получилось, что это произошло именно в буржуазную эпоху, когда сформировалась глубинная, “почвенная” основа этого мировоззрения - рациональное, научное видение мира. Основой миропонимания выступает здесь уже ни мифология и религия, как в предшествующие эпохи, а наука. Здесь когнитивный (познавательный) план деятельности человека вышел на первое после материального плана, место. Произошло то, что нашло отражение в работах Декарта, Канта, Гегеля, первых классиков политэкономии и Маркса как "расколдовывание" мира.

Теоретики формационного подхода оказались в двойственном положении. С одной стороны, благодаря "расколдованному" сознанию, они увидели историю человека, как историю его индивидуального развития[1], с другой - увидели ее с позиции буржуазного мировоззрения, где ключевым является полезностное отношение к миру, нашедшее выражение в теории в виде экономизма, а также в теории экономической формации общества Маркса, в частности, в положении об основополагающей роли базиса - системы отношений материального производства, - в любом обществе, на всякой ступени его развития.

С точки зрения значимости мировоззренческого подхода, представляет интерес сравнение теорий Вебера и Маркса. Маркс уделяет основное внимание в анализе основных ступеней общественного развития не идеальному плану или мировоззренческому аспекту человеческой деятельности, а материальному. У него идеальный план является продуктом материально-практической, то есть производственной, в узком смысле, деятельности людей. У Вебера наоборот, мировоззренческий аспект выступает на первом плане. Однако его внеисторический подход к самому мировоззренческому, идеальному плану деятельности человека не позволил ему вскрыть диалектику отношений идеального и материального, и в хозяйственной деятельности, в том числе. Капитализм у Вебера возникает из этики протестантства. Здесь им была “схвачена” лишь видимая часть действительности, но при этом оказалась вне поля зрения подлинная связь экономики и этики. У него отсутствует видение двойственного характера всякой, в том числе, и капиталистической действительности. У Маркса также проявляется двойственная позиция: с одной стороны он видит раздвоение буржуазного мира и относится критически к сфере видимости, с другой стороны, - находится еще в плену господствующего мировоззрения, так как в его теории все-таки преобладает экономический детерминизм, а идеальный план деятель-

[1] См.: Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. - М., 1957. - Т.8. - С. 119.

ности человека в хозяйственных процессах рассматривается как его результат.

Кроме формационной, в современном обществознании разрабатывается и цивилизационная парадигма, которая нацелена на максимально возможный учет не столько специфически исторических, сколько национально-культурных особенностей различных общностей и их институтов. Здесь актуальными становятся вопросы, относящиеся к национальной (часто понимаемой, как этническая) специфике хозяйственной деятельности индивидов. Решение вопроса о национальном экономическом субъекте зависит от толкования самой категории "цивилизация". Существование различных подходов (Хангтингтон, Энзейнштадт, Тойнби, “евразийцы”) хотя и выражается в том, что она трактуется поразному, однако между некоторыми из них существует сходство. Так, позиции Хангтингтона и евразийцев сходятся в том, что линия различия между цивилизациями проходит по культурным критериям, сводимым, в основном, к религиозным формам сознания и мировосприятия, а от них уже к национально-этическим формам, нормам и институтам. В то же время проблема цивилизационного определения обществ, стран и народов редуцируется к проблеме политического и геополитического их определения. Таким образом, здесь происходит подмена понятий: цивилизационная идентичность народов и общества, объявляемая как культурная идентичность, на деле подменяется проблемой политического, а в основе, экономического выбора. Здесь становится закономерным следующий результат: поскольку с самого начала в основание цивилизационных различий кладутся, скорее, институциональные факторы, а последние являются продуктом конкретно-исторического развития, ибо подвержены эволюции, то цивилизационный подход здесь смыкается с формационным.

На наш взгляд, наиболее адекватным характеру самой проблемы "цивилизационного субъекта" является подход Ш. Эйзенштадта[1], который видит начало цивилизационных различий в глубинных основаниях миропонимания и мировоззрения человека. Одной из категорий, отражающих эти основания, является категория "почвы", как способа понимания связи и разрешения противоречия между трансцендентным и мирским порядками бытия. В свою очередь, этот способ восходит к историческим ступеням в эволюции человечества: архаическому, античному, средневековому и буржуазному социумам. Так смыкаются между собой цивилизационная и формационная парадигмы. И если существует проблема "цивилизационного субъекта" (как национального, в том числе), то она может быть сформулирована и решена в рамках формационной парадигмы.

1.2 Субъект хозяйственной деятельности в контексте предмета и проблематики экономической теории

Вопрос о персонификации, а в условиях трансформационной экономики - об адекватной персонификации[2] экономических отношений требует своей

[1] См.: Ш. Эйзенштадт. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций/Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. - М.: Аспект Пресс, 1999. - С. 201-209.

[2] Как уже отмечалось, в последнее время мы столкнулись с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, находимся под прессом необходимости что-то предпринимать для улучшения ситуации

теоретической постановки и решения, но в рамках дальнейшей разработки проблемы субъекта хозяйственной деятельности.

Дальнейшая разработка вопроса о субъекте, позволит также вернуться к такой важной с точки зрения общей экономической теории проблеме, как понимание и объяснение рыночного механизма не как идентичного природному процесса, а как сугубо социального явления или социальной формы, т.е. формы отношений между людьми. Представители традиционной и современной экономической теории как будто договорились принять в качестве общей предпосылку о том, что в экономике речь идет не об анонимных или обезличенных явлениях. Что эти явления имеют своих субъектов, носителей, персонификаторов, среди которых главное место принадлежит индивиду, признано, по крайней мере, в большинстве теоретических систем. Но когда речь доходит до рыночной стихии, то здесь нас (и обывателей, и теоретиков) как будто завораживает первозданность и необъяснимость, трансцендентность этого явления. Можно ли в таком случае рассматривать индивида в качестве основного субъекта, якобы действительно принимающего хозяйственные решения?[1]

Вопрос о субъекте экономической деятельности - это и вопрос о категориальном ряде, в котором развертывается предмет исследования в экономической теории. Но следует иметь ввиду, что категории по сути имеют двойственную природу. С одной стороны, они выступают как инструмент познания действительности, являясь формами ее отражения. С другой - и эта сторона для изучения нашей проблемы является более важной, - категории есть формы человеческой деятельности и, как таковые, являются и объективными предпосылками, исторически наследуемыми индивидами, и субъективными результатами их собственной деятельности[2]. Но являются ли сами индивиды - непосредственные участники хозяйственной деятельности - подлинными субъектами тех отношений, того поведения, той деятельности, которые образуют предмет экономической теории и содержание экономических категорий? Вернее, в какой мере они таковыми являются? Чтобы это выяснить, предпримем попытку проследить там, где это возможно, связь предмета, проблематики и категорий экономической теории с субъектом хозяйственной деятельности.

О некоторых промежуточных предпосылках исследования. Исторически и логически становление индивидуализма и либерализма, как мировоз-

---

в экономике, с другой, - уповаем на автоматизм рыночных регуляторов. Правда, автоматизм этот обнаруживается в меньшей степени, чем конкретные действия определенных персон. Мы более - менее представляем себе, кто стоит за теми или иными решениями, явлениями, процессами в нашей экономической действительности.

[1] Конечно, ответ на этот вопрос имеет и практическую сторону не только для нашей экономики. Следует учесть, что необходимость исследования проблемы субъекта хозяйственной, экономической деятельности обусловлена не только тем, что до сих пор не найдены приемлемые для разных слоев населения развитых, развивающихся и других стран решения проблем инфляции, безработицы или стабильного роста экономики, бедности и экономической отсталости. Скорее всего, обозначенная проблема становится вновь актуальной в связи с глубочайшими изменениями в самой социально-экономической системе "позднего капитализма", когда на первый план выходит вопрос не столько, как решать старые и новые задачи экономического развития, сколько, кто их будет решать?

[2] См.: Хамидов А.А. Мировоззрение и философия // Философия. Мировоззрение. Практика. - Алма-Ата: Наука, 1987. - С. 13-29; Он же. Категории и культура. - А-А.: ГЫЛЫМ, 1992. - С. 19 - 37.

зренческого феномена, определяющего методологию многих направлений экономической теории, неотделимо от своей основы - процессов, которые представляют отделение "экономических элементов от социального полотна и конструирование из них самостоятельной сферы общественной жизни"[1]. По форме либерализм представляет собой идеологию индивидуальной свободы, а по существу - "доктрину о сакрально- святой роли рынка и его постоянных атрибутов"[2]. Экономическая материя со всеми ее атрибутами (сравнением издержек и доходов, стремлением к выгоде, возможностью и необходимостью замещения вариантов использования ресурсов) еще сравнительно недавно, в средневековой Европе существовала лишь в порах общественной жизни. Хотя люди и занимались хозяйственной деятельностью, но она не была еще экономической, т.е. подчиненной извлечению выгоды, и для большинства населения. Экономическая деятельность в тот период персонифицировалась торговцами, ростовщиками и теми производителями, которые более или менее регулярно работали на рынок. Так что уже в эпоху средневековья, видимо, можно было провести различия между субъектами хозяйственной деятельности и экономическими субъектами. С другой стороны, совпадение, сращение экономики, точнее, хозяйственной деятельности, и политики, собственности и власти в эпоху, предшествующую капитализму, означало, что в качестве хозяйствующего субъекта и субъекта политики выступали одни и те же индивиды. Точнее, один и тот же класс - класс земельных собственников, дифференцированных между собой по масштабам земельной собственности.

Известно, что свободный индивид появляется на арене общественной жизни в результате разложения отношений личной зависимости и формирования “чистой” частной собственности [3] - главной основы всеобщности товарного производства и рыночных отношений. Последняя же становится возможной не столько вместе с утратой земледелием характера ведущей сферы хозяйственной деятельности, сколько с изменением формы и характера богатства. Чистая частная собственность в развитом виде - это не только собственность, свободная от общинных отношений, но и собственность, объектом которой становится движимое имущество, созданное трудом вещное богатство. Таковым оно становится в противоположность недвижимому имуществу, в первую очередь - земле, как богатству, которое давало право на богатство своих подданных, что, по сути, и представляло собой власть над людьми в ту эпоху. Вот почему земельная собственность, земледелие, как ведущая отрасль хозяйства, и личная зависимость, как тип отношений между людьми, связаны непосредственно. В той мере, в которой развитие рыночных отношений способствовало или приводило к тому, что вещное богатство приобретало самостоятельную форму, хозяйство превращалось в экономику, лично зависимый индивид - в свободного

[1] Дюмон Л. Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии /Пер. с фр. - М.: NOTA BENE, 2000. - С.14.

[2] Там же.

[3] Понятие “чистой” частной собственности использует Ф. Текеи анализируя, вслед за Марксом, становление так называемой германской формы собственности, ее исторические и логические связи с античной формой. См.: Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. – М.: Прогресс, 1975. - С. 112.

индивида, (но при этом отношения между людьми подвергались овещнению) [1], а власть над людьми институциализировалась в политике. Таким образом, в начале Нового времени, когда экономическая жизнь получила статус самостоятельной сферы жизнедеятельности общества, впервые выходит на авансцену и соответствующий этой экономической жизни субъект. Кто же он? Но прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, обратимся к ряду других важных предпосылок.

Предмет исследования в науке, в том числе и в экономической теории, содержательно разворачивается так же как ряд проблем соответствующей сферы деятельности человека. В ставшей экономической науке это проблемы хозяйствования или экономической деятельности людей в определенных исторических условиях - условиях буржуазной действительности. Экономические проблемы могут быть поставлены по-разному и сами они могут быть разными, т.е. отражающими разные аспекты хозяйственно-экономических процессов. Но одно их объединяет - это то, что они всегда есть проблемы соответствующего хозяйствующего субъекта. Проблемность присуща человеческой деятельности так же, как и предметность. Только человек способен видеть, ставить и решать проблемы. На языке диалектической логики проблемность и предметность являются атрибутами "субъектной достаточности". Здесь можно выразиться точнее: проблемность и субъектность - это две стороны одного и того же феномена - человеческой деятельности. Проблема всегда субъектна, то есть она всегда "чья-то"; она не может быть "ничьей": это всегда проблема какого-либо субъекта, так как она в первую очередь направлена на "коллективное и индивидуальное самоизменение субъектов"[2]. Но это не означает, что проблема может быть проблемой “субъекта вообще” или “человека вообще”[3]. Проблема как часть, аспект, срез объективной реальности, всегда исторически конкретна. Отсюда получается, что ее видит, принимает как свою собственную и решает конкретно-исторический субъект. В силу разделения деятельности и труда, не каждый конкретно-исторический индивид имел возможность "ставить и решать проблемы" в качестве общественного человека. Исторически развиваясь, разделение деятельности и труда закреплялось в профессиональном разделении труда. Кроме этого происходила институциализация свойств и атрибутов субъектно-

[1] Овещнение (Versachlichung, Verdinglichung) отношений между людьми и самих индивидов (если они рассматриваются лишь как носители рабочей силы) есть процесс, противоположный по социально-экономическому содержанию процессу опредмечивания (в материальном производстве – овеществления), – к такому выводу пришел, в частности, Г.С. Батищев, сопоставляя переводы на русский язык произведений К. Маркса с оригиналом. См.: Батищев Г.С. Проблемы и трудности перевода некоторых марксовых философских понятий. - М., 1987. - Деп. в ИНИОН АН СССР. - №30012; Он же. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение: (в свете Марксовой концепции овещнения) //Гносеология в системе философского мировоззрения. - М., 1983.

[2] Батищев Г.С. Указ. Соч. - С. 17.

[3] Так называемые модели экономической теории, как ее результирующий продукт, и являются такими бессубъектными, ничьими. Будучи усовершенствованными "по критериям строгости и точности… предсказаний" (Фридмен М. Методология позитивной экономической науки. THESIS. - 1994. - Т.11., Вып.4. 50-51), они, по существу, остаются безадресными, так как ориентируют свой предсказательно-преобразовательный потенциал лишь на определенные проблемы (понимаемые как возникшие трудности, преграды на пути достижения цели), а не на определенного субъекта.

сти, что вместе с первым выливалось в передачу субъектных функций индивида определенным социально-профессиональным группам и институтам. При этом постановка и решение проблем в явной форме переместились в некоторые сферы деятельности, от которых большинство людей отчуждены: в политику, науку, искусство, профессиональное управление и другие, преимущественно духовные поприща, в то время как для большинства индивидов сферой их проблемности остается даже не материальное производство, а преимущественно сфера потребления. Если принять во внимание нерасторжимую связь проблемности реального мира и субъектности, как способности ставить и решать проблему, то обнаружится, что разные направления и школы экономической теории по-разному видели эту связь, что и находило выражение в соответствующем понимании и трактовке предмета экономической теории, а также ее категорий. Каким образом он представлен в предмете экономической теории, а значит в ее проблематике? Насколько явно та или иная школа видит и воспроизводит связь хозяйственных проблем, с одной стороны, и хозяйствующего субъекта, с другой?

“Индивид вообще” или конкретно-исторический индивид? Как уже отмечалось, экономическая теория всегда "понимала", что имеет дело с человеком в экономике, его потребностями, интересами или другими мотивами хозяйственной деятельности, его поведением, принимаемыми им хозяйственными решениями. Более или менее явно собственно человеческий аспект, если можно так выразиться, в экономической теории обнаруживается тогда, когда речь идет о распределении условий и результатов хозяйственной деятельности людей либо в проблематике экономического выбора, либо в контексте так называемых социальных проблем экономики, с постановки которых (об этом уже говорилось) и начинали многие “классики”. В других случаях, как это было в свое время с политической экономией, экономическая теория исследует формы общения людей в процессе хозяйственной деятельности, а через эти формы и самих людей, в том социальном качестве, которое они принимают в определенных конкретно-исторических условиях.

Водораздел между различными школами и направлениями экономической теории, да и водораздел между социально-экономическими системами, проходит через проблему субъекта хозяйственных процессов, а по большому счету - через проблему исторического субъекта. Последний не является предметом только экономической науки и может быть исследован всем комплексом гуманитарно-социальных наук. Но, сопоставляя экономического и исторического субъектов, можно обнаружить противоречие. Деятельность людей, которую изучает экономическая наука как раз и ограничивает постановку вопроса о субъекте, как таковом. По определению хозяйственные, экономические процессы - это сфера деятельности, где люди наименее всего свободны в принятии решений в силу внешней ее целесообразности и обусловленности. Мотивы потребностей и интересов объективно "нависают" над человеком в любую историческую эпоху и существенно сужают границы проявления его *субъектности.* Однако, как ни парадоксально (а парадокс этот известен экономической теории давно), но именно в этой сфере человеческого существования, то есть в эконо-

мике, создаются предпосылки для реализации активности большинства индивидов и свободы каждого из них, причем, в исторически определенную эпоху - эпоху капитализма[1]. Экономическая теория в границах своего предмета и метода это видела и пыталась, иногда неявно, решать проблему, если не исторического, то экономического субъекта, правда, в вышеотмеченном смысле, т.е. претендующего на роль субъекта истории.

С другой стороны, там, где действуют вещи и овещненные, равно как и институциализированные индивиды, там нет субъекта, вернее, он там и не нужен. В экономической теории с момента ее возникновения господствуют концепции, в которых на первый план выходят либо "естественно - экономический порядок", либо стихийные рыночные силы ("невидимая рука", "спонтанный экономический порядок"), либо институты: от государства (у Кейнса) до норм и правил (у неоинституционалистов), или технико-технологические изменения в качестве самостоятельных сил в технократических концепциях[2]. Представители этих теорий исследуют *обезличенные,* по сути, хозяйственные процессы, либо персонифицированные, но ни как не индивидуализированные, то есть такие, в которых бы действительно свободные индивиды, свободно принимали хозяйственные решения. Так, в неоклассической теории удивительным образом уживались две, весьма парадоксальные, вещи. С одной стороны, в качестве предпосылки выступает методологический индивидуализм, с его обособленными и независимыми индивидами, принимающими решения в отношении использования своих ограниченных ресурсов. С другой - их деятельность выступает как процесс *приспособления к автоматически складывающимся условиям рынка*, которые, по сути, означают ограничение свободы выбора, и которым (этим ограничением) нельзя пренебречь.

У неоклассиков фигурирует "индивид вообще", который имел место и в классической политической экономии и который является скорее субъектом “труда вообще”, нежели субъектом производства. Если неоклассика ограничивается "индивидом вообще", то классическая политическая экономия исследует также и более конкретного общественного индивида. В дальнейшем движении по проблеме и та, и другая претендуют на трактовку конкретно-исторического труда и производства, которые в данном случае являются капиталистическими, как всеобщих, универсальных, то есть внеисторических форм. Здесь понятие "труд вообще", которым заняты "индивиды вообще" "опрокидывается" на конкретно-историческую почву (аналогично тому, как реалии повседневного бытия общества Нового времени опрокидываются на прежде сакрализованный и

[1] Так, в "Немецкой идеологии" находим: "Только конкуренция и борьба индивидов друг с другом порождает и развивает этот случайный характер (жизненных условий - С.Б.) как таковой. Поэтому при господстве буржуазии индивиды представляются более свободными, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них…". И далее: "Это право беспрепятственно пользоваться, в рамках известных условий, случайностью, называли до сих пор личной свободой". См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. - Т.1. - М.: Политиздат, 1966. - С. 60, 62.

[2] В том числе, правда в несколько завуалированной форме, мы находим такую позицию в эволюционной экономической теории, где “движущей силой экономических изменений” признаются инновации, технический прогресс. См.: Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений. - М.: Дело, 2002. - С.8, 266, 306-307 и др.

трансцендентный мир человеческого существования).

Если классическая политэкономия в лучших своих образцах пытается продвинуться в сторону конкретно-исторического индивида, как классового, социально-экономического субъекта, то неоклассическая теория в этом отношении движется в обратную сторону. Конкретно-исторический индивид середины 19 века - человек "ставшего" капитализма, занимает определенное место в уже сформировавшейся социально-экономической и классовой структуре. Процессы классообразования, характерные для буржуазного способа производства завершены (так как определены основные экономические интересы и взаимоотношения основных участников общественного производства). Этот человек живет в эпоху начала общества массового потребления, как необходимого продукта и условия накопления капитала.[1]

И вот этот человек, основной общественной функцией которого (на поверхности явлений!) является потребление (а склонность к обмену - вообще его природное свойство), теперь выдается за человека вообще. То есть, претендуя на выяснение механизма поведения индивида в экономике, неоклассики сводят это поведение к потреблению или обмену (ибо с него начинают), "держа в уме" труд, производство, или сводя их, в свою очередь, к технологии[2].

Если попытаться объяснить, почему неоклассики сосредоточились на "человеке вообще", выдавая его за основного субъекта рыночного хозяйства, то следует учесть, что обмен и потребление представляют собой сферу объективной видимости буржуазной экономики и общества. А в ней индивиды равны друг другу, особенно, в сфере обмена, а в сфере потребления, вследствие выше определенного равенства, неравенство воспринимается как само собой разумеющееся. К тому же, оболочку равенства придают этим отношениям политические формы государства и юридические формы, которые буквально пронизывают сферу обращения, благодаря нормам и институтам, организующим про-

---

[1] Не потому человека сделали экономическим, что сферу потребления поставили на первое место, то есть, не самим анализом потребления и потребительского поведения превратили человека в homo economicus. Наоборот, сам приоритет потребления стал возможным потому, что до этого индивида уже превратили (исторические обстоятельства) в экономического человека, а богатство его способностей свели к способности удовлетворять потребности.

[2]. Хотя, по большому счету, то, что, на первый взгляд, кажется технологической проблемой и решается с помощью производственной функции (выбор технологии, оптимизация выпуска, проблема замещения, снятие границ убывания предельной производительности факторов и т.д.) по сути является такой же социально-экономической проблемой, как и проблема распределения прав собственности, экономической самостоятельности, ответственность за результаты хозяйственной деятельности и пр. Ибо технико-технологическое в деятельности индивидов есть опредмеченная и овещненная, в смысле отчуждения от самих индивидов, форма способностей и сил этих же самих индивидов. Впрочем, сами неоклассики считают технологию экономической проблемой в том только смысле, что она является объектом выбора. А это уже автоматически делает ее и другие аспекты, стороны, пласты и уровни человеческого существования, сугубо экономическими. См.: Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение. THESIS. - 1993. - Т.1., Вып.1.; Он же. Выбор партнера на брачных рынках. THESIS. - 1994. - Вып.6. Кстати, поводом для экономического империализма послужили не только успехи "мэйнстрима". Этот вид экономической идеологии в зародышевой форме содержался в работах первых классиков политической экономии, что, впрочем, вполне соответствует и духу буржуазного мировоззрения. Экономический империализм сам есть продукт прежде обозначенного перевертывания отношений.

странство этого сектора экономики.

Маркс не только оперирует такими понятийными абстракциями, как "человек вообще" или "индивид", "общественный индивид", "классовый индивид", но и связывает их с экономическим анализом капиталистических проблем[1], а значит, показывает их происхождение. Он исследует экономические процессы не обезличенными, а, по меньшей мере, персонифицированными, то есть имеющими своих носителей. Благодаря анализу деятельности этих носителей исследует общественные формы хозяйственной жизни в определенную эпоху. Он не берет их готовыми, внеисторическими: и классового индивида, и личность он все-таки рассматривает, в свою очередь, как продукт определенной деятельности, совершаемой самими же индивидами. Здесь *носители* экономических отношений у Маркса становятся *субъектами.* Можно повториться, сделав акцент на том, что решая политэкономические проблемы, например, превращение денег в капитал, Маркс решает и проблему соответствующих субъектов этого процесса: а именно, появление работника, выступающего на рынке в качестве продавца своей рабочей силы, с одной стороны, и с другой, соответственно ему противостоящего, - носителя сущностных сил капитала. Более того, у него "*производство капиталистов и наемных рабочих является ... основным результатом процесса увеличения стоимости* капитала"[2].

Потребитель вместо субъекта хозяйственной деятельности. В экономической теории есть проблема противопоставления формально свободных и равноправных индивидов, из которых состоит "общество свободы и равенства", - главным участникам капиталистического производства: классу капиталистов и классу наемных работников. Она была впервые поставлена Марксом в "Грундриссе" и "Рукописях 1861-1863 гг." Что удалось ему сделать благодаря постановке и решению этой проблемы, мы знаем - показать сущность капитала как отношения реально неравных в социально-экономическом отношении индивидов. В той мере, в которой эти индивиды позицируются по отношению друг к другу как носители двух разных "предметностей" - труда и капитала, и обе они противостоят одному из них, как чуждые, ему не принадлежащие, неравенство их обнаруживается в том, что один из них - *наемный работник, - перестает быть экономическим субъектом, оставаясь главным субъектом производства.*

Каким видят неоклассики, в свою очередь, это противопоставление? Оно воспринимается ими как проблема неравенства, бедности, несправедливости. По мере развития капитализма и реализации модели общества массового потребления, а значит и положительного для большинства населения решения проблемы бедности, создается видимость, по крайней мере, что актуальность вышеопределенного противостояния, утрачивается. Как эта видимость отражалась в теоретических конструкциях экономической науки? Здесь можно заме-

[1] А. Агг отмечает, что здесь "некая сугубо "антропологическая" проблема - различение абстрактного товаропроизводящего индивида и рабочего как классового индивида - возникает в качестве предпосылки решения определенной политэкономической проблемы (превращения денег в капитал - С.Б.)". См.: Агг А. Мир человека как субъекта производства. Критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии. - М.: Прогресс, 1984. - С. 15.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., - Т. 46. - Ч. I. - С. 505.

тить, также как и в других случаях постановки и решения проблем в рамках буржуазно-мировоззренческих концепций, операцию опрокидывания одного уровня человеческого бытия на другой. При этом происходит сведение уровня производства, где имеют место процессы обобществления и обособления, присвоения и отчуждения, концентрации и распыления ресурсов, прав, полномочий, способностей индивидов - к уровню потребления.[1] Последнее же, по определению, означает, не только *использование, утилизацию*, но и *"уничтожение*" вышеперечисленных объектов и продуктов человеческой деятельности, в *качестве потенциальных посредников* (курсив мой – С.Б.) "в незавершимом совершенствовании самых коренных, сущностных особенностей человеческого бытия, в преодолении одних и выработке иных, новых сущностных сил субъектов"[2].

Таким образом, получается, что по известной, со времен австрийской школы, схеме закономерности и характерные свойства потребления и обмена переносятся на сферу производства. Это означает, что отношения равенства индивидов в обмене автоматически опрокидываются и на сферу отношений между людьми в производстве, где они продолжают оставаться неравными друг другу. Выходит, что вместо прослеживания по ступеням движения от абстрактного индивида как простого товаропроизводителя к индивиду как классовому - участнику других отношений, через ряд опосредствующих звеньев, мы имеем очередное “сталкивание лбами” этих индивидов. В этом столкновении “побеждает” первый, потому что он находится постоянно, то есть повседневно в сфере объективной видимости (вернее, там находится его сознание).

О противопоставлении свободного индивида и стихии рынка. Неоклассическая экономическая теория - единственная из всех теоретических школ открыто ставит “во главу угла” своей концепции свободного индивида, осуществляющего экономический выбор. Хотя мы уже подчеркивали, что свободный индивид лишь - одна сторона проблемы субъекта хозяйственной деятельности в неоклассической теории. Другой стороной является рыночный механизм, благодаря которому обеспечивается оптимальность индивидуальных хозяйственных решений. Противопоставление свободного индивида и стихийного рыночного механизма в большей степени характерно для “поздних” неоклассиков. Так, например, представители неоавстрийской экономической школы Ф. Хайек и Л. фон Мизес прямо озабочены этим противоречием, причем специфически формулируемым. Л. фон Мизес, сетует на то, что в экономической теории происходит “отказ от принципа методологического индивидуализма”, отмечая, что при этом ничего не остается думать, как то, что “поведение

[57] Одновременно здесь создается иллюзия, что процесс производства сокращается в своих масштабах, будучи вытесняемым сферой услуг и обменом, что особенно явно обнаруживается в период так называемой третьей волны технологической революции. Эта иллюзия имеет реальные основания в виде продолжающегося и интенсифицирующегося опредмечивания - овещнения человеческих способностей и отношений в технике и технологиях. Благодаря этому сам человек вытесняется из непосредственного производства, но при этом создается видимость сокращения масштабов последнего. Однако, функции производства - созидания, а не только изготовительства, останутся за человеком на все Времена (но это особый разговор).

[2] См.: Батищев Г.С. Указ. Соч. - С. 18.

личности определяется некими таинственными силами, не подвластными изучению и описанию". Мизес настаивает на том, что человек сам определяет свое поведение, то есть им движут его мотивы, важнейшим из которых является мотив улучшения своего состояния в смысле удовлетворения потребностей [1].

Однако Мизес оставляет в стороне вопрос о том, как соотносятся друг с другом выбор собственного поведения и стихия рыночного механизма. При этом открыто не ставится вопрос и о том, откуда берутся "рыночные силы". Вот Ф. Хайек говорит, что эти силы имеют *спонтанный характер*, однако явно их происхождение также не рассматривает.[2] В целом, экономическая теория Ф. Хайека и неоавстрийцев более "богата" на субъектов. В ней действует не только потребитель - домашнее хозяйство, традиционно действующее лицо у неоклассиков, но также и фирма - производитель. Оба эти субъекта в теоретических системах неоклассики представлены в виде функций - потребительской и производственной. Как подчеркивает А. Шаститко, для неоавстрийцев более важной становится не столько производственная функция, сколько предпринимательская [3].

Но создается видимость, что акцент на предпринимательстве, как функции в рыночной экономике, имеет целью не столько лишний раз подтвердить принцип методологического индивидуализма, сколько все-таки выявить, из чего же складывается спонтанный порядок.[4] Именно последнему отдается первенство в качестве координатора и регулятора распределения ресурсов и их более эффективного использования. Здесь и наблюдается у неоавстрийцев противоречие между двумя принципами, наследуемыми от неоклассиков: между методологическим индивидуализмом, усиленным положением Хайека о том, что хозяйственные решения принимают люди, но ни как не фирмы, или коллективы [5], с одной стороны, и спонтанным рыночным порядком, - с другой. Если в неоклассической теории рыночная конкуренция, в случае достижения общего равновесия, обеспечивает всем участникам максимум полезности (производителям - прибыльности), то спонтанный рыночный порядок обеспечивает самое большее - "это улучшение чьих-то шансов на успех, хотя и неизвестно чьих"[6]. В классическом варианте методологического индивидуализма, который был сформулирован еще Смитом в известном его пассаже о мяснике и булочнике,

---

[1] См.: Мизес фон Л. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // THESIS - 1994. - Т.2. - Вып.4. - С. 211.

[2] Допустим, что эти "силы" формируются непредсказуемо для участников рыночных процессов, но все-таки с их участием (!). Впрочем, если бы эти силы открыто отождествлялись с природными силами и процессами, то и тогда вставал бы вопрос об их происхождении.

[3] Шаститко А. Фридрих Хайек и неоинституционализм //Вопросы экономики. - 1999. - № 6. - С. 49.

[4] Независимо от того, как понимается здесь эта функция - в виде традиционной организаторской, направительской или в виде функции "институционального предпринимательства". См.: Шаститко А. Указ. Соч. - С. 49 - 50, - она вступает в противоречие со "спонтанным рыночным порядком".

[5] Положения о том, что индивид - единственный субъект принятия решений придерживаются все сторонники принципа методологического индивидуализма. Но не все проводят его достаточно последовательно.

[6] Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. - 1989. - № 12.

следование собственному интересу есть необходимое условие общего блага, как бы гарантированного для каждого такого индивидуалиста. Здесь же, в неоавстрийском варианте, главным оказывается не реализация интереса каждого отдельного участника рынка, а "единственная цель, к которой мы можем совместно стремиться - это выработка общей схемы или абстрактных характеристик того порядка, который будет формироваться сам собой" [1]. То есть в качестве такой цели вновь выступает реализация принципа "не вмешивайтесь!" только в более чистом виде, так сказать, ради самого этого принципа. Ведь ничто так хорошо не взаимоприспосабливает индивидуальные планы участников рынка как спонтанно формирующийся порядок, в который, правда, встраивается еще один "субъект" – институты, содержание которых Хайек ограничивает привычками, обычаями и неформальными правилами. Указанное выше противоречие усиливается тем, как понимаются институты и их роль в рыночной конкуренции. С одной стороны, институты являются результатом деятельности людей, с другой, - не могут быть воплощением их планов[2].

В таком случае речь идет о модификации целенаправленных действий индивидов, каждого в отдельности (ибо только так возможно, по мнению представителей неоавстрийской школы, проявление субъектности) в некую равнодействующую силу, притом анонимную, а значит, подобную природной стихии[3]. Здесь мы встречаем тот же *природоцентризм*, который был характерен в определенной степени для добуржуазного мировоззрения и который в новом качестве встроился в мировоззрение Нового времени. Здесь индивид воспринимает природу как объект своей активности, а не поклонения (как в прежних мировоззренческих системах). Можно предположить, что следующим шагом должно стать освоение этого "природного" механизма и подчинение его себе[4].Такое вот некритическое отношение к двойственности самой буржуазной действительности в который раз в истории экономической теории обнаруживается в форме противоречия либо между предпосылками и результатами исследования, либо между самими предпосылками (как это имеет место в случае с неоавстрийской экономической теорией).

Но как долго можно противопоставлять индивида, осуществляющего экономический выбор, и спонтанный рыночный механизм? На этом пути неиз-

---

[1] Там же.

[2] Эбелинг Р. Роль австрийской школы в развитии мировой экономической мысли XX в. // Экономика и математические методы. - 1992. - Т. 28, Вып. 3. - С. 360.

[3] Ф. Хайек настаивает на "разнице между экономической наукой и науками естественными", различая предметы их исследования. Главным здесь выступает то, что в отличие от естествознания, "при изучении столь "сущностно комплексного" явления, как рынок, определяемого действиями многих людей, *вряд ли будут полностью известны* или измеримы все факторы, от которых зависит результат функционирования рынка". См.: Ф. Хайек. Безработица и денежная политика. Правительство как генератор "делового цикла" // Экономические науки. 1991. - № 12. - С.41. Однако при этом сохраняется представление о рыночном механизме как природоподобном процессе. К тому же, "общественные науки" подобны "многим биологическим (наукам - С.Б.)". См.: Там же. - С.42. А это означает, что из их предмета невольно выхолащивается социальное содержание.

[4] Что, впрочем, как раз в духе буржуазного типа мировоззрения и пытались сделать мы в своем недавнем "социалистическом" прошлом в виде централизованного планирования и управления народным хозяйством.

бежно наталкиваемся на проблему их взаимодействия, на решение которой претендует теория общего экономического равновесия. В ней, как известно, рыночный механизм представлен как обезличенный способ координации хозяйственных действий самостоятельных индивидов. Однако, при такой постановке вопроса, в этом механизме не остается места самостоятельности и свободе человека. Насколько в рыночном механизме он представлен как субъект?

Субъект хозяйственной деятельности и механизм функционирования рынка. В рыночной экономике действия хозяйствующих субъектов сводятся к спросу и предложению. В этих, по сути, обезличенных сторонах рынка, от субъектности индивида остается только "шкала предпочтений", как способность ранжировать свои потребности и интересы и придавать им оценочную форму. Именно цены являются связующим звеном между действиями индивидов. При этом влияние товарных потоков на действие индивидов "ограничиваются тем, что благодаря их полезным функциям, люди отдают им предпочтение"[1].

Собственная оценка индивидами хозяйственных благ может складываться, и, как правило, складывается, под влиянием внешних по отношению к индивиду факторов, ключевая роль среди которых принадлежит цене. Хотя индивид реагирует на рыночные действия других людей через цены и сам же через них воздействует на других участников рыночного процесса. Но что представляет собой цена в этом контексте? По своей сути, цена есть форма связи между людьми, как и стоимость. Эта форма является одновременно как материальной, так и идеальной. Именно в силу этой своей черты - идеальности, цена *кажется* таинственной и трансцендентной и, может быть, поэтому - спонтанной, не поддающейся контролю со стороны отдельного индивида или какой-либо их группы (здесь мы пока опускаем вопрос о монополии и плановом ценообразовании). Цена противоречива: с одной стороны, будучи формой хозяйственной деятельности индивидов, как возникающая в их материальной деятельности, сама является также материальной, а значит и объективной. Объективность цены в рыночной экономике объясняется как раз неспособностью индивидов, вернее, каждого из них, воздействовать на нее, как существующую помимо их воли и сознания. С другой стороны, цена, также как и стоимость, является идеальной формой человеческой деятельности [2], но не столько как представитель или знак золота на товаре[3], сколько как общественное отношение, не принимающее, в отличие от денег, товаров, капитала, и других экономических категорий материально-вещественно-вещную форму. Это означает, что *идеальность* цены - прежде всего служить *знаком другого* предмета, отно-

[1] Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // THESIS - 1993. - .Т.1. - Вып.3. - С. 118.

[2] Разработку категории *идеального* см. в работах Э.В. Ильенкова: Проблема идеального //Вопросы философии. - 1979. - № 6,7; Он же. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. - М.: Искусство, 1984.

[3] Можно вспомнить, что у Маркса цена - это *знак* абстрактного труда, стоимости, и в этом смысле, *знак* - *признак* доказательства того, что индивидуальный труд товаропроизводителя признан в качестве общественного.

шения или формы в *данном отношении*, а потом уже быть самой собой (денежным выражением стоимости), - наиболее очевидна, в отличие от идеальности прочих экономических форм.

Получается, что цена, связывая индивидов, вступающих в обмен, задавая им параметры производства и продаж, потребления и покупок, в то же время, благодаря изначальной своей *знаковости* и *идеальности*, присутствует во всех, или, вернее, на всех экономических формах капиталистического хозяйства: товарах, капитале, рабочей силе, издержках, прибыли и… на самих деньгах. Будучи категорией объективной, она в то же время "дорабатывается" каждым (?) экономическим субъектом до своего уровня, то есть до уровня своих потребностей и интересов: вот откуда такое историческое и структурное многообразие цен: от “справедливой”, политической и "естественной" до плановых цен; от цен предприятия, цен производства до рыночных цен и т.д. Однако происходит это весьма противоречиво. Любопытно посмотреть, каким образом выглядит это дорабатывание или “дотягивание” цен до уровня своих потребностей и интересов как в условиях совершенной конкуренции, так и монополизации производства и рынка. Феномен общественности и объективности цены, что означает *совместное* создание ее общественными же индивидами и независимость от отдельного из них, теряет признаки своей общественности (приобретает природоподобный характер) и объективности (становится объектом присвоения для отдельных участников рынка).

Как и любая другая общественная форма в этих условиях, цена отчуждена от индивида (и от многих и многих из них) и одновременно присвоена другими индивидами, немногими из них. Чем же отличается в этом смысле совершенная и несовершенная конкуренция? В условиях полной или совершенной конкуренции присвоение форм экономических связей между индивидами посредством присвоения материального и нематериального богатства, инициативы и других форм активности, способности принимать решения, происходит, действительно, как говорит, Хайек, в основном спонтанно, может быть, никем не контролируемо, как в природе, или подобно природным процессам (но не идентично!). Неконтролируемость означает, что общественные формы хозяйствования выступают как результат столкновения интересов различных групп или отдельных индивидов. В отличие от совершенной конкуренции, несовершенная может быть охарактеризована как хозяйственный процесс, приобретающий регулируемый характер (не только в рамках отдельного обособленного звена). Регулируемость достигается благодаря *целенаправленному присвоению* ресурсов и результатов производства, а значит и форм общественных отношений, что становится возможным из-за сосредоточения в отдельных руках не только самих ресурсов и результатов, но и способности непосредственно создавать идеальное - сами общественные формы производства [1]. Возникает вопрос, - почему становится возможным такое целенаправленное присвоение? Не благодаря ли дальнейшему углублению разделения деятельности и труда и инсти-

[1]Как материальные явления, служащие *знаками* социально-экономического положения индивидов, их *представителями*, а в определенных условиях и их *заместителями.*

туциализации способностей индивида быть субъектом? Институты, как “коллективные действующие лица”[1] теперь заменяют собой с одной стороны, индивидов в их способности создавать общественные формы связей друг с другом, с другой - спонтанный механизм рыночной конкуренции. Вернее, заменяя собой стихийный рыночный механизм, институты, как коллективные действующие лица, продолжают заменять, тем самым, индивидов в этой их способности.

Либеральная экономическая теория упорно сопротивляется этим, в определенной степени, объективным экономическим процессам. Чем объясняется постоянное стремление сторонников принципа методологического индивидуализма делать ссылки на "естественность" рыночного механизма, а значит, на невозможность вмешательства в него со стороны какого-либо субъекта - государства или объединения людей? Такое вмешательство якобы подрывает безупречность этого механизма. Сопротивление этому вмешательству в практике стран с рыночной экономикой можно наблюдать в виде законодательного запрещения на любое соглашение, "результатом которого могло стать вытеснение индивидуальных хозяйствующих субъектов групповыми объединениями, индивидуальных интересов - групповыми"[2].

В теории же безупречность рыночного механизма объясняется исходя из принципа полезности, как господствующего в буржуазном мировоззрении. В теории общего экономического равновесия условием последнего является взаимовыгодность сделки как высший критерий эффективности. Впрочем, ряд современных экономистов[3] подвергают сомнению, как неоклассическую теорию благосостояния, так и ее же теорию равновесия: равновесие может иметь место, а взаимовыгодность отсутствовать. В качестве причины выдвигается информационное неравенство участников рыночного процесса. Эта причина вполне может быть вписана в теорию разделения деятельности и неравного, на этом основании, присвоения индивидами ресурсов, результатов производства и общественных форм их же собственной хозяйственной деятельности. Одним из таких ресурсов, создаваемых индивидами и отчуждаемых от них, является информация.

Кто управляет рыночным механизмом? Информация - это "смазка" рыночного механизма [4], благодаря которой он становится подвижным. Если информация, получаемая участниками рынка, несовершенна, то система подачи сигналов (в первую очередь, цен) искажается в той мере, в которой в современных условиях основными участниками рынков совершенной конкуренции являются посредники, так как именно от них становятся зависимыми подача и прием этих ценовых сигналов. Создается двойственная видимость: с одной стороны рынки приводятся в движение *неизвестными* всем участникам обстоятельствами, с другой стороны - “ухватить” эти обстоятельства могут только те,

[1] Буайе Р. Теория регуляции: Критический анализ / Пер. с франц. Н.Б. Кузнецовой. - М.: Наука для общества, РГГУ, 1997. - С. 17.

[2] Кульман А. Экономические механизмы / Пер. с фр. - М.: Прогресс, УНИВЕРС, 1993. - С. 68.

[3] См.: Сен А. Об этике и экономике / Пер. с англ. - М.: Наука, 1996; Эрроу Кеннет Дж. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. - Весна - 1993. - Т.1. - Вып.2.

[4] Альбер М. Капитализм против капитализма. - СПб.: Эконом. школа, 1998. - С. 286.

кто ближе к самому рынку, то есть посредники - биржевые маклеры, брокеры, дилеры и т.д. Большинство обывателей считает, что именно они (т.е. посредники) обладают подлинной информацией о действительном положении вещей. Так создается иллюзия о власти посредников над рынками и процессами перераспределения собственности. Однако, более или менее углубленный взгляд позволяет теории найти как причины власти посредников в области изменений в собственности и в экономике, так и подлинные силы, приводящие в движение рыночный механизм. Именно ослабление связей между субъектом собственности и субъектом хозяйствования (или, в категориях общей экономической теории, - ослабление связи владельца с конкретным имуществом, которым он владеет) приводит к вышеотмеченной видимости. В образовавшееся пространство между собственником и объектом присвоения, а также управлением им, вклинивается множество посредствующих звеньев в виде лиц или институтов, выполняющих роль посредников.[1]

Эти посредники - агенты принимают решения в отношении богатства своих клиентов. Эти решения, нося массовый характер, в конечном итоге и определяют цены на таких рынках (как правило, на фондовых биржах). Импульсы от динамики цен на этих рынках распространяются по известной цепочке или по сетям хозяйственных связей вплоть до отдельного хозяйственного звена или локального рынка. Впрочем, это может быть очередной иллюзией.

Действительное движение цен, рынков, капиталов и доходов инициируется, скорее всего, не посредниками. Практически все эти частные и институциональные дилеры представляют на рынках финансовых ценностей транснациональный капитал, за которым, в свою очередь, стоят немногочисленные по масштабам группы их владельцев. Последние, по мнению М. Кастельса, и представляют действительных организаторов, "направителей" финансовых и других потоков в мировой экономике [2].

В буржуазном обществе, как, впрочем, и в прежние эпохи, индивиды живут в раздвоенном мире [3]. В одной его сфере - сфере действительной конкретности, люди производят, потребляют, осуществляют обмен деятельностью, преследуют свои цели и интересы, в том числе, делая выбор в условиях ограни-

---

[1] Впрочем, особой разницы между частными лицами и институтами, выступающими в роли посредников рынка, не существует, так как эти частные лица выступают функционерами от институтов.

[2] См.: М. Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - С. 389.; Его же. Становление общества сетевых структур //Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. - С. 492 - 505.

[3] Как уже отмечалось, раздвоенность человеческого бытия, которая имеет место в определенные исторические эпохи, генетически может быть связана с многоуровневостью самого человека и Универсума, где сама предметная деятельность образует лишь один из планов, пластов (наряду с додеятельностным и над-деятельностным уровнями) сущности человека. В то же время непосредственной причиной того, что индивиды живут в раздвоенном мире (посюстороннем и трансцендентном) выступает все-таки разделение деятельности. См.: Хамидов А.А. Категории и культура. – Алма - Ата.: ГЫЛЫМ, 1992. - С. 20-37, 180; Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. - М., 1969.

ченных ресурсов, сравнивая полезности и осуществляя поиск оптимальности и эффективности. В другой сфере - сфере объективной видимости действуют созданные индивидами вещи, товары, деньги, институты, которые наделяются субъектностью и самостоятельностью.

Однако, по логике раздвоения человеческого бытия, в соответствующие исторические эпохи раздвоенные сферы существования человека не могут быть равными: они иерархизованы. Так, трансцендентный мир в архаическом, античном и средневековом социумах, определяет повседневный мир людей, задает ему нормы существования. В буржуазном же социуме уже не существует границы между трансцендентным и повседневным мирами: она стерта самим полезностно-утилитарным и десакрализованным мироотношением людей. Но зато сам повседневный мир раздвоился, и теперь сакрализации и трансцендированию подвергся мир объективной видимости (то, что Маркс назвал миром превращенных форм)[1]. Теперь он принимает на себя характер божественности и всемогущества. В экономической теории это выглядит соответственно: в сфере действительности индивид свободен и принимает самостоятельные решения, действует целесообразно. Однако, уже здесь, в силу ограниченности ресурсов (которое имеет якобы природный, естественный характер, а на самом деле есть вполне общественное явление), вступают в действие некоторые условия, которые накладываются на действия индивида и делают его свободу заданной. Заданность эта определяется уровнем дохода, ценами на рынке, которые воспринимаются как объективные, независимые от индивидов продукты рыночной стихии, конкурентного соотношения спроса и предложения.

В процессе выбора, вследствие изменения действительных пропорций общественного производства и параметров рынка, к следующему циклу выбора его ограничители - цены и доходы, будучи уже другими, то есть измененными самими же индивидами - участниками экономики, вновь будут определять деятельность и поведение этих же индивидов. Внутренняя связь между принятием решений самими индивидами и результатами этих решений - новой структурой производства, новыми ценами и доходами, утрачивается в силу наличия множества опосредствующих звеньев. Таковыми посредствующими звеньями выступают различные отчужденные от самих же людей их отношения, вещные, организационные и институциональные структуры. Объективно, т.е. как специфические отношения индивидов, создается видимость, которая, по сути, противоречива: с одной стороны, свободный индивид принимает хозяйственные решения, с другой - действует независимый от индивидов механизм уравнивания "межличностных полезностей"[2], формирования цен, доходов, пропорций, масштабов производства в экономике. Самое парадоксальное в этой двойственности буржуазного способа производства - то, что для большинства индивидов

[1] Как считает Г.С. Батищев (См.: Проблемы и трудности перевода некоторых марксовых философских понятий. М., 1987.), точнее было бы назвать эти формы *превратными,* ибо здесь имеет место не только движение от сущности к явлению (собственно превращение), но и перевертывание пластов, уровней, планов действительности, в результате которого происходит искажение отношения между сущностью и явлением, формой и содержанием, формой и материей.

[2] .Сен А. Указ. Соч.. - С. 50 - 51.

впервые в истории создается возможность действительно деятельной активности и деятельного поведения[1]. Именно в силу десакрализации и лишения трансцендентного мира свойств субъектности в мировоззрении человека Нового времени создаются предпосылки для индивидуальной активности человека в повседневном бытии. Так реализуется, правда, в специфической форме, один из принципов диалектики - принцип видения проблем действительного мира и принятия на себя их решения единственным, подлинным субъектом - человеком.

Но не “человек вообще” становится таким субъектом, а конкретно-исторический индивид, обитающий в определенном культурно-историческом пространстве (и создающий его), по определенной логике, пока в пространстве рыночно буржуазной формы общественного производства. Это и было схвачено в начале классической, а затем и неоклассической школами экономической теории в виде принципа *методологического индивидуализма,* в котором, правда, специфика капиталистического экономического субъекта была подменена вневременным, внеисторическим человеком - “индивидом вообще”, якобы от природы получившим свою способность принимать решения и делать выбор. А на самом деле он исторически *формирует* у себя эту способность быть субъектом путем ее постоянного и повседневного присвоения.

В то же время, субъектность эта принимает свой, специфический для этой эпохи, характер деятельной активности, для которой весь остальной мир - лишь объект, предназначенный приносить пользу.

Если, как пишет Е.Я. Режабек[2], - “активность - это движение, выходящее за пределы своего носителя", а "носитель активности окончательно развертывается в процессе развития лишь там, где может быть зафиксирован некоторый результат" (активности - С.Б.), то таким конечным результатом в условиях исследуемого способа производства для большинства его участников является полезность. Здесь активность индивида и полезность, как ее результат (и форма отношений), выступают в качестве двух сторон одного целого - *специфически буржуазной экономической субъектности*.

---

[1] Батищев Г. С. Диалектика творчества. - М., 1984. Деп. в ИНИОН АН СССР - №18609. - С. 147-216.

[2] См.: Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. Ростов н/ Д.:Изд-во Рост. ун-та, 1993. - С. 7.

Глава 2 Основные типы экономических субъектов: характер и эволюция

2.1 Социально-экономическая природа и типы субъектов хозяйственной деятельности

Типы производственных отношений и типы экономических субъектов. Если подойти к системе производственных отношений с позиций конкретно-исторического способа производства, то, как известно, в ней можно выделить два типа системообразующих отношений: так называемые исходное и основное отношения системы[1]. В той мере, в которой образцом развитой системы отношений на протяжении нескольких столетий служит система капиталистических отношений, мы и будем говорить об исходном и основном отношениях этой общественной формы производства [2].

Исходным отношением данной системы выступают, как известно из теории Маркса и политической экономии, разрабатываемой в советскую эпоху, товарное или стоимостное отношение. Основным же отношением выступает капитал, а точнее производственное отношение между трудом и капиталом [3]. Стоимостное отношение как исходное в системе рассматриваемого способа производства отражает преемственность с его предпосылками, то есть со стади-

---

[1] В свое время проблема системообразующих производственных отношений разрабатывалась в советскую эпоху, в первую очередь учеными цаголовской школы политической экономии социализма. См.: Актуальные проблемы политической экономии /Под ред. Н. А. Цаголова, - М.: Изд-во Московск. ун-та,1979; Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. - М.: Мысль, 1966; Шкредов В.П. Метод исследования собственности в "Капитале" К. Маркса. - М.: Изд-во МГУ, 1973; Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономии. - М.: Изд-во МГУ, 1982; Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. - М.: Экономика, 1982; Юдкин А.И. Метод исследования системы производственных отношений в "Капитале" К. Маркса. - М.: Изд-во Московск. ун-та, 1985., а также рабоы Осадько М.П., Куликова В.В., Шехета Н. И., Городецкого Е.С., Дунаева Э.П., Трубицыной Т.И., Аузана А.А., Бузгалина А.В., Колганова А.И. и др.

[2] Работа с такими категориями как "исходное" и "основное" отношение, "целостность системы", да и с самой категорией "системность" вернее, "органическая системность", "природа", "генезис" и т. п. в экономичекой теории может озачать не только использование так называемой "биологической метафоры", что характерно в открытом виде для эволюционной теории, но и признание того, что общество в своем развитии и становлении проходит и такие ступени, на которых отношения индивидов выступают еще как природоподобные или псевдоприродные. Здесь только следует подчеркнуть недопустимость сведения, редукции социального в человеке к природному в нем. В той мере, в какой признается "биологическая метафора", исследователь приходит к вышеназванным категориям. Так Ф. Хайек, ссылаясь на У. Уивера, который назвал общественные явления "организованно комплексными", отмечает, что "характер структур, которым такая комплексность свойственна, зависит не только от свойств отдельных составляющих элементов и от относительной частоты проявления этих свойств, но и от *способа взаимного соединения данных элементов* (курсив мой - С.Б.)". См.: Ф. Хайек. Безработица и денежная политика. Правительство как генератор "делового цикла" //Экономические науки. 1991. - № 12. - С.42 - 43. Этот "способ" и есть основное отношение системы органического типа.

[3] Интуитивно форму найма рабочей силы особо выделяют среди других экономических форм и подчеркивают ее значение как капиталистического института французские конвенционалисты и сторонники теории регуляции. См.: Р. Буайе. Теория регуляции ... - С. 11, 85 - 87. Интересно, что другой такой же значимой для системы капитализма экономической институциональной формой у них выступают деньги. См.: Там же.

ей простого товарного производства, где это отношение формировалось как основное и системообразующее. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: если оно не было таковым в силу отсутствия простого товарного производства как самостоятельной исторической системы[1], без того чтобы быть всеобщим или стать таковым оно не смогло бы послужить предпосылкой для становления капитала. Даже если допустить, что оно не было всеобщим, а только основным и констатировать его присутствие в исторически конкретных обществах феодального типа, то следует иметь в виду, что оно сформировалось все-таки в соответствующую структуру - *рынок* как совокупность регулярно повторяющихся обменов[2].

Здесь следует отметить различие между стоимостью и рынком. Если стоимость это отношение, форма связи между индивидами, то рынок - организованная, или точнее, организационная форма этого отношения и как таковая есть именно *структура***,** обеспечивающая устойчивость стоимостных отношений товаропроизводителей.

Что касается капитала как основного отношения, то он тоже принимает соответствующую форму организации структуры – предприятие, но не непосредственно, а через индивидуальную активность буржуазного экономического субъекта[3].

Забегая вперед, следует отметить, что в экономической истории России исходное отношение капиталистического способа производства формировалось в виде очаговых или анклавных структур в хозяйственной системе.[4] Не будучи массовым, товарно-стоимостное отношение не смогло разрушить отношений личной зависимости и приобрести необходимый, с точки зрения трансакционных издержек и роста производительности общественного труда, обезличенный характер (ведь преодоление *отношений личной зависимости* возможно только через *их обезличивание*!). Может быть, в силу этого оно не превратилось во всеобщее, т.е. основное, капиталистическое отношение. Здесь получалось, что индивиды, либо отдельные их группы (т.е., не большинство) не в полной мере осваивали-присваивали формы хозяйствования, соответствующие исходному для буржуазного социума отношению - стоимостному - т.е. их отношения носили другой, не стоимостной или до-стоимостной, в общем, персонифицированный

---

[1] Эмпирически существование простого товарного производства может быть объяснено с позиции неоинституционализма, в частности с точки зрения теории прав собственности. Так Л. де Алесси описывает такой правовой режим частной собственности, “нулевых трансакционных издержек и нейтральности к риску”, при котором “фирм не существовало бы”. То есть “собственники ресурсов просто функционировали бы как независимые товаропроизводители, покупающие факторные услуги у собственников других ресурсов, добавляющие свой собственный вклад и передающие продукцию потребителям или следующим в производственно-распределительной цепи независимым товаропроизводителям”. Цит. по: Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). - М., 1990.

[2] См.: Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. - Т. 2. Игры обмена. - М., 1992. - С.

[3] Это положение будет развернуто далее, при рассмотрении основных функциональных экономических субъектов.

[4] Это явление, хотя и с определенной степенью точности можно назвать "замкнутыми (compact) рынками". См.: Ш. Эйзенштадт. Указ. Соч. - С. 211.

или индивидуализированный характер. А формы хозяйствования, соответствующие такому характеру отношений - натуральное, мелкотоварное, полутоварное, - господствовали длительное время в экономической истории России.

В то время как в странах первого и второго эшелонов развития капитализма субъекты основного отношения лишь в "снятом виде" являлись субъектами и исходного отношения, постольку, поскольку отношения капитала в основе своей - отношения стоимостные, т.е. обезличенные, овещненные, деперсонифицированные и как таковые формируются, организуются, структурируются "за спиной" экономических субъектов, спонтанно-стихийно. Эти отношения предполагают не только соизмерение затрат и результатов хозяйственной деятельности [1], но и учет вмененных издержек или альтернативной стоимости. Также их характеризует "перевернутость", "оборачиваемость", "опрокидываемость" одного уровня отношений на другой уровень отношений или деятельности, замещаемость, компенсационность, калькулируемость и т.д. Главной же их чертой является *полезностный характер*: т.е. *стоимость это такое отношение обезличенных хозяйствующих субъектов, в котором они выступают взаимно по отношению друг к другу как объект, призванный приносить пользу.*

В нашей системе субъектов, в отличие от тех типов социумов, в которых сложился и развился капитализм отсутствуют субъекты, соответствующие исходному и основному отношениям в чистом виде. Речь идет о носителях стоимостного отношения как отношения простого товарного производства (несмотря на то, что мы имеем сейчас подобие таких субъектов под видом индивидуальных предпринимателей, не имеющих отношения к капиталу или капиталистическому сектору в нашей экономике).

В российской экономике мелкий бизнес и индивидуальное предпринимательство - это разные организационные и правовые формы ведения хозяйства, в то время как на Западе они совпадают. Факт их совпадения свидетельствует о том, что носители исходного отношения одновременно есть носители отношений капитала. Здесь следует указать, что представители индивидуального предпринимательства или мелкого бизнеса отличаются от представителей, носителей чисто капиталистических отношений, т.е. крупного бизнеса. Индивидуальное предпринимательство в настоящее время, будучи вытесненным на периферию экономической системы, все-таки не может служить чистой капиталистической формой: его носитель, как правило, "работающий собственник"[2]. Мелкий и крупный бизнес отличаются здесь как носители исходного и основного отношения капиталистической формы производства.[3]

---

[1] Этот по видимости натурально-вещественный процесс в данном случае становится экономически - социальным процессом и укореняется в виде соответствующих буржуазных категорий: капиталистических издержек производства и прибыли.

[2] В.А. Рубе подчеркивает, что в качестве критерия (основного) определения таких понятий, как "малый бизнес", "мелкое капиталистическое предприятие", "крупная корпорация" служит соотношение собственности и труда, собственности и управления. См.: Рубе В.А. Малый бизнес: история, теория, практика. - М.: ТЕИС, 2000. - С.30 - 32.

[3] Впрочем, многие авторы рассматривают предпринимательство, независимо от его форм и масштабов, как институт рыночной экономики, а последнюю считают существующей вообще вне определенного исторического, социально-экономического контекста. См., например: Колесникова

У нас же в силу восстанавливающего развития субъекты или носители мелкого бизнеса и индивидуального предпринимательства не совпадают. Эти формы хозяйственной деятельности олицетворяются либо разными типами субъектов, либо, если одним субъектом, то тогда можно выделить две стороны его деятельности, или две функции, которые должны находиться в противоречии в наших условиях неразрешимом. С одной стороны, он "призван" обеспечивать воспроизводство исходного отношения, создавать ткань рыночных отношений и соответствующие ей структуры рынка. С другой, этот субъект должен обеспечивать развитие новых технологий, а эта задача решается на другом уровне развития капитала (как показывает опыт развитых в экономическом отношении стран)[1], где стоимость "подорвана", где имеют место элементы согласованности в отношениях этих субъектов хозяйственной деятельности, а значит, совместности, уменьшения неопределенности, возрастания возможности предвидения, прогнозирования и планирования (то есть всего того, что мы раньше назвали обобществлением производства). Именно эти элементы формируют новый тип отношений, которые приходят на смену обособленности, стихийности, непредсказуемости[2], хотя и в границах корпораций, правда, ныне достигших безграничности информационных сетей.

Итак, насколько возможно в наших условиях одновременно и равноинтенсивно формировать и исходное и основное отношения системы: стоимостное, с его структурой - рынком, и капиталистическое - с его структурой - предприятием. Кроме этого, наличие элементов позднекапиталистического уклада в бывшей советской экономике и соответствующего ему типа работника - носителя рабочей силы постиндустриальных технологий требует постановки вопроса о позднекапиталистическом основном отношении и соответствующей ему структуре.

Насколько общественные индивиды способны решать одновременно разные задачи, т.е. задачи разного уровня воспроизводства системы? Для отдельного индивида это означает возможность в сжатые исторические сроки с одинаковой интенсивностью присваивать - осваивать формы хозяйствования и виды деятельности, соответствующие разным (логически и исторически) ступеням развития системы, в направлении которой происходит преобразование. Вопрос состоит в том, в какой мере индивиды могут выступать субъектами соответствующих форм хозяйственной деятельности и отношений. Именно такой должна быть постановка вопроса в силу того, что в принципе, субъектом (того типа отношений, которые у нас как никак складываются) - первым, исходным, является именно экономически активный индивид.

Мы исходим из того, что производственные отношения в любой истори-

---

Л.А. Порядок *для* хаоса: государство и предпринимательство в переходной экономике / Под ред. Б.К. Злобина. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С. 10 - 40.

[1] См.: Пороховский А.А. Экономические отношения в монополистических объединениях: (на примере промышленных концернов). - М.: МГУ, 1979; его же: Большой бизнес: путь к господству: Империализм и товарные отношения. - М.: Мысль, 1985.

[2] Но утрачивается ли при этом обезличенность в этих отношениях? Происходит ли их (отношений) действительное присвоение индивидами или происходит замена персонификации *персонализацией*, как в трансформационной экономике?

чески конкретной хозяйственно-экономической системе либо *персонифицированы* (или индивидуализированы), либо *обезличены***.** В первом случае в экономике (хозяйственной системе) явно прослеживаются ее основные участники, характер, тип и виды которых обусловлены (и сами обусловливают его) характером производственных отношений или их природой, или общественной формой производства, господствующей в данном обществе. В случае же обезличивания мы имеем некие субъектоподобные формы и структуры (в качестве которых могут выступать и сами отношения, как структурированные, то есть получившие устойчивые формы существования (стоимость как рынок, институты, как правила и нормы), и вещи и овещненные процессы и отношения (товары , деньги, капитал), и наиболее развитые структуры - институты, как организации. В данном случае (обезличивания) в производственных отношениях совершенно исчезает индивид, как основное действующее лицо в экономике (правда, определенного типа - буржуазного), и формы хозяйственно-экономической деятельности людей выступают при этом как "естественные", природоподобные явления и процессы.

Здесь следует подчеркнуть, что в любом социуме, покоящемся на разделении деятельности (и на любом этапе его развития), видимо, имеют место оба процесса: и обезличивание и персонификация (индивидуализация), но они "распределены" неравно между индивидами и их группами.

Проблема репрезентативности и представительства в производственных отношениях. Чтобы показать теоретически процесс персонификации (олицетворения) производственных отношений, необходимо восхождение к определенным абстрактным, но в то же время, всеобщим для любого социума или любой социально-экономической системы, предпосылкам.

Человек и социальность начинаются с предметной деятельности. Принцип предметной деятельности означает, что человек, в отличие от животного, осуществляет ее в соответствии с логикой предмета, на который она направлена, а не в соответствии со своей собственной логикой [1]. Структуру деятельности как человеческого феномена образует всеобщность, целостность ее определений, осуществляемых субъектом. Такими определениями или "атрибутами субъектной достаточности"[2] являются целеполагание, целевыполнение, выбор средств, самоконтроль, опредмечивание, распредмечивание, единство материальной и духовной составляющей. Труд - специфическая форма предметной деятельности в материальном производстве.

Деятельность в единстве, всеобщности ее определений - субъектна. Но, как сама целостная деятельность, так и ее субъект - феномены исторические. В определенных социально-экономических условиях деятельность выступает как разделенная на фрагменты (целеполагание, целевыполнение и т.д.), которые закрепляются за отдельными индивидами (или их группами). Внешне разделение деятельности (и разделение труда в материальном производстве) могут принимать форму специализации, хотя эти процессы содержательно различны, как, в

[1] Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип ... - С. 82, 88-89.
[2] Он же: Проблемы и трудности перевода некоторых марксовых философских понятий ... .

прочем, различны деятельность и труд. В отличие от деятельности, которая содержит цель и смысл в самой себе, труд - это такая деятельность, которая сама выступает как средство. Смысл труда при этом находится не в нем самом, а вовне, за пределами самой деятельности, в виде внешней целесообразности (стимул - как такая целесообразность).

Разделение деятельности и разделение труда предполагают частичного человека, выполняющего не всю полноту "субъектной достаточности", а лишь отдельные фрагменты деятельности. Целое же осуществляется как бы "за спиной частичных индивидов". Полнота определений деятельности как целостной исторически находила свое воплощение или представление в явлениях природы, или за пределами человеческого повседневного бытия (в трансцендентном или потустороннем мире), если речь шла об архаическом, античном или средневековом обществе. В более поздние исторические эпохи таким воплощением целостной деятельности становится совокупный работник, действующий в пространстве общественного разделения труда и его кооперации или некоторые институты (например, общество, наука, искусство).

В социальном целом образуются и отделяются друг от друга такие его уровни, как общество и индивид, центр и периферия, материальное производство отделяется от духовного производства. В самом же материальном производстве умственный труд обособляется от физического, операции целеполагания и контроля - от операций целевыполнения; опредмечивание и распредмечивание также отрываются друг от друга. Происходит противопоставление общественной и индивидуальной жизни человека, общественного и индивидуального интереса. При этом индивидуальный интерес трансформируется в частный, а общественный в какой-либо институциональный интерес.

Человек, не выполняющий всю полноту целостной деятельности, перестает быть субъектом. Между человеком и его деятельностью (а значит, между ним, как деятельным субъектом, и его способностями и результатом его деятельности) возникает множество посредствующих звеньев. Таковыми становятся социальные группы и слои (страты), классы, как носители разных фрагментов деятельности и разных способностей индивида; общество как воплощение целостности и универсальности деятельности; институты, в которых также воплощаются (опредмечиваются) способности индивида или фрагменты его деятельности. При этом сам *индивид из субъекта* превращается в *персону* - носителя, исполнителя какой-либо функции (что, впрочем, не исключает в рамках этой функции возможности целеполагания, но в зачаточном состоянии).

Так возникает *проблема репрезентативности или представительства,* которая в материальном производстве принимает форму сначала персонификации индивидов (и их отношений), которые лишь играют экономические роли, то есть, *представляют собой* хозяйственные процессы, структуры или экономические институты, являясь *их* носителями или функционерами. По мере дальнейшего разделения деятельности и углубления разделения труда, представительство принимает форму “овещнения лиц и персонификации вещей”. Вещи (средства производства, например, которые сами являются опредмеченными способностями индивидов, или золото, само, будучи лишь знаком, символом,

представителем денег, которые являются формой отношений между людьми и т.п.) надевают на себя человеческие маски и действуют от их имени. В то время как сами отношения индивидов внешне выступают как обезличенные. Таковы, например, рыночные отношения, в том числе, ценообразование, конкуренция, распределение и перераспределение ресурсов, доходов и т.д. Создается объективная видимость действия "невидимой руки", "стихии рынка".

Так множится количество *опосредствований и посредников*, замещений и заместителей человеческой деятельности. Все это образует повседневность человеческого бытия. В сознании хозяйствующего индивида эти опосредствования перевертываются, меняются местами. Самим индивидом (не рефлектирующим, т.е. специально не прослеживающим эти опосредствования и замещения) они не обнаруживаются, не фиксируются. Мир этих опосредствований и замещений становится естественной средой обитания человека, которую он до определенной поры не замечает[1].

Но остаются ли сферы в жизненном пространстве индивида, где он мог быть самим собой - субъектом целостной деятельности, принадлежать себе, а не обществу, как противостоящему целому? В силу ряда причин, которые еще, видимо, предстоит обосновать, генетически "вытащив" их из противоречий самой деятельности человека, предметная деятельность индивида сосредоточивается исторически преимущественно в материальном производстве. Время человека после разделения деятельности делится на личное время индивида (или свободное) и общественно-необходимое время, последнее принимает форму экономического, хозяйственного времени. Экономическое время и экономическое бытие человека есть время труда, то есть деятельность по добыванию пищи, одежды, жилища и других средств к жизни, а оно, как показывает история, пока преобладает как в физическом, так и в социальном времени и пространстве человека.

С делением пространства жизнедеятельности индивида на социальное и экономическое, соответственно и социальные отношения начинают противостоять экономическим отношениям индивида. Производственная, созидательная деятельность человека превращается в узко производственно-изготовительскую (или производственно-технологическую) деятельность, происходящую в рамках общественно-производственных отношений, носящих, якобы, сугубо объективный характер. Последние, по существу, тоже создаются самими индивидами, но практически, противостоят им как чуждые. Процесс опосредствований, замещений, перевертываний продолжается.

Но одновременно происходит и противоположное - становление деятельности как универсальной и целостной для отдельного человека, а не только для общества как целого. В материальном производстве это выражается в усложнении, изменении характера и содержания труда работника, что часто подчеркивается при описании постиндустриального общества или неоэкономики. Сокращение масштабов собственно вещного производства, отмечаемое, в со-

[1] Однако это не снимает проблемы подлинности как самих процессов и явлений, как объективной реальности, так и провозглашаемых или не провозглашаемых целей, интересов, мотивов повседневного поведения их носителей - различных групп, слоев общества, каждого индивида.

временной экономике западных стран может рассматриваться как превращение узко-изготовительской деятельности человека в созидательную, творческую деятельность. В истории этот процесс иногда принимает поступательный характер. Происходит смена и освоение технологических укладов, развитие (присвоение индивидом) производительных сил. Если процесс принимает нелинейный характер, то это происходит в той степени, в которой труд, как живой процесс, разделен между людьми неравно: одни индивиды олицетворяют собой целеполагание, контроль, единство опредмечивания и распредмечивания, организаторские функции и т.п., другие - преимущественно физический труд, исполнительские функции. В этом случае опредмечивание в производительных силах все больших способностей человека и высвобождение времени для их самоцельного развития сопровождается возникновением сфер деятельности, где сохраняются монотонный труд, частичная фрагментарная деятельность. Но поскольку фрагменты разделенной деятельности и труда закреплены за отдельными индивидами и их группами, что, вместе с отношениями частной собственности или обособленного хозяйствования, образует социально-классовую дифференциацию (или стратификацию) общества, постольку возникает следующая проблема. Индивиды теперь делятся на тех, кто имеет доступ к целеполаганию, принятию решений и творческой деятельности и тех, кто исключен из доступа к ним, а значит, в своей повседневности не осуществляют всю полноту определений субъектности. Так, *проблема представительства, репрезентативности трансформируется в проблему деления общества на субъектов и на не субъектов* (носителей определенных функций, игроков, играющих роль и "носящих маски", агентов - представителей, персонификаций и т.д.).

Думается, что эти понятия не являются только словами-синонимами (хотя чаще всего они так и используются даже в научной литературе), служащими для характеристики одних и тех же индивидов. Скорее всего, они отражают собой разные ступени опосредствований человека и его деятельности, в первую очередь, хозяйственной. В то же время разные ипостаси существования индивида в качестве участника хозяйственной деятельности отражают различные способы включения и характер участия индивидов в общественном производстве. По мере развития человеческого общества меняется и характер опосредствований, и формы замещения индивида в его сущностных проявлениях (в целостной деятельности, "деянии, созидании, общении"). Одним из таких опопосредствований становятся *институты*, которые концентрируют в своих “руках” и в своей “деятельности” целеполагание, выбор средств, контроль, продуцирование идеального.

Теперь "заместители" индивидов, в качестве хозяйствующих субъектов, разделились на *социальный* (группы, сословия, касты, классы, слои, страты и т.п.) и *институциональный* (формальные институты: государство, фирмы, организации, корпорации, фонды, ассоциации) *типы*. Особые размах и масштабы институциализация получили в условиях перехода старых индустриальных (да и новых тоже) стран к неоэкономике, когда вместо обезличенных, либо персонифицированных, фигурами индивидуальных участников процессов и отношений - представителями капитала и наемного труда, продавцами и покупателями

появились процессы, олицетворяемые “коллективными действующими лицами” и институтами. Причем, как всегда в человеческой деятельности, это выступает двояко. С одной стороны, одни институты сменяют другие: рынок, в качестве единственного и обезличенного регулятора заменяется государством и промежуточными институциональными структурами. С другой, - институты, как коллективные действующие лица, вытесняют и замещают индивида в процессе принятия решений и ответственности за них. Правда, нельзя сказать, что до сих пор индивиды были более самостоятельными и суверенными в хозяйственной деятельности. Теперь к прежним процессам "персонификации вещей и овещнения лиц" добавляется тотальная *институциализация* индивидов. Человек при этом не только представитель вещей, но и функционер от институтов, которым он же и передает, в свою очередь, функции хозяйствующего субъекта.

Посмотрим, как выглядят некоторые особенности персонификации - обезличивания производственных отношений в разных типах социумов.

Так, в архаичном, античном и средневековом социумах персонификация производственных отношений, которые в основном пока еще только являются хозяйственными, и в меньшей степени - экономическими, представляет собой, как отмечалось ранее, процесс наделения субъектностью трансцендентных сил, находящиеся за пределами человеческого повседневного бытия. К тому же в самом повседневном существовании большинство индивидов(в той мере, в которой происходило их собственное, личностное становление) ориентировалось не на потребности и интересы, возникающие в сфере их материально-практической деятельности, а на ценности и смыслы других уровней и пластов, планов бытия, в том числе духовного (специфически духовного для каждого такого социума). Так что, если под *персонификацией производственных отношений понимать степень отражения в хозяйственно-экономических формах потребностей, интересов большинства основных участников и созидателей этих форм - исторически конкретных индивидов* (или их групп), то в отношении добуржуазных хозяйственных систем следует отметить слабую степень персонификации, что и обнаруживается (или обнаруживалось) в господстве отношений личной, персональной (!) зависимости, отсутствии выбора и ответственности за его результаты.

В буржуазном социуме, когда в мировоззрении большинства происходит удвоение и "перевертывание" планов, уровней, пластов самой повседневной действительности, а хозяйственные отношения становятся преимущественно экономическими, персонификация производственных отношений приобретает свой специфический характер (который затем воспринимается не только обыденным, но и теоретическим сознанием в качестве всеобщего и *естественного*). Эта специфика обусловлена, в частности, "опрокидыванием" принципов, норм материально-практической деятельности с ее полезностным характером (то, что мы называем хозяйственно - экономическим) на другие сферы деятельности человека: познавательную, ценностно-этическую, религарную. Но главное здесь то, что сама *персонификация* обнаруживает в этом типе социума более выраженный двойственный характер. С одной стороны, в ней мы обнаруживаем ту или иную степень отражения, воплощения в хозяйственно-

экономических формах потребностей и интересов самих участников этих форм - индивидов или их групп, а значит то, насколько индивидуальное целеполагание определяет характер, направленность и результаты хозяйственной деятельности. С другой, - *персонификация - это процесс "передачи" субъектности (ее основных атрибутов) от индивидов, как подлинных исторических субъектов, другим - вещным или институциональным структурам, формам, "силам",* в том числе рыночным. Последние также становятся институциализированными. Персонификация показывает, насколько характер, направленность и результаты хозяйственной деятельности выступают как стихийные, спонтанные, не зависящие в конечном итоге от индивидов, которые, однако, и привели их в движение.

На поверхности явлений в буржуазном социуме, в результате "перевертывания" и "опрокидывания" уровней и планов человеческой деятельности, их смещения и т.д. те структуры, формы и "силы", которые теперь наделяются субъектностью, принимают к тому же трансцендентный, сверхчувственный характер. Они выступают как некие высшие и непостижимые "силы", действующие по сравнению с другими ("силами", субъектами) наилучшим образом и, к тому же, автоматически или "естественно"[1]. Эта вторая сторона персонификации и есть *обезличивание* производственных отношений.

Кроме того, процесс *персонификации-обезличивания* совпадает с процессом овещнения, а несколько позднее - на стадии постклассического капитализма, - и институциализации отношений и индивидов. Вернее, персонификация-обезличивание принимает форму овещнения, а затем - институализации. Эти две стороны одного и того же процесса могут быть также, и оторваны друг от друга во времени. В таком случае одна из них выступает наиболее выпукло, актуально. Вот почему они могут быть представлены как этапы (самостоятельные) в развитии субъектности индивида или в эволюции экономических субъектов.

Иерархия и субординация экономических субъектов. Можно разграничивать социально-экономических и функциональных субъектов с точки зрения разграничения в деятельности индивидов уровня отношений и уровня структуры. На уровне отношений субъекты выступают в качестве социально-экономических субъектов (индивид, социальная группа, институт). В качестве таковых они являются не только носителями, но и их подлинными созидателями. Они иерархизованы. С точки зрения структуры как организованной формы отношений субъекты выступают как функциональные (фирмы, домохозяйства, государство). Они "рядоположены", между ними нет отношений иерархии, хотя внутри них есть субординация. Между этими двумя типами субъектов распределяются интересы, потребности, ценности и другие мотивы и стимулы хозяйственной деятельности в соответствии со ступенями *персонификации-обезличивания* или *представительства-репрезентативности*. Деятельность

[1] См. у Д. Норта приравнивание к таким "силам" институтов, как "встроенных стабилизаторов" в общественные взаимодействия индивидов: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер с англ. А.Н. Нестеренко. - М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997. - С. 18 - 19.

индивидов, через структуру, которой передаются “атрибуты субъектной достаточности” превращается во *взаимодействие и поведение*, а затем - в *функцию*, которая утрачивает связь с субъектом и выступает как функция от структуры.

Проблема разделения субъектов на социально-экономических и функциональных восходит к раздвоенности капиталистической действительности, о которой говорилось прежде и которая, в свою очередь, порождает раздвоение капитала на капитал-собственность и капитал-функцию.

Социально-экономические субъекты, неприкрыто, если можно так сказать выступают сами за себя, не скрывая своей природы и непосредственной связи с производственными отношениями и с сущностными для всей системы отношений формами собственности. Их интересы явно *просистемны*, коренным образом связаны с ней и обусловлены ее спецификой. Более того, саму систему эти субъекты и создавали первоначально, но их роль со временем, по мере становления системы в целостность ушла на второй, третий и т.д. планы. Эти субъекты были вытеснены, замещены функциональными субъектами или сами в них превратились.

В отличие от социально-экономических субъектов, функциональные экономические субъекты внешне выглядят *безличными*, в смысле, безразличными к конкретно-исторической специфике экономической системы и в плане отсутствия в них индивида, как самостоятельного действующего лица. На уровне функциональных экономических субъектов индивид может выступать: как представитель (и функция) фирмы (даже частнопредпринимательской, хотя именно в ней он в большей степени представляет сам себя, как носителя функции полезности, которая принимает вид предпринимательской или производственной функций); как представитель домашнего хозяйства, но не как самостоятельная личность.

Функциональные экономические субъекты достаточно абстрактны, усреднены. Сфера их функционирования - представлять и систему как ставшую и автоматически воспроизводящуюся. По большому счету, фирма, домохозяйство и государство являются продуктами буржуазно-экономических производственных отношений, но утратившими связь со своим происхождением. Они как бы замаскировались под безличные элементы любой системы хозяйствования или системы вообще. В этом смысле они берут свое начало от всеобщих условий и форм человеческой хозяйственно-производственной деятельности, таких как труд, потребности, производство, продукт, ресурсы и т.д. Но, по сути, они глубоко *капиталистичны*: и домохозяйства, и фирмы, и государства есть специфические буржуазно-капиталистические экономические субъекты. Все они выполняют функции капитала.

Так, домохозяйство в данных исторических условиях есть агент капитала в той мере, в которой оно является для него поставщиком рабочей силы (в условиях позднего капитализма - “человеческого капитала”) и других ресурсов, и в той мере, в которой в его воспроизводстве необходимым условием является их потребление и сбережение. Фирмы по существу - это “бывшие предпри-

ятия”[1], то есть специфически капиталистическая организационная форма. Государство не только как экономический субъект, но и как самостоятельный политический субъект есть также продукт капитала и функционер от него.

Для социально-экономических субъектов в отношениях собственности предопределена их сущностная основа. В отношения собственности, как исторически конкретную форму присвоения условий, результатов производства, а также отношений и форм хозяйствования вступают именно индивиды. А при условии передачи субъектных свойств и функций социальным группам, классам и институтам отношения собственности принимают другие формы, но остаются значимыми в социально-экономическом устройстве общества.

Функциональные же субъекты внешне непосредственно в отношения собственности, как в общественные производственные отношения не вступают. Для них имеет значение не характер присвоения, а структура собственности на предприятии, внутри хозяйственно-производственных экономических единиц, т.е. собственность, как отношения по поводу "пучка прав". Здесь производственные отношения принимают форму соглашений, контрактов, договоров (не обязательно в юридической форме)[2].

Таким образом, для социально-экономических субъектов отношения собственности - это их “продукт”, а затем - это внешняя, общественная, макроэкономическая среда, как всеобщая основа и форма их деятельности. Для функциональных же субъектов структура собственности - это есть способ их организации (и с правовой, и с хозяйственной точки зрения), способ распределения (аллокации) ресурсов (естественно, выбираемый якобы ими самими же) как между самими функциональными субъектами, так и внутри их организационных структур.

Постановка вопроса о связи социально-экономических и функциональных субъектов с отношениями собственности позволяет увидеть, каким образом одни и те же отношения и структуры, а также их субъекты работают, проявляют себя на разных уровнях самой экономической деятельности: макро-, микро -, индивидуального и общественного воспроизводства, на уровне производственных отношений и производительных сил, технико-технологической структуры, в сфере производства и сфере обмена, в сфере инвестиций, на территориальном уровне, в международных экономических отношения и т.д.

Различия между социально-экономическими и функциональными субъектами исторически и логически прослеживаются или обнаруживается только на определенной ступени развития капиталистической рыночной экономики. Исторически: когда на смену индивидуальному частному предпринимателю и капиталисту, в том числе, приходит коллективно-частное предпринимательство в виде акционерных обществ (с точки зрения капитала и собственности так организованных) и монополистических союзов (которые возникают позже, когда концентрация производства и капитала переходят в централизацию капитала и

[1] Подробнее о различиях предприятия и фирмы см. далее, в п. 3.1.

[2] См. в неоинституциональной экономической теории: фирма как контракт между владельцами взаимоспецифических ресурсов.

производства[1]. Это, кстати, вносит необратимые изменения в рыночный механизм: в нем появляются новые элементы в виде монополистической конкуренции, монопольного ценообразования, несовершенной конкуренции и т.д., которые оформляются в соответствующие типы рыночных структур. Так появляются так называемые различные *модели рынка* - сфера, где обитают функциональные экономические субъекты.

Когда все более многообразными становятся модусы одной субстанции - стоимости в форме капитала и эта субстанция захватывает новые и новые сферы человеческой деятельности и отношений, то завершается, то самое становление системы *целостностью*[2] Воспроизводство приобретает характер алгоритма и становится многообразно циклическим.

Если посмотреть на проблему различения этих двух основных типов экономических субъектов с точки зрения процесса общественного производства, то можно увязать деятельность функциональных субъектов с технико-технологическим и организационным аспектами общественного воспроизводства. В свою очередь, деятельность социально-экономических субъектов можно рассмотреть с точки зрения системы производственных отношений.

Таким образом, характер функционирования социально-экономических субъектов выступает как предметная деятельность конкретно-исторических индивидов в определенных же исторических условиях. А именно: так, в условиях буржуазного социума предметная деятельность носит расщепленный характер, отсюда субъектность, которая есть суть, характеристика индивида предстает перед нами как атрибут деятельности других субъектоподобных структур: социальных группы, классов, институтов.

Именно социально-экономические субъекты и главный из них - индивид, создают сам характер или господствующую форму общественного производства или способ хозяйствования. Каковым он может быть? История показывает нам два основных способа общественного хозяйствования или два основных способа хозяйственной деятельности: совместный способ ведения хозяйства и обособленное ведение хозяйства.

Функциональные экономические субъекты характеризуются, в отличие от социально-экономических, тем, что их деятельность выступает на поверхности как *действие* (в краткосрочном периоде), которое принимает форму или ха-

---

[1] Это схвачено экономической теорией, например, у Дж. Робинсон. Она отмечает, что хотя в ее исследовании “предприниматель будет персонифицирован”, его она будет ” упоминать как индивида”, “однако в акционерных компаниях ни один индивид не обладает правом принятия окончательного решения об управлении фирмой”. См.: Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции / Пер. с англ.., общ. ред. И.М. Осадчей. - М.: Прогресс, 1986. - С. 62. См. также: Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. Спб.: Экономическая школа, 2001. - Т.3. - С. 1512 - 1515; его же: Капитализм, социализм и демократия. М., 1995; Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции ... - М., 1959.

[2] См. по проблеме “развития системы в целостность”: Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1986; Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. - Ростов н / Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993.

рактер *поведения*[1]. В отношении поведения известно, что этот тип действия представляет собой лишь *адаптацию* к условиям внешней среды. Так в деятельности функциональных экономических субъектов мы обнаруживаем не отношения, а скорее *связи* (прямые обратные, горизонтальные, вертикальные и т.д.), а также - в противовес общению, мы находим здесь лишь *взаимодействие*.

Получается, что эти два типа экономических субъектов создают, а затем отражают в своей деятельности разные аспекты общественно-экономической системы. Речь идет о таких сторонах ее, которые в литературе получили название либо генетические связи, либо функциональные связи [2], либо связи развития и функционирования, либо в более широком аспекте эти стороны общественно-экономической системы предстают как разные типы систем: органические системы, кибернетические. Хотя, по большому счету социальные системы не являются ни органическими в чистом виде, ни, тем более, кибернетическими системами. Однако, развитие человека и общества на определенных этапах видимо повторяет развитие и становление и других форм материи. В связи с этим человеческий социум приобретает либо природоподобные черты (отсюда сравнение общественных процессов, отношений, связей с механизмами всякого рода), либо характер кибернетических систем с их основными атрибутами: вход и выход системы, прямые и обратные связи, связи и элементы, структура и т.д., либо приобретает черты систем органического типа (эволюция, естественный отбор, становление системы в целостность и т.д.).

В соответствии с преобладающими признаками той или иной “системы вообще” в общественно-экономической системе на разных этапах ее развития мы обнаруживаем разные типы экономических субъектов. Так, на этапе превращения одной общественной системы в другую, в процессе создания, формирования производственных отношений и форм хозяйствования нового типа в большей мере обнаруживается деятельность социально-экономических субъектов, в первую очередь индивидов. В соответствии со свойствами системы органического типа, налаженное воспроизводство производственных отношений и форм хозяйствования обнаруживает функциональный аспект экономических субъектов: когда деятельность приобретает свойства поведения в соответствие с каким-то макроалгоритмом. Такой макроалгоритм, как экономический цикл меняется от фазы к фазе, соответственно меняется и поведение экономических субъектов как функциональных. В то время как деятельность этих же субъектов в качестве социально-экономических может оставаться в прежних формах. Так, социальные группы и классы: буржуа, как наемные работники, так и владельцы капитала, независимо от фазы экономического цикла сохраняют свой социально-экономический статус, свое положение в системе отношений? Но, будучи функциями фирм, домохозяйств или государственных органов власти представители этих социальных групп - индивиды, меняют свое поведение и свои функции в зависимости от изменения внешних условий и конъюнктуры. По

[1] Отсюда в неоклассической теории в отношении экономических субъектов фигурирует не понятие деятельности, а понятие поведения.

[2] См., например: Совершенствование производственных отношений социализма /Под ред. Э.П. Дунаева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. - С. 33-43.

большому счету, в качестве и социально-экономических, и функциональных субъектов выступают одни и те же субъекты, только разными своими сторонами, на разных уровнях деятельности и воспроизводства. Однако это положение не снимает вопрос о соподчинении, которое можно представить в двух формах: иерархии и субординации, этих типов экономических субъектов.

Интерес представляет вопрос, относятся ли эти два процесса: иерархия и субординация, - к обоим типам экономических субъектов одновременно или каждый из них в отдельности характеризует какой-нибудь один тип соподчинения. Скажем, иерархия характеризует отношения социально-экономических субъектов, а субординация - отношения функциональных субъектов. Однако не следует забывать, что функциональные субъекты, будучи сугубо рыночными субъектами, а последние, как известно, равны друг другу, согласно методологии неоклассической теории [1], внешне выступают как рядоположенные, и если между ними и возникают отношения субординации, то в связи с такими проблемами и понятиями, как общественный выбор, частное и общественное благо, внешние эффекты или отсутствующие рынки и т.п., то есть, когда необходимо выстроить систему предпочтений экономических субъектов, выходящую за пределы индивидуального выбора. Когда необходимо совершить переход от индивидуальной к межличностной (и общественной) полезности [2].

Что касается иерархии социально-экономических субъектов, то здесь ее проследить также непросто. Дело в том, что есть сфера объективной видимости и есть сфера действительной конкретности. Так вот в сфере объективной видимости, иерархия в отношении социально-экономических субъектов буржуазного социума выглядит перевернутой: если представить ее в виде пирамиды, то на ее вершине будут находиться институты, в основании - индивиды (таково практическое положение вещей в современном буржуазном социуме, независимо от того провозглашаются ли и защищаются ли индивидуальные свободы и либеральные ценности). В сфере действительной же конкретности, среди социально-экономических субъектов, ведущее положение занимает индивид, поскольку именно он обладает всеми атрибутами субъектной достаточности (свобода выбора. предметная деятельность, способность к целеполаганию, ответственность, способность воспринимать проблемы мира как свои собственные).

Каким образом можно представить логически превращение социально-экономических субъектов в функциональные, если исторически рубежными для экономических субъектов явлениями стали:

- становление общества массового потребления;
- превращение буржуазного государства в экономического субъекта;

[1] Хотя равенство это укоренено более глубоко и берет свое начало в античности, западноевропейском христианстве, а затем уже только попадает в правосознание буржуазного социума. В основе же этих социо-культурных феноменов - равенство индивидов как товаропроизводителей.

[2] См. разработку теории общественного выбора: Бьюкенен Джеймс М. Сочинения. Пер. с англ. Серия: “Нобелевские лауреаты по экономике”. Т.1. / Фонд экономической инициативы; Гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др. - М.: “Таурус Альфа”, 1997. Кроме этого: см. указанные работы по проблеме этического капитализма.

- превращение предприятия в фирму;
- превращение рынка совершенной конкуренции в рынки несовершенной конкуренции;
- становление среднего класса.

Все эти факты обнаруживаются на фоне подрыва рыночно-товарных отношений и рыночного механизма, который обнаруживается как подрыв производства на неизвестный рынок, с одной стороны (переход к производству для заранее известного потребителя по заказам, длительным хозяйственным договорам), и с другой - как подрыв механизма совершенной конкуренции.

Логически причину превращения социально-экономических субъектов в функциональные, следует, видимо искать в развитии стоимости: ведь функциональные субъекты более обезличены в том смысле, что от экономической активности индивида в них ничего почти не осталось. Здесь частно-индивидуальное предпринимательство вытеснено “коллективными действующими” субъектами - фирмами, государством и другими институтами. Государство, будучи политическим субъектом, становится самостоятельным экономическим субъектом. Индивид выступает теперь как представитель домашнего хозяйства. Социальные группы нивелированы в “средний класс” - статистически-эмпиричесое образование. Институты приобретают форму организационных структур, хозяйствующих самостоятельно. В то время как социально-экономические субъекты несут на себе, если можно так выразится, “печать” индивида и его экономической активности. Так, индивид в эпоху становления капитализма и его классической стадии - основное действующее лицо в хозяйственных процессах. Он - частный индивидуальный предприниматель, организатор капитала, "направитель" процессов производства, сбыта продукции, основной субъект капиталистического накопления и концентрации капитала.

Социальные группы и классы, как один из видов социально-экономических субъектов также явно себя обнаруживают в этот период. Два основных класса: класс капиталистов и класс наемных работников выступают как носители сущностных сил капитала и наемного труда, но по сути, состоящие из тех же индивидов. По отношению к индивидам, эти классы выступают формой, способом участия индивидов, экономически и хозяйственно активных, в общественном производстве. Принадлежность к классу в данном случае обусловливает характер экономического самоопределения индивидов буржуазного социума. И наоборот, способ и степень участия в общественном производстве, в создании хозяйственных форм, способность к экономическому выбору и ответственности определяют принадлежность к социальной группе, классу. Как социально-экономические субъекты социальные классы выполняют функции солидарности, консолидации экономических интересов и определяют способность участников этих классов защищать или хотя бы артикулировать эти интересы в противоположность интересам других классов и групп.

Институты, как специфически буржуазные структуры в эпоху классического капитализма находятся в стадии становления. Они еще не прошли путь от норм к организациям. В качестве последних часто они носят характер союзов, объединяющих внутри себя тех самых экономически активных индивидов. Ос-

новная форма проявления институтов в это историческое время - это нормы, правила, установления, еще не всегда принимающие вид организационных структур или коллективно действующих лиц. В то же время в качестве коллективных действующих лиц, институты обнаруживают себя в сферах бытия людей, не связанных с хозяйством и экономикой (религиозные общины, территориальные сообщества, например).

Различие между социально-экономическими и функциональными субъектами связано также с динамикой трансакционных издержек. В условиях стабильной социально-экономической системы, когда воспроизводство принимает характер алгоритма при минимальных или нулевых трансакционных издержках, когда нет необходимости перераспределять права собственности (кардинально), экономические интересы участников хозяйственных процессов стабильны. Проблемы производства выступают как технологические проблемы (как проблемы ресурсоограничения или ресурсосбережения). Вот в этих условиях и “функционируют” функциональные экономические субъекты. Индивиды здесь выступают не сами за себя, а как представители других структур. Вернее, индивидов здесь, как таковых, т.е. как особенных личностей, принимающих на себя ответственность за выбор и результаты хозяйственной деятельности и нет. Здесь есть товары, капиталы, деньги, ресурсы, потоки, инвестиции, сбережения, процентные ставки и другие экономические формы, "движущиеся" между тремя основными хозяйствующими субъектами - фирмами, домохозяйствами, государством, которые, к тому же, выступают лишь как субъекты рынка

В условиях, когда происходят процессы изменения в характере отношений, обусловленные развитием технологий, производительных сил или другими причинами рост трансакционных издержек свидетельствует о необходимости перераспределения прав собственности, а по сути - *переструктуризации экономических субъектов*. Экономические интересы основных участников экономики, хозяйственных процессов меняются качественно. Если считать, что любой экономический процесс есть движение или оборот прав собственности или присвоение-отчуждение деятельности, ресурсов и результатов производства, то главным действующим лицом здесь выступает индивид. Причем в двух своих основных ипостасях: либо как самостоятельный субъект, осуществляющий выбор и принимающий самостоятельные индивидуальные экономические решения, либо как представитель или функционер других субъектов или структур.

О замещении (компенсации) экономических субъектов. Именно в разрезе проблем социально-экономических субъектов можно говорить о таких процессах как овещнение, деперсонификация, институциализация. Однако, обнаруживаются эти процессы на уровне или в разрезе проблемы функциональных субъектов. Здесь *важно выяснить, каким образом происходит вытеснение одних субъектов другими*. Причем не только на уровне микроэкономических процессов, но и в макроэкономике[1].

[1]Дж. М. Кейнс показывает процесс вытеснения предпринимателей, с их инвестиционной функцией, во-первых, потребителями лил домашними хозяйствами, воплощающими теперь все три функции: потребление, сбережение, инвестиции; и, во-вторых, государством, направляющим реали-

Теоретически проблема вытеснения социально-экономических субъектов функциональными, а также вытеснения одних другими внутри каждого из этих типов, восходит к проблеме репрезентативности и представительства, рассмотренной чуть выше.

Природа не терпит не только пустоты, но и простоты. Если индивид как отдельная личность или как общественный индивид не выполняет в своей деятельности (или посредством ее) функций субъекта (а эти функции могут быть реализованы в случае единства этих сторон человека!), тогда в этом единстве образуется зазор, а в него встраиваются другие субъекты. Но уже не столько в виде другого индивида, сколько в виде структуры, института, социальной группы, класса и т.д. Даже если таким заместителем является другой индивид, то он уже выступает не как личность, а лишь как представитель чего-то другого, т.е. в качестве *функции* от какой-либо другой структуры или института (срабатывает принцип замещения подлинного на суррогат?). Здесь мы наблюдаем своеобразное убывание предельной полезности (субъектности): чем более опосредованным становится участие индивида в общественных, хозяйственных, экономических процессах, отношениях или чем больше посредников между ним, как особенной личностью и им же, как общественным индивидом, тем хуже "качество" участия; тем меньше его интересов и потребностей находит воплощение в структурах и организациях общества, тенденциях общественного развития. В том числе экономических (благосостоянии, вернее, даже в первую очередь здесь, эффективности, рациональном использовании ресурсов и т.п.).

Тогда возникает вопрос о "предельной норме замещения" экономических субъектов, а также условиях равновесия и оптимальности функционирования экономических субъектов. Ответ на этот вопрос мы находим в неоклассической и неоинституциональной теории, где проблема равновесия рынков, товарных и денежных потоков предстает как проблема равновесия хозяйствующих субъектов (у неоклассиков) и в соблюдении контрактных отношений (у неоинституционалистов). Только приходят они к нему с другого конца, то есть не со стороны эволюции экономических субъектов, или их замещения-компенсации в результате разделения деятельности и обезличивания производственных отношений, а со стороны экономического выбора, все более, и более превращающегося в технологический выбор, понимаемый не как выбор технологии, а скорее, выбор как технология. Но здесь нас ожидает парадокс: чем более обезличенными выступают отношения и индивиды, тем выше эффективность их производственной, хозяйственной, экономической деятельности. Можно предположить, что тем самым полнее реализуются их потребности и интересы, но это видимость. Здесь, скорее всего, имеет место обезличенность двоякого рода. Во-первых, обезличенность, которая формируется на основе стоимости и соответствующих ей отношений, возможных только между *свободными* индивидами (в том самом смысле случайного характера жизненных условий, о которых говорил Маркс). В определенных условиях такие отноше-

---

зацию этих функций. См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег //Антология экономической классики. - М.: "ЭКОНОВ", "Ключ", 1993.

ния становятся всеобщими или тотальными. Проблема ограниченности ресурсов - это историческая проблема, а не технологическая и не природная. Она возникла в той мере, в которой появляется лично свободный индивид, которому для реализации его деятельностной активности необходимы ресурсы или средства. Чем больше свободных индивидов, тем явственнее проблема ограниченности ресурсов.

С другой стороны, обезличенность индивидов и их отношений начинает формироваться на основе *личной* зависимости (от верховного собственника ресурсов, например и др.). Но при этом надо иметь в виду, что в условиях господства личной зависимости отношения между вассалом и сюзереном, общиной и индивидом, рабом и рабовладельцем выступают как персонифицированные в той мере, в какой здесь уже существует разделение деятельности, противоположность материального и духовного в хозяйственной деятельности, а в труде - умственных и физических функций. Если происходит замещение одних субъектов другими (более низкого "субъектного" качества), то необходимо выяснить, на каких уровнях деятельности возможно такое замещение, а именно: в материальной, познавательной, ценностно-этической, религарной или агапической деятельности (А. Хамидов). Это зависит от того, какими планами, уровнями своей деятельности индивиды в данный исторический момент живут больше. Какие из них актуализированы в большей степени. Но при этом надо иметь в виду, что в условиях отчуждения происходит "опрокидывание" принципов, свойств материальной деятельности на ее другие уровни. Тогда получается смешение различных уровней человеческой деятельности, либо сведение всего их многообразия к одному единственному уровню, потребностно-полезностному или, - к экономическому, как это происходит в буржуазном социуме.

2.2 Собственность и разделение деятельности: эволюция экономических субъектов

То обстоятельство, что собственность[1] находится в основании социальной структуры общества (а значит и структуры его экономических субъектов, если речь о них заходила), в одно время большинством отечественных исследо-

[1]Проблема собственности в экономической теории имеет самостоятельное значение помимо того, что она находится в основании целого ряда других вопросов и проблем, в том числе и в основании проблемы экономического субъекта. В разработке своего понимания собственности, ее эволюции, роли и места в системе производственных отношений автор опиралась на работы отечественных ученых. См., например: Шкредов В.П. Метод исследования собственности в "Капитале" К. Маркса. - М.: Изд-во МГУ, 1973; Мочерный С.В. Сущность и эволюция капиталистической собственности. - М.: Мысль, 1978; Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. - М.: Экономика, 1982; Хубиев К.А. Собственность в системе производственных отношений. - М.: Изд-во Московск. ун-та, 1988; Дунаев Э.П. О формах реализации социалистической собственности //Вопросы экономики. - 1988. - №8. - С. 37-44; Очерки политической экономии социализма /Под ред. Н.П. Федоренко. - М.: Наука, 1988; Собственность в экономической системе России /Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. - М.: Экон. фак-т МГУ, ТЕИС, 1998; Кульков В.М. Исследование собственности в современной экономике: разные ракурсы анализа // Постижение Маркса (по материалам международной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения К. Маркса) /Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой.- М.: Издание Московского университета; ТЕИС, 1998. - С. 160-169 и др.

вателей не оспаривалось, ныне же - зачастую игнорируется либо как банальное, либо как неактуальное положение. Известное ленинское определение классов как больших групп людей, различающихся между собой, в первую очередь, по их отношению к средствам производства, исторически и логически сыграло свою "операционистскую" роль в исследованиях общества классического капитализма, а также советского общества периода индустриальной модернизации. Это положение работало в той мере, в какой в системе отношений собственности не происходило существенных изменений со времени образования капиталистической частной собственности или, еще раньше, - с периода формирования чистой частной собственности [1], как предпосылки капитализма. Однако дальнейшее развитие отношений собственности в западноевропейском капитализме (и вообще, западноевропейской цивилизации), через целый ряд этапов, привело к такому их состоянию, которое не всегда актуализируется исследователями в контексте постановки и решения таких проблем, как социальная структура общества, распределение ресурсов или доходов между социальными группами.

В то же время, эмпирически проблема связи эволюции собственности с изменениями в социальной структуре не снимается ни у нас (приватизация и ее последствия), ни за рубежом (постоянный поиск новых форм распределения акционерного капитала в рамках патернализма, партнерства или договорных начал в отношениях капитала и труда[2] и др.).

Что касается проблемы взаимосвязи отношений собственности и деятельности экономических субъектов, то ей повезло больше в части признанности ее актуальности и меньше - в содержательной разработке. Категория "эффективный собственник" лучше всего отражает связь, может быть не совсем глубинную, а чисто внешнюю, между положением собственника, с одной стороны, и функциями хозяйствующего субъекта, с другой. Для сферы хозяйственной деятельности эпохи раннего капитализма наиболее адекватным было их совпадение в одном лице. Однако, чтобы “обосновать” неизменность этого совпадения и в период “позднего” капитализма, необходимы собственно научные доводы, которые бы разворачивались из системы определенных предпосылок (не слишком "тощих" и абстрактных) в целостную систему категорий, более-менее адекватную самой меняющейся действительности.

Как мы пытались показать в предыдущем изложении, именно индивид является *исходным* (и до поры, до времени - *основным*) *экономическим субъектом* буржуазного социума. В этом качестве он и являет собой *единство собственника и хозяйствующего субъекта*. Вернее, до тех пор, пока он является основным капиталистическим экономическим субъектом, он и “един в (этих) двух

[1] Чистая частная собственность - прямой "потомок" античной частной собственности. Но, в отличие от своего "предка", чистая частная собственность, как уже было отмечено, не обусловлена никакими общинными отношениями. Она означает очередную ступень в формировании лично свободного индивида. См.: п. 1.2 настоящей работы.

[2] См. по этой проблеме: Блази Дж. Р., Круз Д.Л. Новые собственники (наемные работники - массовые собственники акционерных компаний): Пер с англ. - М.: Дело ЛДТ, 1995. Так же: Симмонс Дж., Мэрс У. Эффективное предприятие: собственность трудящихся и самоуправление (Американский опыт участия работников в собственности и управлении). - М.: “Слово”, 2001.

лицах". Попытаемся теперь развернуть, насколько возможно в нашей системе предпосылок, в соответствующих нашему предмету категориях, процесс эволюции экономических субъектов. Концептуальными основаниями для этого послужат теория разделения деятельности[1] и собственности, как предпосылки и результата хозяйственной деятельности, разработанная в русле марксистской историософии (философии истории), социологии и политэкономии, а также экономическая теория прав собственности неоинституционализма. Хотя эти теории и относятся к разным мировоззренческим позициям, но, однако, имеют некоторые общие предпосылки и результаты исследования.

Напомним основные положения теории разделения деятельности. В ее основе лежит принцип предметной деятельности человека, рассматриваемый как универсальное основание социума. *Предметность* означает, что индивид осуществляет деятельность в соответствии с логикой ее предмета, а не в соответствии со своей собственной логикой. *Универсальность* деятельности означает ее всеобщность и целостность. Будучи целостной, она обладает всей полнотой своих определений или характеристик: целеполагание, целевыполнение, выбор средств, самоконтроль, опредмечивание, распредмечивание, единство материальной и духовной составляющей. Труд в данном контексте есть форма деятельности в материальном производстве.

Целостность деятельности - исторический феномен. В определенных социальных и экономических условиях деятельность выступает как разделенная (или расщепленная) на фрагменты и, в таком виде, закрепленная за отдельными индивидами и их группами. На поверхности этот процесс выглядит как специализация, хотя, по существу, имеет совершенно другое содержание. *Специализация* - это сосредоточение деятельности как целостной на определенном предмете. Развитие же специализации или ее углубление - есть "расщепление" или дифференциация предмета деятельности. Так формируются отдельные виды труда и отрасли производства, удовлетворяющие различные потребности людей (то, что принято считать разделением труда и его разновидностями). Так сложилось, что процесс углубления специализации исторически и логически совпал с собственно *разделением труда*: отдельные его функции и операции (определения или атрибуты деятельности) закрепляются за индивидами или социальными группами. Здесь уже расщепляется не предмет деятельности (или труда), а сама деятельность, как процесс живой активности человека. Нельзя сказать, что деятельность человека первоначально была якобы целостной и универсальной, а потом произошло ее разделение. Уже в рамках архаического типа социальности (первобытнообщинного, родового строя) целостность и универсальность деятельности обеспечивалась через свою противоположность - расщепленность и обособленность ее атрибутов. Характеристики человеческой деятельности в тот период развития общества персонифицировались либо в природных явлениях, либо в трансцендентном, то есть за пределами человеческого бытия.

[1] См.: Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. - М., 1969. - С.76-121.

Переход к антагонистическому типу социальности означал закрепление отдельных фрагментов деятельности (целеполагание, целевыполнение, материальное и идеальное, опредмечивание и распредмечивание) за отдельными группами индивидов. Так возникает социально-классовая дифференциация общества, с одной стороны, и одновременное становление индивида как классового существа и, в этом смысле, одностороннего, с другой. "Классовость" индивида означает, что он участвует в общественном производстве опосредованно, лишь будучи в составе определенной социальной общности, и односторонне, будучи носителем одной какой либо трудовой функции или операции (умственного или физического труда, организаторского или исполнительского, материальной или духовной деятельности и т.д.). К слову сказать, индивидуальная персонификация целостной деятельности, конечно же, имела место, но в качестве исключения и лишь для относительно узкого круга лиц, входивших, как правило, в категорию так называемых правящих классов, в руках которых и сосредоточивались, в основном, функции целеполагания, контроля, духовной деятельности.

Процесс разделения деятельности и труда имеет другую сторону - становление частной собственности. По сути, как попытался показать К.Маркс [1], в обоих случаях (разделения деятельности и частной собственности) речь идет об одном и том же: о присвоении и отчуждении, как двух сторонах собственности. По отношению к частной собственности речь идет о присвоении-отчуждении ресурсов и результатов деятельности. По отношению к разделению деятельности и труда - о присвоении-отчуждении самой деятельности как живой активности человека или ее отдельных функций и операций.

Собственность, будучи предпосылкой и результатом хозяйственной деятельности, вместе с ее разделением выступает как основание социально-классового деления общества. В сфере хозяйствования оно предстает как деление на *собственников* и *хозяйствующих субъектов*, *собственников* и *тружеников*, *собственников* и *управляющих* и т.д. Впрочем, это деление не означает, что они не могут совпадать в одном лице, например, в лице так называемого простого товаропроизводителя (свободного, не крепостного крестьянина, ремесленника, торговца и т.п.). Здесь, в этом делении также сохраняется противопоставление целеполагания и организаторских функций, с одной стороны, целевыполнения и исполнительских, с другой. По большому счету, такое деление общества означало не только деление участников хозяйственной деятельности на собственников, *олицетворяющих* присвоение и не-собственников, *персонифицирующих* другую сторону собственности - отчуждение. Происходило, как уже говорилось ранее, постепенное разделение их на *субъектов* и "просто" *участников хозяйственной жизни,* то есть принципиально *не-субъектов* - тех, кто не принимает хозяйственных решений, не организует производство, не управляет, не несет ответственности за результаты хозяйственной деятельности. Следует отметить, что деление общества на субъектов и участников хозяйственной деятельности не совпадает с делением его на классы. В то же время, фактов такого

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т.42. - С.97.

совпадения история предоставляет достаточно много, как, впрочем, и обратного, т.е. несовпадения (наличие управляющих, надзирателей и пр. в рабовладельческих латифундиях и помещичьих хозяйствах, формы вассальной зависимости в феодальных хозяйственных системах, цеховая организация ремесла - во всех этих случаях можно обнаружить разные формы олицетворения хозяйственных процессов и отношений собственности).

В условиях разделения деятельности и труда, в социально-классовой и социально-хозяйственной (деление на субъектов и участников хозяйственной деятельности) дифференциации общества становится естественным формирование особенных и обособленных сфер межклассовых, межгрупповых и межиндивидуальных отношений (в первую очередь, хозяйственных), которые требовали упорядоченности: организации и регулирования. Таким образом, такие атрибуты человеческой предметной деятельности как целеполагание, самоконтроль, выбор средств, продуцирование идеального, отделившись от индивида, принимают самостоятельную форму существования в виде *социальных норм*, а затем и *институтов,* в том числе и таких, как государство. В той степени, в которой закрепление социальных норм происходит путем *институциализации*, в разных типах общественных и хозяйственных систем функции регулирования отношений между людьми выполняют либо правила поведения, обычаи, традиции, нравственно-этические ценности, общественное мнение, либо государство, право, конкуренция, ценовой механизм, различные административные образования и организации. Социальные нормы, правила, обычаи, наконец, привычки, рутины представляют собой, скорее всего, *зачаточные, первоначальные формы институтов* [1]**,** в отличие от их более развитых форм - организаций, организационных структур, устойчивых форм хозяйственно-экономической деятельности. Такое разграничение позволяет посмотреть на институты не только как на развивающийся, вернее, изменяющийся феномен[2], но и выявить их природу как конкретно-исторического явления, получившего *всеобщую* форму существования в определенную эпоху - эпоху капитализма.

С развитием системы правовых отношений и институтов, ей соответствующих, отношения собственности предстают и с правовой, и с собственно хозяйственной стороны. С точки зрения права собственность означает способ или форму, в которой юридически фиксируются отношения индивидов к объекту собственности (в отечественной литературе эта сторона раскрывалась в таких категориях, как владение, распоряжение, использование). С точки зрения хозяйственной или экономической, собственность есть способ или форма ведения хозяйства (индивидуального или коллективного, обособленного или совместного).

В самой хозяйственной повседневности такое раздвоение собственности

---

[1] А.Е. Шаститко также различает правила и институты, но только “по составу”: институты включают “соответствующие механизмы обеспечения соблюдения правил”. См.: Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. - С. 106.

[2] См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. - М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. - С. 97-134.

индивидами не улавливается. Некритическое эмпирическое сознание людей - субъектов, участников хозяйственной жизни, "схватывает" только внешнюю видимость явлений, поверхностные слои действительности, где и "работает" право и его институты. К тому же хозяйственная сторона собственности скрыта от ее участников совокупностью невидимых производственных отношений, а правовые отношения и институты создаются людьми, что видно и "невооруженным" взглядом, по крайней мере, для современного сознания, повседневного, в том числе.

В связи с вышесказанным может возникнуть соблазн определить, как некритический и эмпирический, подход к проблеме со стороны представителей экономической теории прав собственности. В некоторой степени это было бы справедливо и с содержательной точки зрения, а не только с позиции вульгарного экономизма. Эта теория делает акцент на правовой природе собственности, рассматривая ее как отношения между людьми, в то же время содержанием этих отношений считает обмен, передачу правомочий по поводу благ. Способ хозяйствования, как и весь экономический строй общества, уходят при этом на второй план. Это вполне естественно для позиции методологического индивидуализма, для которого вся экономическая система общества предстает как индивидо-монада, в которой индивид - центр и мера всех вещей.

Здесь нас интересует, что же такого произошло с отношениями собственности в их историческом развитии, что было "схвачено" неоинституциональной экономической теорией?

Экономическая теория прав собственности [1] пытается показать связь между структурой собственности и экономическим поведением индивидов. Дело обстоит таким образом, что изменение структуры прав собственности изменяет систему стимулов индивидов, что сказывается на их экономическом поведении. Особенно важно то, что взаимосвязь между экономикой и правом реализуется буквально на уровне каждого индивида - участника отношений собственности. Впрочем, причины, вызывающие перераспределение прав собственности и изменение структуры собственников, эволюцию частной собственности и правовых режимов, как таковых, генетически не выводятся ни из какого-либо экономического строя, ни из определенного способа хозяйствования. Эти изменения объясняются динамикой трансакционных издержек.

Возникновение же последних связывается с ростом специализации, которая обусловливает "взаимную уникальность индивидов", с одной стороны, и "увеличивает расстояние между ними и уменьшает их восприимчивость к логике развития остальных индивидов"[2], с другой. Насчет второго можно согласиться, ведь речь идет о товарном производстве, где и находится источник

[1] См., в частности.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. - М.: "Дело ЛТД", 1993; Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, "отношенческая контрактация". - СПб.: Лениздат, 1996; Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. - М.: Дело, 2001; Природа фирмы / Под ред. О.И. Уильямсона и С.Дж. Уинтера. - М.: Дело, 2001. А также: Капелюшников Р. И. Экономическая теория прав собствености (Методология, основные понятия, круг проблем) / Отв. ред В.Н. Кузнецов. - М., 1990; Шаститко А.Е. Указ. Соч.

[2] См.: Олейник А.Н. Институциональные аспекты социально-экономических трансформаций. - М.: ТЕИС, 2000. - С. 44.

трансакционных издержек. А в нем, как известно, отношения индивидов опосредованны, вернее, заменены вещной зависимостью. Безразличие их друг к другу объяснимо вполне объективными обстоятельствами: работой на "неизвестный" рынок и производством стоимости.

Что касается "взаимной уникальности индивидов", то здесь можно поспорить. Именно в товарном производстве исторически и логически, как уже подчеркивалось выше, специализация и разделение труда, как два разных по существу процесса, начинают совпадать, а в капиталистическом производстве на его машинной стадии полностью совпадают. Уникальность же целостной предметной деятельности в сфере материального производства, где было занято большинство населения, и уникальность индивидов, соответственно, сохранялись только в отношении отдельных видов ремесленного труда[1].

Есть еще два возражения на этот счет. Первое состоит в том, что здесь молчаливо признается взаимная уникальность индивидов как равных друг другу [2]. В то время как в рассматриваемую эпоху уже существовала противоположность материального и идеального, умственного и физического труда, организаторских и исполнительских функций и олицетворение этих процессов определенными социальными группами и классами. Второе: даже если предположить, что речь идет об уникальности индивида как человеческой личности, а не как участника хозяйственной деятельности, то придется признать, что пространство ее проявления было ничтожно малым, поскольку основное жизненное пространство большинства было занято добыванием "пищи, одежды, жилища".

Таким образом, все равно остается невыясненным вопрос: почему трансакционные издержки в определенных социально-экономических условиях "начинают иметь значение", то есть, оказывать влияние на собственность, экономическое поведение индивидов и структуру хозяйствующих субъектов?

Да, трансакционные издержки возникают в условиях товарного производства (как, впрочем, и стоимость), будучи издержками взаимодействия индивидов, которое сводится все-таки, к обмену, пусть даже и к "обмену-общению"[3]. Но сам факт их возникновения, существования, динамики не может служить объяснением эволюции собственности и развития социальной структуры хозяйствующих субъектов. Скорее всего, трансакционные издержки выполняют роль сигнала, свидетельствующего о противоречиях в экономическом устройстве общества, принявших форму конфликта интересов у участников хо-

---

[1] Так, для перехода из учеников-подмастерьев в ранг мастера необходимо было, в частности, создать "шедевр" в своем роде; или: в случае работы на заказ.

[2] Действительно, “коль скоро товар и труд определены ... как меновые стоимости, а то отношение, в силу которого различные товары ставятся в соотношение друг с другом, определено как обмен этих меновых стоимостей друг на друга, как их приравнивание друг к другу, - индивиды, субъекты .. определяются просто как обменивающиеся.... Каждый из субъектов есть обменивающийся субъект, т. е. каждый находится в том же самом общественном отношении к другому, в каком другой находится к нему. Поэтому их отношение в качестве субъектов обмена есть отношение *равенства*.” См.: Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т.46. - Ч.I. - С. 187-188. Но равны они друг другу лишь как представители “эквивалентов”, которыми они обмениваются, а не как самостоятельные личности.

[3] Олейник А.Н. Указ. Соч. - С. 36, 38 и др.

зяйственных процессов.

Но вернемся к принципу деятельности и отношениям собственности, посмотрев на них с позиции предмета деятельности и объекта собственности. Конечно, предметом деятельности индивидов является не только вещно-вещественно-материальный мир, но и формы существования социальной материи также (отношения между людьми, например). Но поскольку акцент сделан на материальном производстве и труде, то будем оперировать понятиями не только производительных сил, но и ресурсов, благ, рабочей силы, орудий труда. С точки зрения воспроизводства условий существования индивидов, предпосылки их деятельности (ресурсы, производительные силы, в том числе и их способности) становятся ее результатами и наоборот. В этом воспроизводственно-циклическом движении есть важный момент: развитие самого субъекта деятельности и его способностей. Некоторые деятельные способности человека и его трудовые функции опредмечиваются в средствах и орудиях труда. Так возникают *общественные производительные силы*, которые отделены, обособлены от индивида, опредмеченными способностями которого они и являются, и *противопоставляются ему*. Этот процесс, двойственный по существу - опредмечивание и одновременное отчуждение деятельных способностей индивида, происходит в силу существования отношений присвоения- отчуждения, образующих общественную форму деятельности (и труда). На субъектном уровне отчуждение производительных сил от индивидов, их создающих, принимает форму социально-классовой дифференциации и деления индивидов на субъектов и просто участников социальных, хозяйственных процессов. Это деление принимает форму конфликта: доступ к ресурсам одних индивидов и социальных групп означает, с точки зрения спецификации прав собственности, - исключение из доступа других, что, по сути, есть противопоставление экономических интересов разных социальных групп[1].

Конфликт внутри социально-экономической структуры может принимать разные формы. В пределах функционирующей экономической системы, на уровне повседневной экономической деятельности человека, это может быть оппортунистическое поведение[2] (оно трактуются авторами неоинституционализма как свойственное природе человека вообще). При смене моделей экономических систем, типов хозяйствования и хозяйствующих субъектов, конфликт принимает характер социально-классового противостояния или классовой борьбы, принимающей политические формы. На причинах и механизмах этих

[1] Трауинн Эггертссон, говоря о вкладе в теорию прав собственности и в разработку проблемы их спецификации А. Алчяна, Х. Демсеца, Де Алесси, Фуруботна и Пейовича, отмечает, что “общепризнано, что первым в области социальных наук, создавшим свою теорию прав собственности, был Карл Маркс” См. Эггертссон Т. Указ. Соч. - С. 47 - 48.

[2] См.: Уильямсон О. Указ. Соч. - С.24, 92. Мы считаем, что оппортунистическое поведение можно рассматривать как результат *институциализации* индивида как исходного-основного экономического субъекта, характерного для эпохи классического капитализма. В “постклассическом” (позднем, постиндустриальном) капитализме ответственность (за результаты хозяйственной деятельности) как атрибут свободного выбора “переходит” к “коолективным действующим лицам” - институтам, а индивиду “достается” оппортунистическое поведение.

конфликтов, которые, к слову сказать, всегда происходят на индивидуальном уровне, здесь нет возможности остановиться подробнее.

В условиях разделения деятельности и частной собственности противопоставление интересов участников хозяйственной жизни держит социально-экономическую систему в постоянной "напряженности" ее основных полюсов: производительных сил и производственных отношений, общественных целей и средств их достижения, предпосылок и результатов общественного производства, материального производства и духовной деятельности индивидов и т.д. При этом, не забудем, что эти полюса олицетворяют разные социальные группы и индивиды, взаимодействия и отношения между которыми являются обязательным условием, как их существования, так и решения чисто экономических задач. Соотношение сил на полюсах в каждый исторический момент зависит от многих факторов: культурных или природных. Но результатом влияния этих факторов в хозяйственном плане может быть как экономический рост и рост эффективности, благосостояния, так и наоборот - ухудшение этих параметров.

Для обеспечения взаимодействия индивидов и социальных групп в условиях противопоставления их интересов, а значит и полюсов социально-экономической системы, которые эти индивиды и социальные группы олицетворяют, и необходимо нести издержки взаимодействия - трансакционные издержки. В частности, трансакционные издержки - это издержки по защите и поддержанию частной собственности, обособленного хозяйствования, баланса экономических интересов собственников, хозяйствующих субъектов и участников экономических процессов в целях обеспечения эффективности социально-экономической системы на определенном историческом этапе.

Но разделение деятельности имеет и оборотную сторону: универсализацию и формирование ее как целостной в единстве ее основных атрибутов, сосредоточенных на каком-либо предметном содержании. Первоначально, как уже говорилось, универсальность и целостность обеспечивались либо в масштабах всего общественного производства в виде совокупного работника (хотя это понятие не совсем точно отражает указанный процесс), либо в деятельности тех индивидов и социальных групп, для которых был открыт доступ к функциям целеполагания, контроля, выбора средств, опредмечивания и распредмечивания. Однако, по мере исторического движения общества, менялся и характер деятельности (и труда) отдельного индивида. По мере прохождения и освоения (а для некоторых и присвоения) основных технологических укладов, все больше способностей индивидов (сначала физических, затем умственных) опредмечивалось в средствах и орудиях труда, системах машин. Происходило, по словам К. Маркса, формирование "неорганического тела человека", и вытеснение самого человека сначала из технологического процесса, а затем и из производственного. Высвобождались время и условия для целенаправленного развития способностей индивида - где-то под влиянием потребностей капитала, а где-то в качестве самоцели.

Те предметы деятельности в виде вещей, отношений, процессов, в которых теперь воплощаются способности индивидов, становятся объектами присвоения - отчуждения - хозяйствования с присущей им структурой субъектов и

участников. Таковыми последовательно становились, в соответствии с логикой смены основных технологических укладов и этапов общественного производства (от производства продуктов питания до производства человека как личности), земля, орудия труда в форме элементов физического капитала, знаковые средства к жизни (информация), и, наконец, сами интеллектуальные, творческие способности индивидов.

Но индивиды создают не только производительные силы, но и общественную форму производства, посредством которой они и присваивают как производительные силы и результаты производства, так и эти формы своего общения. Правда, кто присваивает, а кто и исключен из доступа к этим ресурсам, отношениям, благам.

Самой противоречивой, парадоксальной в этом отношении является капиталистическая форма производства и хозяйствования. В рамках нее и с индивидом, как социально-экономическим субъектом, и с его деятельностью, и с отношениями собственности происходит целый ряд трансформаций, которые еще недостаточно изучены общественными науками и экономической теорией в том числе. Один из парадоксов состоит в том, что именно капитал превращает индивида в абстрактного человека - придаток машины, являющейся воплощением отчужденных от него его же способностей. Здесь разделение и универсализация деятельности, как два взаимоисключающих и взаимообусловленных процесса, наиболее четко обнаруживают свою антиномичность. С одной стороны, потребности капитала обусловливают того самого абстрактного индивида, одностороннего работника, не способного к самостоятельной и целостной деятельности и к самостоятельному добыванию жизненных средств, как это могли делать торговец, ремесленник или крестьянин. С другой, потребности капитала к самовозрастанию вызывает к жизни новые производительные силы, новые ресурсы, качественно отличные от прежних, что требует развития способностей того же работника, и высвобождения его для творческой деятельности.

Именно капитализм преодолевает личную зависимость и внеэкономическое принуждение к труду, делает индивида лично свободным[1]. В то же время на основе вещной зависимости и на основе присвоения - отчуждения капиталом формируются социально - классовые различия между индивидами, на основе которых "взращивается" соответствующий субъект - экономический человек [2].

---

[1] Здесь следует подчеркнуть, что “лично свободный индивид” и “юридически свободный индивид” - разные индивиды. Первый из них свободен от личной зависимости, как социально-экономической формы, посредством которой он производит, потребляет, обменивается предпосылками и результатами своей материальной и духовной деятельности в до-буржуазных социумах. Личная зависимость - это базовое, то есть производственное отношение, а в любом обществе *не все* производственные отношения отражены в праве.

[2] ”Экономический человек”, скорее всего, отличается от “экономически активного индивида”. Экономически активный индивид, как массовое явление эпохи “простого” товарного производства и “раннего” капитализма, исторически и логически предшествует экономическому человеку, который приобретает классовые черты. Экономический человек - это не только человек, ”склонный к обмену”. Это - человек “максимизирующий”. Граница между экономическим и не-экономическим человеком проходила первоначально по линии классовых различий: рабочий не мог ставить своей целью максимизацию выгоды, так как его доход ограничивался минимумом жизненных средств существования (А. Смит).

Индустриальный технологический способ производства, массовый характер производства товаров, рост его масштабов - все это увеличивало, с одной стороны, трансакционные издержки обеспечения прав частной индивидуальной собственности. Последняя все больше и больше не соответствовала масштабу присваиваемых ею производительных сил. С другой, - росли издержки рыночного механизма координации экономических интересов и хозяйственных процессов. Эти два обстоятельства привели к перераспределению прав собственности и изменению структуры ее субъектов, а также и субъектов хозяйствования. Именно в рамках капиталистической формы формируются два новых класса: класс инженеров и техников, принимающих решения на уровне технологического процесса, и класс управляющих, к которым постепенно и переходят функции хозяйствующего субъекта. Произошло отделение собственности и хозяйствования друг от друга и персонификация их в разных социальных группах. Однако рост масштабов производства, усложнение системы хозяйственных связей приводят к тому, что теперь функции целеполагания и контроля не только олицетворяются определенными социальными группами, но, во все большей степени воплощаются в институтах, как неформальных, так и формальных. Последние представлены учреждениями, организациями, структурами, некоторые из них являются носителями коллективного, совместного хозяйствования (в определенной степени, от акционерных обществ до союзов потребителей). Так как же обстоит дело с частной собственностью и с индивидом как исходным - основным хозяйствующим субъектом? Эволюцию частной собственности в 19-20 веках можно проследить в трех основных направлениях. Во-первых, постоянно происходит "естественный" процесс перераспределения [1] прав собственности между самими частными собственниками. Критерием такого перераспределения является экономическая эффективность, а побудительным мотивом к перераспределению - динамика трансакционных издержек. Здесь достаточно полную картину этого процесса дает многообразие типов фирм. Во-вторых, - "размывание" частной собственности и появление государственной, коммунальной и других форм *нечастной* собственности. Этот процесс также может быть "измерен" не только и не столько экономической эффективностью, сколько необходимостью общественного сектора экономики (в частности, и для воспроизводства того самого специфического ресурса в современной рыночной экономике, который так необходим капиталу - интеллектуальных творческих способностей индивида - “человеческого капитала”), или социально-ответственного бизнеса [2], который и обусловливает появление разных неприбыльных организаций. В третьих, направлением эволюции частной собственности является ее обезличивание, то есть утрата отношениями собственности своего субъекта в лице индивидов или социальных групп. Обезличен-

[1] Т. Эггертссон различает в связи с этим ограничение (attenuation) прав собственности (в русскоязычной литературе - “размывание”) и их разделение или рсщепление. См.: Указ. Соч. - С. 52 - 55.

[2] См.: Козловски П. Принципы этической экономии / Пер. с нем. - Спб.: “Экономическая школа”, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Высшая школа экономики, 1999; Он же: Этика капитализма. Эволюция и общество. - СПб.: “Экономическая школа”, 1996. - С.9-66; Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. - СПб., 1998.

ные отношения собственности предстают теперь не только как овещненные, но и как *институализированные.*

Таким образом, видимость прежнего статуса частной собственности и индивида, как главного хозяйствующего субъекта, сохраняется. Однако, по существу, этот статус опровергается самой действительностью: на место обособленного субъекта заступают либо совместно хозяйствующие индивиды (здесь можно отметить распространение партнерств, в которые объединяются владельцы равноспецифических и взаимноуникальных ресурсов), либо институциональные субъекты - корпорации, банки, биржи, фонды и т.п. Сфера принятия решений индивидом, как обособленным и суверенным хозяйствующим субъектом, существенно сокращается: таковой остается сфера потребления и, отчасти, сфера сбережений.

Глава 3 Экономические субъекты рыночно-капиталистической формы общественного производства

3.1 Фирма как экономический субъект

Хотя и не так явно, но все-таки прослеживается связь между процессом последовательного замещения индивида - предприятием, а последнего - фирмой, с одной стороны, и эволюцией теоретических взглядов на природу фирмы. Здесь, в первую очередь, представляют интерес исследования взаимодействия фирмы и рынка, "поведения" фирмы и рыночных структур, взаимодействий фирм, как типов конкурентной борьбы[1], рыночных стратегий фирм в качестве элементов рыночного механизма, а последних в качестве инструментов рыночных стратегий и др.[2]

Принято считать, что предприятие - продукт общественного разделения труда, в результате которого разные индивидуальные виды труда обособляются в качестве самостоятельных звеньев - производственных единиц, которые и получили название предприятия. С этой точки зрения разделение труда вызывает формирование разнообразных хозяйственно-производственных ячеек, среди которых и община, и ремесленные мастерские и мануфактуры, и фабрики и т.д. На первый взгляд, вполне логичное объяснение существования предприятия, а если "добавить" технико-технологические изменения в производстве, совершенствование орудий труда, углубление специализации, процессы комбинирования производства и пр., то можно увидеть и эволюцию форм предприятия.

Однако следует согласиться с точкой зрения на предприятие как на историческую категорию[3]. Так, подчеркивается двойственность предприятия, которое, с одной стороны, есть форма функционирования производства как звена общественного разделения труда или народного хозяйства, в котором осуществляется непосредственный процесс производства. С другой, - это еще и обособившаяся, в ходе исторического развития (простая кооперация, мануфактура, фабрика - таковы исторические ступени возникновения предприятия в данном случае), экономическая форма производства и воспроизводства, которая характеризуется особенным единством кооперации труда, организации производства и управления. Здесь возникновение предприятия непосредственно связывается с кооперацией, основанной на внутреннем разделении труда (мануфактура) и "кооперацией машин" (фабрика). Системообразующим фактором предприятия при этом считается соединение внутри него кооперации и разделения труда.

Предприятие, как определенное технологическое и организационное единство, выполняющее, во-первых, функцию звена общественного разделения

---

[1] См.: Теория фирмы /Под ред. В.М. Гальперина. - СПб.: Экономическая школа, 1995. Также: Менар К. Экономика организаций: Пер. с франц. / Под ред. А.Г. Худокормова. - М.:ИНФРА-М, 1996. - С. 17-33.

[2] В той мере, в которой не раскрывается происхождение такого института, как фирма и всесторонне не исследуются связь и различия ее с предприятием, вернее, с индивидуальным предпринимательством, можно говорить, что природа фирмы еще не изучена достаточно полно.

[3] См.: Капелюшников Экономическая теория прав собственности.. Также: Политическая экономия/Под ред. А.В. Сидоровича. - М.,1993.

труда, и, во-вторых, функцию обособления кругооборота экономических ресурсов, *тем самым* определяется в качестве *хозяйствующего субъекта*, реализующего свои экономические цели и интересы. Именно таким образом *в предприятии* обнаруживается, непосредственно из его технико-производственно-организацонной стороны, его социально-экономическая сторона, то есть, *его определенность* в системе производственных отношений, а значит и его определенность в качестве субъекта хозяйственной деятельности.

В качестве организационной формы производства предприятие представляет собой единство производственно-технологических процессов и организационных структур как субординированных звеньев. Как ни странно[1], но именно эта сторона функционирования предприятия была в большей степени изучена классической и неоклассической экономической теорией. Проблема концентрации производства на предприятии или объема производства, оптимизации выпуска, критерий которой задается предельными и средними издержками, проблема снятия границ производительности факторов производства и др., - вот круг изучаемых здесь вопросов. Что касается социально-экономической стороны предприятия, то она описывалась (в свое время - политической экономией социализма) в основном в категориях экономической обособленности и хозяйственной самостоятельности.

Экономическая обособленность проявляется как движение экономических ресурсов в виде замкнутого хозяйственного оборота; воспроизводство за счет собственных средств, рассматриваемых как результат этого хозяйственного оборота; наличие специфических интересов и присвоение прибавочного продукта в части чистого дохода. Хозяйственная самостоятельность рассматривается как совокупность имущественно - правовых отношений предприятия в качестве юридических лиц.[2]

Таким образом, если и возникает проблема предприятия как хозяйствующего субъекта, то “субъектность” эта выводится из функционирования его в качестве производственно - технологического звена, а не из специфики производственных отношений, из которых “вырастают” все хозяйствующие субъекты, в том числе и предприятие. Посмотрим, как выглядит происхождение предприятия как социально-экономического субъекта.

Начнем с того, что процесс обособления разных индивидуальных видов труда в качестве производственно-хозяйственных звеньев исторически не был бы возможным без персонификации его (процесса) соответствующими фигурами или лицами, получившими название *предпринимателей***.** В таком случае, предприятие как историческую категорию следует определять как единство производственно - технологического и социально-экономического в хозяйственной деятельности индивидов в исторически определенное время - в буржу-

[1] “Странным” такой подход выглядит с точки зрения основных предпосылок классической и неоклассической теории, в которых индивидуально-поведенческие факторы преобладают над технологическими. Но, по “иронии судьбы”, само индивидуальное поведение становится технологичным, также как и экономический анализ.

[2]В неоинституциональной экономической теории деятельность-функционирование предприятия (фирмы) так и сводится к участию его (ее) в отношениях по поводу оборота прав собственности.

азно-капиталистическую эпоху. При этом *предприятие* выступает как *единство системы машин,* с одной стороны, и формы экономически активной деятельности свободных (здесь - в буржуазном смысле) *индивидов,* - с другой.[1] Поэтому логика изучения фирмы, ее происхождения, ее современной природы, ее отношений с рынком и противостояния ему и, наконец, как одного их видов экономических субъектов, требует рассмотрения ее в цепочке: "индивид - предпринимательство (индивидуальное) - предприятие - фирма". Забегая вперед, отметим, что в этом последнем звене фирма уже не представляет собой предприятие (как организационную форму индивидуальной экономической активности), а выступает как знак, представитель и заместитель других субъектов. Фирма - это имя, брэнд или носитель брэнда.

Имеют место попытки представить фирму как первичную организационную единицу *бизнеса*, то есть в прежнем, историческом понимании предпринимательства, обладающую самостоятельностью[2]: юридической, производственной, финансовой, организационной. Но при этом, ее связь с производственным и воспроизводственным процессом и общественным разделением труда почти не прослеживается, что может говорить о "виртуальности" фирмы, ее знаковом, "представительском" характере. Так, производственная самостоятельность здесь означает, что "фирма самостоятельно решает, что, где и каким образом производить", что никак не указывает на то, что фирма, как производственное звено производит законченный, готовый выйти на рынок, востребованный на рынке продукт. Фирма (может быть, в отличие от предприятия, которое теперь вообще превратилось в "первичное *технологическое* образование" (курсив мой - С.Б.) все-таки видится большинству экономистов как особая организационная единица рынка [3].

У Смита, представляющего, по мнению Н. Розановой, технологическую концепцию, связь фирмы (скорее предприятия - С.Б.) с общественным разделением труда и разделением труда внутри этого образования еще не расторжима. Более того, оно является непосредственной причиной предприятия. Но более важным здесь является то, что предприятие у него есть субъект не просто рынка, а конкуренции. Фирма-предприятие у Смита не просто ценополучатель или

---

[1] Близкую позицию в понимании предприятия находим у М. Вебера. Только у него речь идет не столько о предприятия как специфически капиталистическом (или вернее, буржуазном) экономическом субъекте, олицетворением которого является экономически активный, свободный индивид, сколько о капиталистической рационализации труда вообще, как рациональной организации *"свободного труда"*, с которой начинается у него "современный" капитализм. См.: М. Вебер. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 52-53.

[2] Похоже, именно самостоятельность и есть у Н. Розановой системообразующий фактор, что позволяет определить ее подход преимущественно правовым. См.: Н. Розанова. Вопросы экономики. 2002. № 2. Автор данной статьи выделяет три основных группы, которые объединяют существующие теории фирмы: технологическая концепция (классическая и неоклассическая теория); институциональная теория фирмы; теория поведения фирмы, основанная на теории игр. Правда, сомнительно, что теория игр является самостоятельным направлением исследования фирмы, так как она не является самостоятельным концептуальным образованием в экономической теории; она есть лишь инструментарий для некоторых из ее парадигм.

[3] Там же. - С. 50, 51.

участник рынка, для которого сам рынок - экономическая среда его (ее) деятельности, а экономически активный субъект, в предпринимательском смысле.

Маршалл рассматривает природу фирмы в классической традиции, то есть, с точки зрения, якобы технологической концепции. Он вводит понятие “организация производства”. Здесь мы видим уже атрибуты функционального экономического субъекта, связанные с деятельностью фирмы-предприятия как рыночного агента: все “поведенческие предпосылки”, бывшие когда-то индивидуальными (у неоклассиков, особенно, у представителей австрийской школы) теперь перенесены или "опрокинуты" на фирму.

Введение Маршаллом в экономическую теорию понятия краткосрочного и долгосрочного периодов времени производства и поведения экономических агентов есть не только попытка придать динамический характер теории фирмы (Н. Розанова). Здесь, на наш взгляд, имеет место “неувиденная” попытка внести коррективы в теорию выбора: ведь выбор в условиях краткосрочного периода и выбор в долгосрочном периоде - разные вещи.

Здесь Маршаллом "схватывается" одно из противоречий экономического выбора. С краткосрочным периодом более-менее все ясно (как в теории воспроизводства капитала у Маркса, где закономерности капиталистического накопления становятся очевидными при повторении процесса производства): есть ограниченные ресурсы, есть альтернативы их использования в соответствии с предпочтениями индивидов, возникает необходимость, на основе ранга предпочтений, сделать выбор (насколько он эффективный - это покажет рынок). Другое дело - долгосрочный период времени. Здесь и обнаруживается противоречие индивидуального выбора, как основной предпосылки теории неоклассиков, а именно: только в долгосрочном периоде возникает проблема неопределенности, в свою очередь, только в условиях неопределенности возможен выбор (как акт свободного человека). В то же время, именно в долгом периоде для индивидов характерны *ожидания* наступления неизвестных событий (хотя они и могут быть результатом предшествующих решений, но с точки зрения “чистоты” проблемы выбора, они не могут быть известны индивидам, принимающим решения). В свою очередь, *наличие ожиданий* у тех, кто собирается принимать решения, означает *отсутствие свободы выбора*, поскольку их деятельность есть лишь *адаптация* к будущим результатам, а адаптация и есть *поведение.*

В связи с фактором “организация производства” и "формами управления предприятиями", у Маршалла появляется “специфическая черта фирмы” - “предпринимательские способности как ресурс производства”. Такая постановка вопроса еще ближе подходит к проблеме эволюции *индивида - предпринимателя - предприятия* в фирму. По крайней мере, *предпринимательство* мыслится здесь как *обособленный от фирмы процесс*, хотя и в виде ее ресурса. Кроме этого, Маршалл увидел здесь и процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции. Так, он поставил упоминавшуюся уже

проблему “управленческих структур разных форм бизнеса”[1]. В неоинституциональной традиции проявление этого противоречия отмечено в виде характерного для корпоративной формы разделения *функции принятия риска*, которая обусловлена правом собственника фирмы на остаточный доход, и *функции управления*, на которой специализируются нынешние предприниматели - менеджеры.

С точки зрения "превращения" индивидуального предпринимателя в фирму, а фирмы - в экономического субъекта, представляет интерес у Маршалла понятие “репрезентативной фирмы” как “типичного и среднего представителя производящих экономических агентов”. Несмотря на то, что понятие репрезентативной фирмы у него используется в другом контексте[2], оно содержит момент *обезличивания* индивидуальных способностей предпринимателей, их "отипичивания", как ступень овещнения и институализации.

У Джона. Хикса[3] мы видим близкое нам понимание существа проблемы. Во-первых, у него теория формы - это теория капитала (конечно же, понимаемого по-другому, нежели в концепции формационного подхода, но, тем не менее, речь уже не идет только о технологиях, ресурсах и оптимизации поведения). Во-вторых, у него индивид не вытесняется фирмой, хотя и проводится полная аналогия “между поведением индивида как потребителя и поведением индивида как *представителя* фирмы”(!). При этом происходит замена функции полезности на функцию прибыли или выпуска, цен на товары - ценами на ресурсы, предельной нормы замещения - предельной нормой трансформации (что впрочем, имеет место и в традициях австрийской ветви неоклассики). ”Фирма... представляется не более чем индивидом. Не существует никаких дополнительных характеристик, которые отличали бы фирму от индивида в поведенческом плане”[4], - отмечает автор. Хотя Хикс “чувствует” проблему передачи субъектности от индивида, в данном случае, к фирме, но при этом оптимизирующим агентом является все-таки фирма[5].

То обстоятельство, что у Хикса индивид - уже не самостоятельно принимающий решения предприниматель (в отличие от Смита, для которого это - естественно), а лишь представитель фирмы, которая становится оптимизирующим свое “поведение” агентом, оказало влияние и на роль *совершенной конкуренции* в экономической теории mainstream. Все-таки совершенная конкуренция является “продуктом” деятельности экономически свободных индивидов -

---

[1] См. также управленческие (менеджериальные) теории фирмы (У. Баумоль, Р. Маррис): фирма управляется менеджерами, которые обладают полнотой информации и задают цель фирме (почему-то максимизация совокупной выручки, а не прибыли?), хотя и не являются собственниками. Предпосылки у них также неоклассические и инструментарий тот же: производственная функция и дифференциальное исчисление. В результате авторам не удается развить это противоречие, и, несмотря на акцент на изменение целевой функции фирмы, управляемой менеджерами (собственно фирма), в отличие от фирмы, управляемой собственниками (предприятие в собственном смысле слова), между ними не остается различий.

[2] Маршалл А. Указ. Соч. - Т. 1. - С. 403-404.

[3] См.: Хикс Дж. Стоимость и капитал. - М., 1993. - С. 314-320.

[4] См.: Н. Розанова. - С. 54.

[5] И все-таки до конца различие между индивидом, предприятием и фирмой Хикс не проводит. См.: Хикс Дж. Указ. Соч. - С. 314-320.

предпринимателей. Здесь вновь мы вспоминаем, что экономически свободный индивид и рынок как структура, упорядочивающая обмен - две стороны одного целого. Или: совершенная конкуренция есть такое производственное отношение, субъектами (или носителями) которого, видимо, могут быть только сами индивиды как самостоятельные предприниматели (что, впрочем, не исключает овещнения). По мере того, как этот экономически самостоятельный индивид замещается институциональными субъектами, совершенная конкуренция все более уступает место в рыночных процессах несовершенной конкуренции (здесь: может быть "подрыв товарного производства"). Она уходит из экономической реальности, оставаясь при этом *непреложной предпосылкой экономической теории*, со временем даже усиливающейся, ибо без нее все "здание" экономической теории неоклассики может обрушиться[1].

Противоречие между статикой и динамикой в поведении фирмы, которое, как и в случае с краткосрочным и долгосрочным периодами у Маршалла, также отражает противоречие экономического выбора индивида. У Хикса это еще и противоречие потребления и накопления капитала.

Каким образом (кроме уступок позиций совершенной конкуренции) рынок "реагирует" на вытеснение индивида из сферы принятия экономических решений, из сферы хозяйственного выбора? Он все больше сам институциализируется: стихийно-спонтанные рыночные процессы все более заменяются таким поведенческим многообразием или "многообразием поведенческих характеристик агента" (фирмы), которое теперь организуется- структурируется в "типы рыночных структур" или модели рынков. При этом, видимо, стираются границы между "поведением фирмы", с одной стороны, и типами рыночных структур, с другой; между моделями фирмы и моделями рынка не только в теории, но и в хозяйственной практике.

Изначально фирма (предприятие) противостоит рынку как элемент его структуры, а точнее как один из его участников, агентов. В таком случае *рынок* предстает как *мегаструктура*, по отношению к которой все остальные "действующие лица" выглядят "микроорганизмами", жизнедеятельность которых зависит от нее. Впоследствии фирма вырастает до "масштабов" рынка с точки зрения наличия множества посредствующих звеньев, отделяющих индивидов как основных (и исходных) субъектов рыночно - капиталистических производственных отношений, от самих этих отношений, форм, в которых они структурированы (наделены устойчивыми образованиями - элементами, выполняющими свои функции и замещающими самих индивидов). *Фирма* становится *надстройкой над предприятием*, которая может его поглотить, заменить, как хозяйственно - экономического субъекта, но не может без него обойтись как производственно - технологической единицы.

Здесь уже по существу стираются границы между фирмой и рынком: ведь теперь *обезличены* оба, а равновесие рынка предстает как равновесие фирмы. Однако вопрос о генезисе рыночных структур не снимается, как, собственно, не

[1] Прослеживание роли совершенной конкуренции в теориях институционального направления и у неоавстрийцев требует специального рассмотрения.

снимается и вопрос о происхождении “рыночной стихии”. Что представляют собой в рассматриваемом контексте несовершенная конкуренция? Являются ли эти модели рынка, или типы рыночных структур внешними для фирмы компонентами среды ее обитания, в которой теперь фирмы действуют по-другому, нежели в совершенной конкуренции? Или же эти рыночные модели представляют собой продукт деятельности фирм[1]., теперь тоже изменившимися и ставшими другими субъектами, а их “поведение” и “составляет” новые модели рынка?

Процесс институализации предпринимательской деятельности, предприятия и индивида исследовал и Й. Шумпетер[2]. Для него монополия, - скорее новый хозяйствующий субъект (фирма? - С.Б.), чем одна из моделей рынка несовершенной конкуренции, а монопольная прибыль выступает источником инвестиций. Это положение противоречит собственно предпринимательскому "духу капитализма", заключенному в свободе индивидуального выбора. Поэтому она (свобода) остается в теории Шумпетера в форме концепции “предпринимательской фирмы” (как противостоящей монополии, так и совпадающей с ней), - особого экономического агента, функцией которого является конкуренция посредством различных новаций. Здесь мы видим, что, совершенная *конкуренция как отношение экономически свободных индивидов* постоянно должна воспроизводиться, хотя бы и на периферии социально-экономической системы, а отсюда, - и в теорию она постоянно возвращается в виде незыблемой предпосылки.

В то же время, неоклассическая теория если и "почувствовала" противоречия экономически активного индивида и рынка, фирмы и рынка, индивида (как предпринимателя) и фирмы, то не сделала попытку их рассмотреть и разрешить. Ведь, если *фирма* может, выступать "здесь как предприятие, состоящее из одного человека, владеющего, управляющего и работающего на ней” (Н. Розанова), то, как нам представляется, это означает, что неоклассики не видят процесса замещения индивида, в качестве хозяйствующего субъекта, прежде самостоятельно принимающего решения в отношении ограниченных ресурсов, другими действующими лицами - институтами, одним из которых является фирма.

С другой стороны, для неоклассиков идеалом хозяйствующего субъекта все время остается частно - индивидуальный предприниматель, которого они постоянно имеют в виду либо в качестве основного или единственного действующего лица, либо в качестве теоретической предпосылки в форме свободного индивидуального экономического выбора или совершенной конкуренции, что является другой стороной экономически свободного индивида.

Там, где нет различий между индивидом и фирмой, как хозяйствующими субъектами, там главное действующее лицо , главный экономический субъект -

---

[1] Аналогичные процессы, но с обратным знаком, можем наблюдать у нас: сформировавшиеся в 90-х годах ИБГ (интегрированные бизнес - группы) - институциональные экономические субъекты превращают пространство собственного существования в рынок (локальный, отраслевой) с соответствующими структурами-институтами, да и с нормами-институтами.

[2] Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. - М., 1995.

рынок, а экономически свободный индивид лишь предпосылка (методологический индивидуализм). Впрочем, исторически такая позиция вполне оправдана: ведь ядро неоклассической теории формировалось в эпоху становления классического капитализма, для которой как раз и характерна еще видимая связь с экономически активным индивидом, предпринимательством и предприятием как специфически капиталистической структурой, которая упорядочивает, воспроизводит капитал как свое основное отношение (или как одну из его сторон). Ведь так называемый массовый индивид еще не был вытеснен из сферы принятия хозяйственных решений в сферу потребления, по сути, в домашнее хозяйство, которое к этому времени также становится продуктом капитала.

“Институт предприятия” - именно так определяет Г. Клейнер[1] “несущую функциональную конструкцию” индустриальной экономики, - многофункциональный “локомотив”. Он выполняет и функцию субъекта экономики, которая выглядит как “систематически осуществляемое взаимодействие объекта с другими, внешними, для данного, объектами, заинтересованными в таком взаимодействии”. Как видим, автор изначально подходит к *предприятию как к функциональному экономическому субъекту*, как участнику “экономики вообще”. Единственное, что здесь выходит за рамки функциональности, это “заинтересованность” участников экономики, так как она имеет определенное социально-экономическое происхождение. Что касается определения субъекта (или его функции) через понятие “объект”, то здесь, скорее всего не просто путаница, а скорее концепция, в которой нет места субъектности, как самостоятельности, автономности, принятия ответственности. Здесь мы наблюдаем так называемый общеметодологический системный подход, для которого характерны прямые - обратные связи между элементами системы, “внешняя для данного объекта среда”, взаимодействие элементов-объектов, “вход” и “выход” системы и др.

Определяя границы своего ”объекта” Г. Клейнер включает в него “все имущество, материальные и нематериальные активы предприятия, *кроме его акционеров, и работников”* (курсив мой - С.Б.) [2]. Так что действительные субъекты попали в данном случае в один ряд с имуществом. Если для кого-то еще “неудобно” относить индивидов, их группы, коллективы к имуществу (и к “границам предприятия”), поэтому они используют понятия “трудовые ресурсы”, “человеческий капитал”, “человеческий фактор” и др., то в данном случае такой проблемы нет: у Г. Клейнера с самого начала субъект - это объект. В той методологической системе, в которой работает этот автор, это вполне “естественно”. Там все "рядоположено". Система - совокупность скомбинированных между собой элементов. Там нет иерархий (как отношений между индивидами, социально-экономически неравными друг другу). Здесь может быть только субординация (как функциональное соподчинение элементов системы). Без нее не обойтись в индустриальном производстве, ведь именно так характеризует со-

[1] Мезоэкономика переходного периода: Рынки, отрасли, предприятия. - М.: Наука, 2001. - С. 373.

[2] Там же. - С. 374.

временный тип экономической системы Г. Клейнер[1].

Хотя автор в отношении "акционеров и работников" отмечает, что "их логично считать самостоятельными социальными (в случае физических лиц) или экономическими (в случае юридических лиц) субъектами", это положение почти ничего не меняет: "если каждый *работник* предприятия, безусловно (а как же иначе - ведь есть права человека! - С.Б.), - самостоятельный социальный субъект, то *коллектив* работников предприятия - внутренняя часть предприятия не существующая, как правило, вне данной структуры. Аналогично владелец акций или паев предприятия - самостоятельный субъект (социальный или экономический, в зависимости от того, является ли он физическим или юридическим лицом), в то время, как общее собрание акционеров целесообразно (!?) считать частью предприятия"[2] (то есть имуществом? - С.Б.).

Итак, у Г. Клейнера, во-первых, субъектами (социальными или экономическими) могут быть физические и юридические лица. Во-вторых, экономическими субъектами могут быть только юридические лица, в то время как физические лица (индивиды?) могут быть только социальными субъектами. Здесь мы находим:

1). Определение экономического (базового) отношения (и субъекта) через правовое, а не наоборот, то есть сведение (и замену) сложного к простому.

2). Возможно, такой акцент на том, что физические лица - это либо неполноценные экономические субъекты, либо совсем не таковые, а в качестве субъектов признаются только юридические лица, объясняется реальным "исчезновением" индивида из состава экономических субъектов сектора корпоративного (крупного) бизнеса и вытеснения его на периферию капиталистической экономики, где обитает так называемый мелкий бизнес. Такое объяснение, правда, не вписывается в изначальные методологические предпосылки Г. Клейнера: общесистемный подход еще более абстрактный, чем неоклассический или неоинституциональный. Хотя автор и делает акцент на индустриальном происхождении "института предприятия", но вряд ли сам индустриальный способ производства увязывается им с капиталистической общественной формой хозяйства.

В рамках своего подхода Г. Клейнер, который можно было бы определить как сочетание общесистемного анализа с функциональным (ведь речь идет о предприятии как многофункциональном "локомотиве" экономики, и у каждой из функций предприятия есть свой "потребитель"), на первый взгляд, совсем "исчезают" такие, казалось бы, некапиталистические цели и действия предприятия, как рост объемов производства, увеличение занимаемой предприятием доли рынка, максимизация прибыли, поскольку "не относятся в данной концепции к функциям предприятия" [3]. Объяснение в том, что "нет возможности указать внешний объект, непосредственно заинтересованный в реализации этой "функции". У автора на эту роль не подходят и такие "объекты", как "акционе-

---

[1] Кстати, отношения субординации обнаруживаются и тогда, когда речь заходит о структурно-организационно-управленческих проблемах. См.: Введение. Мезоэкономика... - С.5 - 12.

[2] Там же. - С. 374.

[3] См.: Мезоэкономика ... - С. 374-375.

ры и выражающее их волю общее собрание акционеров", так как они заинтересованы непосредственно в дивидендах или росте курсовой стоимости акций, "что не однозначно связано с максимизацией прибыли" [1]. Конечно, с последним можно согласиться, но не признавать стремления самостоятельного хозяйствующего в условиях рыночно-капиталистической экономики субъекта к росту прибыли означает игнорировать очевидное. Другое дело, если автор вложил в методологические предпосылки своей теоретической системы реалии поведения российских предприятий в трансформационный период, и исходит из них, говоря о предприятии как таковом.

Выделяя два основных подхода к анализу функций предприятия [2] - теоретический (где, в свою очередь намечает три основных: неоклассический, институциональный, эволюционный) и эмпирический, и называя основные функции, признанные в рамках этих подходов, автор этой концепции ничего не говорит, конечно же о главной из них, которую, кстати, признают в той или иной форме неоклассики, а, в особенно явной, - неоавстрийцы, - предпринимательской функции. Именно эта функция вытекает из природы предприятия (о которой автор тоже говорит, но не раскрывает ее, полагая, видимо, что функции определяют природу предприятия, а природа обусловливает функции). Так вот, на наш взгляд, *природа предприятия как специфически исторического феномена заключается в деятельности, впервые в истории, свободного* (в буржуазном же смысле**),** *массового, экономически активного индивида,* присваивающего - осваивающего условия своей жизнедеятельности (в том числе достижения в развитии науки и производительных сил: эффект от разделения труда и специализации, машинное производство). Капиталистическим (а не только буржуазным) оно становится, базируясь, с одной стороны, на этих достижениях (как выяснилось, адекватных именно данной общественной форме), с другой - на форме найма работников.

Что касается тех функций, которые признает Г. Клейнер, то их он относит к разряду эмпирических, а это такие функции, которые обусловлены наличием соответствующих "потребителей" деятельности предприятия, индивидуальных и групповых, а именно - собственно потребители продукции предприятия (функция - "эффективно производить продукцию") и инвесторы (собственники) (функция - "приносить доход")[3]. Автор объясняет свой "потребительский" подход необходимостью "смоделировать" представление о предприятии как: 1) об институте рыночной экономики; 2) об объекте управления; 3) об объекте макроэкономической политики государства.

Поскольку предприятие - один "из наиболее устойчивых экономических институтов", то оно само, по мнению цитируемого автора, является "источником долгосрочных изменений на макроуровне", что обеспечивает "наличие тесной связи между состоянием предприятия как института и институциональным

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. - С. 377-379.

состоянием государства"[1]. Таким образом, автор "приводит" проблему к институциональному основанию, исходя из довольно абстрактных, общесистемных предпосылок, среди которых первоначально не нашлось места даже рыночным предпосылкам неоклассиков. В то время, как институциональный подход состоит в том, что в нем имеют место исторически специфические "взаимодействия" субъектов, хотя бы и первоначально провозглашаемые. Здесь же мы видим, скорее не анализ деятельности или поведения функционального субъекта - современного предприятия, а функциональный анализ, как исследование функций этого субъекта, оторванного от своей социально-экономической природы - тех производственных отношений, которые его порождают.

3.2 Домашнее хозяйство как институт и экономический субъект

Функциональные экономические субъекты, среди которых и домашнее хозяйство, существуют во взаимосвязи и взаимодействии, в каждый данный момент, если можно так сказать, благодаря именно своим функциям в микро - и макроэкономике.

В то же время существование и функционирование социально-экономических субъектов[2], каждого из них, не обусловлено непосредственно существованием других: например, институты, в кругу своих функций, вполне могут "действовать" и без экономически самостоятельного индивида (индивидуальной субъектности или субъектности социальных групп и классов). Здесь достаточно того, что индивид будет представлять институт, выступать функцией от него. Наоборот: замещение одного субъекта другим означает в некотором смысле "исчезновение" исходного (базового) субъекта, выполнение одним функций другого, а этот другой становится представителем своего "заместителя".

Функциональные же субъекты, хотя и "рядоположены", то есть существуют на одном уровне хозяйственно-экономической жизни, в то же время *не взаимозаменяемы*[3]. Наоборот, как уже отмечалось, функциональные экономические субъекты взаимно предполагают друг друга *непосредственно*. Это противоречивое, по сути, положение функциональных хозяйствующих субъектов нашло отражение и в экономической теории, где разные стороны этого противоречия были "схвачены" разными школами.

Так, в ранней неоклассике (австрийская школа) принципы поведения домашнего хозяйства (пока еще только как потребителя) переносятся на произво-

---

[1] Там же. - С. 380. Как у Д.Норта таким источником институциональных изменений являются организации. См.: Норт Д. Указ. Соч.

[2] Авторы одной из редких монографий, посвященных проблеме считают домохозяйства и индивидов экономическими субъектами низшего уровня. См.: Экономические субъекты постсоветской России. (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. - М., 2001. - С.39.

[3] Разве что в теории неоинституционалистов, при условии ненулевых трансакционных издержек, когда их изменение перераспределяет хозяйственно-экономические функции между фирмой и рынком, который в данном контексте не только конкретно-исторический способ координации деятельности людей, но и "экономический субъект", между фирмой и домохозяйством, а также между каждым из них и государством.

дителей (теория производительных благ и теория вменения). Позднее в теории общего равновесия Вальраса (каждому рынку полагается свой субъект), в теории национального благосостояния Пигу (где появляется самостоятельный субъект - государство), а также в теориях И. Фишера, неоавстрийцев, Хикса появляется весь спектр функциональных экономических субъектов. Кроме потребителя - домашнего хозяйства в круг интересов попадают и производители - фирмы, и государство (последнее иногда в негативном контексте, но все-таки в качестве "действующего лица"). При этом, как бы подспудно, признается еще один экономический суперсубъект - рынок (его положение по отношению к индивиду как основному или, по крайней мере, исходному в рыночно-капиталистической системе хозяйствования экономическому субъекту и по отношению к фирме мы попытались определить прежде.)

Так вот, в целом стройность неоклассической парадигмы во многом обусловлена взаимосвязанным положением домохозяйства-потребителя, фирмы и государства в непрерывном кругообороте ресурсов, продуктов и доходов[1].

Таким образом, домашнее хозяйство в современной рыночно-капиталистической системе не существует изолировано от фирмы и государства, с одной стороны, и от индивидуальной субъектности, социальных групп и институтов, - с другой. Само же домохозяйство есть институт, который можно отнести к функциональным экономическим субъектам.

Проблема домохозяйства как институционального экономического субъекта восходит к проблеме "родового" противоречия индивида[2], как частного лица, живого человека, отдельной личности, с одной стороны, и общественного существа, в определенных исторических условиях - институциализированного (являющегося представителем институтов, заменивших его в статусе субъекта), - с другой. Эта институализация в буржуазном социуме приобретает всеобщий характер.

Если в прежних социумах частная жизнь большинства индивидов и была таковой, то есть принадлежала им, то она непосредственно совпадала с их общественным бытием. Это находило отражение в том, что домашнее хозяйство совпадало с одной стороны, с семьей (к тому времени уже общественным институтом), с другой - производственной и хозяйственной ячейкой-единицей). В буржуазном социуме произошло отделение семьи от домашнего хозяйства (хотя и не сразу), и, это главное, отделение от нее производства, которое становится теперь общественным и по характеру и по содержанию. При этом частная жизнь индивида была отделена от его общественной жизни (несмотря на то, что характер и масштабы последней может быть были и несравнимыми с современными ее параметрами и характеристиками, она все-таки имела место во всех добуржуазных обществах)[3].

---

[1] Здесь система национальных счетов выступает как отражение деятельности функциональных экономических субъектов и хозяйственных потоков, принадлежащих им. См.: Вайнштейн Альб. Л. Избранные труды: В двух книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. - М.: Наука, 2000. - С. 185 - 252.

[2] См.: Текеи Ф. Указ. Соч. - С. 106-108.

[3] А. Хамидов подчеркивает наличие здесь аналогии с двумя сторонами товара. Индивид, находясь внутри институтов, являясь персонификацией их функций, раздваивается, подобно товару: как

Превращение семейного или домашнего (что, по сути, одно и то же, так как семья представляла сообщество тех, кто жил в доме - коллектив "всего дома"[1]) производства в общественное; лично зависимого индивида в лично свободного и экономически активного и предприимчивого - начало процесса *институализации* индивида и его отношений как экономического субъекта. Следующий этап в этом процессе - превращение предпринимательства и предприятия в фирму, а семейного "очага" (ведь производство уже отделилось от семьи) - в домашнее хозяйство, как другой экономический субъект.

Между фирмой и домашним хозяйством, как двумя институциональными формами индивидуальной субъектности, существует различие. Если фирма как институциональный экономический субъект функционального содержания представляет собой продукт институализации индивидуальной экономической активности, предпринимательства, то домашнее хозяйство по существу восходит к частной сфере существования индивида, как самостоятельной личности, (где он принадлежит сам себе) и является одним из продуктов ее институализации.

Домашнее хозяйство - еще одна из ипостасей индивидуальной экономической субъектности, только с отрицательным знаком: не домашнее хозяйство представляет эту субъектность и является его (индивида) функцией, а наоборот, индивид теперь - представитель и функция (только!) домашнего хозяйства И это наряду с тем, что он еще и представитель фирмы и других институтов, отношений, в которых он принимает участие. Выходит, что индивид в буржуазном социуме "делит" себя, свою субъектность, активность между разными институтами, представителями которых он становится[2]. Что же остается ему как таковому? Гражданское общество, как сфера его самодеятельности? Но и она подвергается институциализации[3].

Домохозяйство, и после того, как производство отделилось от семьи, осталось многоплановым (разными своими сторонами связанным с общественным производством) и многофункциональным институтом. И не только потому, что в нем "производственное переплетено с личным (почему-то именно такое противопоставление? - С.Б.), а экономическое с социальным (а разве экономическое - не социально? - С.Б.)"[4], а скорее потому, что индивид всеми сторонами

человек, живая личность ("потребительная стоимость") он противостоит себе, как персонификации институтов ("меновая стоимость"). См.: Хамидов А.А. Категории и культура... - С. 166. Также: Текеи Ф. Указ. - Соч. - С. 106.

[1] См.: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII - XX вв.) / Пер. с нем. ... - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. - С. 285.

[2] При этом не будем забывать, что он еще остается и представителем собственно вещных "сил" - товаров, денег, капитала, финансов, технологий и пр., так как сохраняют значение "классические" овещение и деперсонификация.

[3] Можно встретить в нашей литературе и в публичных выступлениях высказывания об институтах гражданского общества как необходимом условии рыночной(!) экономики. Здесь имеет место невольное подчинение этой сферы самодеятельности индивида рыночно-капиталистическим принципам.

[4] См.: Радаев В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 1998. - С.213.

своего бытия включен в отношения современной рыночно-капиталистической экономики и, как правило, в качестве одного из ее ресурсов. Поэтому домашнее хозяйство - и субъект потребления и сбережений, как процессов-функций, оказывающих влияние на макроэкономические пропорции. В сфере домохозяйства происходит воспроизводство рабочей силы и "человеческого капитала", в том числе социализация личности индивида, которая тоже становится элементом этого самого "человеческого капитала", то есть, используется как ресурс современного производства. Домашнее хозяйство - субъект инфляционных ожиданий и вообще, "рациональных ожиданий", основной налогоплательщик и получатель трансфертов. Все эти стороны деятельности домохозяйства отражены в упоминавшемся уже кругообороте ресурсов, продуктов и доходов.

Домашнее хозяйство как функциональный субъект внешне представляется социально - экономически - нейтральным. Ведь исторически оно берет начало в эпоху цивилизации (Морган, Энгельс) и далее - до наших дней сохраняет некоторые свои, наиболее обшие черты (натуральное самообеспечение, замкнутость, совместный домашний труд, взаимоподдержка). Правда, возникает сомнение, насколько даже эти абстрактные (простейшие) характеристики сохраняют свое значение сейчас?

Не лишилось ли оно этих свойств, превратившись, с одной стороны, в полноценного рыночно-капиталистического субъекта (внешне - только рыночного), "работающего" на накопление капитала, - с другой, в статистическую единицу для определения основных параметров и пропорций воспроизводства общественного продукта[1]. Так что, если посмотреть на историю домашнего хозяйства, то может показаться, что в ходе развития произошло снижение "ранга" этого хозяйствующего субъекта, что отмечается и в литературе, где его часто рассматривают в контексте таких понятий, как "неформальная экономика", "экономика выживания" или "моральная экономика"[2].

В добуржуазных социумах домашнее хозяйство, выполняя роль производственно-хозяйственной единицы[3], поставляло основные виды продуктов труда, необходимых не только для удовлетворения потребностей членов семьи - участников домашней экономики, но и на рынок, а также в рамках отношений личной зависимости собственнику земли и других ресурсов, которыми не располагали сами домашние хозяйства. Домашнее хозяйство, будучи сообществом тех, кто жил в доме, определяло способ включения, интеграции индивида как в само домовое сообщество (место в системе организации домашнего труда или выбор супруга), так и в общности другого уровня (в сельскую общину, в сосло-

[1] Ведь, для того, чтобы домашнему хозяйству быть объектом налогообложения, - ему не обязательно быть семейной экономикой. Для этого достаточно быть замкнутой хозяйственной единицей с достаточно жестким бюджетным ограничением.

[2] См.: Чаянов А. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Неформальная экономика. Россия и мир. / Под ред. Теодора Шанина. - М.: Логос, 1999. - С. 467-497.

[3] Вызывает интерес вопрос, насколько в истории России именно домашнее, а не общинное хозяйство выступало как производственная единица и как хозяйствующий субъект. Было ли у нас такое же добуржуазное домашнее хозяйство?

вие, в цеховую организацию)[1]. Здесь домохозяйства выполняли роль носителя отношений личной зависимости. Власть главы семейства, с одной стороны, была тем сильнее, "чем большим было экономическое значение домохозяйства"[2], с другой, - вообще не была обусловлена экономическими или производственными причинами (главенство в сфере производства, в разделении труда), так как, в частности, в прединдустриальный период в хозяйствах сельских рабочих-надомников, поденщиков и др. социальных групп труд мужчины и женщины был "качественно и количественно примерно" равным "по значению" трудом. Это противоречие скорее свидетельствует о переходном характере прединдустриальных производственных отношений, когда отношения личной зависимости, с одной стороны, базировались на авторитете главы, в данном случае, семейного сообщества, и были сращены с его экономической властью, дававшей другим гарантию доступа к условиям жизнедеятельности, с другой, - уже подрывались равенством (а потом и неравенством) экономического участия в их создании таким образом, что патриархальный тип отношений продолжал функционировать в качестве "господствующего культурного образца".

В условиях формирования предпосылок буржуазно-капиталистических форм производства домохозяйство выполняло целый ряд функций. Во-первых, оно обеспечивало "промежуточные" хозяйственно-экономические формы (надомный, поденный труд), закладывая тем самым основы будущего капиталистического предприятия и производства. Во-вторых, в рамках домохозяйства происходила подготовка соответствующего будущему капитализму работника, так как оно создавало "условия для развития требующих квалификации рабочих операций и стратегий, которые позднее облегчили приспособление производителей к индустриальным формам труда"[3]. Здесь, кстати, можно отметить особую функцию домашнего хозяйства в качестве функционального экономического субъекта. Она заключается в том, что именно домашнее хозяйство практически и повседневно накапливало потенциал тех трансформаций и изменений в производственных отношениях и производительных силах, которые затем соответствующие социально-экономические субъекты в лице индивидов (экономически активных и предприимчивых) и социальных групп ("третье сословие", классы капиталистов-предпринимателей и наемных рабочих) "поставят" на соответствующее место в истории.

Ранее упоминавшиеся функции современного домохозяйства, которые выглядят социально-экономически нейтральными (как субъект потребления, сбережения, функция воспроизводства рабочей силы и человеческого капитала и др.) на самом деле являются достаточно глубоко социально-экономически укорененными в социально-экономической системе и конкретно историческими. Даже такая, казалось бы, постоянная функция как обеспечение семейной

[1] Это отмечает Р. Зидер: "Личность не могла существовать вне данного домового союза", ведь "добуржуазные общества не знали понятия свободной личности". См.: Зидер Р. Указ. Соч. - С. 285.

[2] В то время как "в семьях неимущего и бедного населения патриархальные структуры оставались неразвитыми". См.: Там же.

[3] Там же. - С. 285-286.

взаимопомощи все-таки носит переходный характер. Так было на первой фазе индустриализации, когда для пополнения семейного бюджета в силу недостаточности индивидуальной заработной платы, семьи брали постояльцев и “одинокие рабочие” “включались” в хозяйство квартиросдатчика, так было и периоды двух мировых войн и экономических кризисов[1].

Аналогичные процессы в отношениях домашних хозяйств и господствующих хозяйственно-экономических форм в обществе мы можем наблюдать и у нас, когда за счет более интенсивного труда (особенно женщин, что отмечалось и в истории западно - и центрально-европейского капитализма) в рамках домашнего хозяйства и “ограничения автономии личности в целом” обеспечивается выживание миллионов людей. Происходит это во многом за счет возврата к "экономике выживания". Впрочем, у нас возможно еще и не сформировался именно буржуазный тип домашнего хозяйства как капиталистического, рыночного института, хотя предпосылки для него уже были созданы предшествующими "волнами" российской модернизации, в том числе и советского периода. Произошло отделение производства от семьи, разделение домашних хозяйств по городскому и сельскому типам, по социально-классовому критерию (что менее заметно, так как в буржуазную эпоху, которой мы, по ряду признаков, несомненно, достигли, домашние хозяйства, как и типы семьи, “выравниваются” в направлении господствующей формы). Но вернемся к нашему непосредственному предмету.

По мере роста реальных доходов, более интенсивного включения домашних хозяйств в рыночные отношения (а значит, и становления их как субъектов микро- и макроэкономики) значение этого института в качестве "экономики самообеспечения" постепенно утрачивалось. Это происходило не так быстро: так называемый буржуазный тип поведения в семье и домашнем хозяйстве среди массовых представителей общества, в частности рабочих, сформировался к началу XX века. Этот процесс не носил к тому же линейного характера. На примере этого процесса можно проследить взаимосвязь функциональных экономических субъектов буржуазного социума с социально-экономическими, которые формируются не одновременно и с разной степенью интенсивности. Так, на первых порах своей истории *свободный* наемный рабочий, как отмечает Р. Зидер, “хотя и был волен продавать свою рабочую силу, но оставался связан старыми цепями домашнего жизнеобеспечения”[2]. Как нам представляется, *буржуа,* как социально-классовый индивид, не менее крепкими цепями был связан с домашним хозяйством, только в другом смысле. В семьях буржуа также произошло отделение семейной жизни от производства, сформировались отдельные сферы труда мужчин и женщин, имела место разная социализация мальчиков и девочек[3]. Однако при этом “господство мужа усилилось” (патриархальный тип отношений), а роль женщины в семье и домашнем хозяйстве как “соратницы в труде” и его руководительницы была утрачена. Здесь мы наблюдаем

[1] Р. Зидер пишет, что “... семья восполняла то, чего предприниматели лишили наемных рабочих - средств, достаточных для ее воспроизводства”. Там же. - С. 288.

[2] Там же. - С. 289.

[3] Там же - С. - 286.

своеобразное, конкретно-историческое соотношение двух типов экономических субъектов: *индивидов и социальных групп и классов*, с одной стороны, и *домашних хозяйств*, - с другой. Они связаны здесь не только в том смысле, что индивид - представитель и социальной группы и домашнего хозяйства. Но также и в том, что они оказываются "сращенными" в определенное историческое время, причем таким образом, что взаимодополняют, взаимокомпенсируют друг друга, оставаясь, вернее становясь при этом самостоятельными: домохозяйство выполняет здесь функцию взаимопомощи и самообеспечения, принадлежность к социльному классу обеспечивает постоянный денежный доход, получаемый в результате продажи рабочей силы. Чем полнее выполняется функция социально-классовой принадлежности (продажи рабочей силы, но воспроизведенной, в том числе, в рамках семьи и домохозяйства), тем меньше значимость последнего как источника выживания. Создаются предпосылки для становления его других функций: потребления, сбережений, частных инвестиций.

Все-таки выполнение домашним хозяйством функции "экономики выживания" еще не делает его экономическим субъектом. Оно остается еще только субъектом хозяйствования, основная цель которого - удовлетворение потребностей путем производства необходимых для этого благ. И, главное - не в том, что в данном случае оно слабо связано с рынком, а в том, что рынок, цены и другие рыночные инструменты еще не выполняют здесь "большую часть функций (если не все!), которыми в социологических теориях наделяется "структура" (или субъектоподобная структура - С.Б.)[1]. Пока не работает еще механизм "вмененных цен" "нерыночного сектора", "альтернативных издержек" использования "редких ресурсов", то есть, пока хозяйствующий субъект не максимизирует поведение пока он не стремится к максимизации функции полезности, до тех пор еще нет экономического субъекта. Однако исторически для его появления недостаточно наличия рынка как сферы обмена. Для того, чтобы заработали те условия становления экономического субъекта о которых только что было сказано, необходимо превращение рыночных (товарных и денежных и вообще стоимостно-полезностных) отношений во всеобщую форму, а это возможно только при капиталистической форме общественного производства. Это означает, что *экономический субъект,* как достаточно массовое явление, впервые появляется на исторической арене в виде капиталистического предпринимателя, свободного крестьянина, ("беглого крепостного"(!) - Маркс), а не торговца или цехового ремесленника.

Что же до предмета нашего исследования - домашнего хозяйства, то оно, как отмечалось прежде, еще долго сохраняет личную зависимость в своих стенах и само служит "экономикой (здесь в переносном смысле) взаимоподержки" или выживания. Экономическим же субъектом оно становится тогда, когда отношения пполезности и обезличивания распространяются на внутрисемейные, внутридомашние связи. Когда "стабильность предпочтений (и максимизирующее поведение - С.Б.) предполагается по отношению не к рыночным товарам и

[1] См.: Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение //THESIS. - 1993. - Т.1. - Вып. 1. - С. 26-27.

услугам вроде апельсинов, автомобилей или медицинского обслуживания, а к основополагающим объектам выбора, которые производит каждое домохозяйство, используя для этого рыночные товары и услуги, собственное время и прочие ресурсы", то есть, когда объектом полезности становятся, а выявление предпочтений определяется отношением людей "к фундаментальным аспектам их жизни, таким, как здоровье, престиж, чувственные наслаждения, доброжелательность или зависть..." [1].

Таким образом, *домохозяйство* становится полноценным *экономическим субъектом* только при выполнении двух условий. Во-первых, когда оно выступает на рынке, а значит и в экономике, как самостоятельный, с обособившимся хозяйственным оборотом ресурсов, участник сделок (в лице семейного коллектива или индивида - не имеет значения, главное здесь то, что домохозяйство как институт, заменило в хозяйственной деятельности и то и другое). Во-вторых, когда внутри него формируются отношения возмездности, полезности, выражающиеся в денежных или вмененных ценах и альтернативных издержках, на которые ориентируются члены домашнего хозяйства во внутрисемейных отношениях.

Не забудем, что рынок уже теперь продукт капитала. Отсюда, домохозяйство, даже перестав быть производящим материальные блага субъектом, вовлекается в орбиту капитала и его воспроизводство. В каком качестве используется домохозяйство капиталом?

Рост производительности труда, обеспечиваемый капиталом, соответствующей ему организацией производства, труда и управления ведет к тому, что возрастает "экономическое значение наемных работников как потребителей"[2] (напомним, что на стадии машинного производства произошло реальное подчинение труда капиталу). Здесь заслуга капитала в создании массового производства и, следовательно, доступности производимых благ для массы работников, хотя "заслуга" эта и обусловлена потребностями самого капитала в самовозрастании. Можно говорить о доступности именно потребления как целевой функции домохозяйств, в то время как до капитализма основной их хозяйственной функцией было все-таки выживание.

Именно на стадии зрелого индустриализма происходит отделение *семьи от домашнего хозяйства*, что выражается в ее превращении в "автономную" для человека "сферу" личных, эмоциональных, духовных отношений. При этом на базе семьи сформировалось современное домашнее хозяйство, как самостоятельный по отношению к ней экономический институт. Там, где был один институт, то есть в сфере частной жизни индивида, там теперь два института: семья и домашнее хозяйство. Хотя в экономической литературе, в частности, эти два *субъекта-института* почти не разграничиваются. Это находит выражение, в частности в том, как трактуется домашнее хозяйство в неоинституциональной экономической теории.

Здесь к домашнему хозяйству (по аналогии с фирмой) подходят и как, к

[1] См.: Там же. - С. 27.
[2] См.: Там же. - С. 291.

контракту между владельцами взамноспецифических ресурсов (членами семьи), и как, к организации, которая предполагает властные отношения и иерархию внутри себя. Такая двойственная характеристика *одного*, по сути (хотя и предполагается заранее, что семья и домашнее хозяйство должны быть разграничены[1]), *экономического института* говорит о том, что здесь как раз и не разграничиваются семья и домашнее хозяйство (как два разных института). Ведь контрактные отношения в рыночно-капиталистической экономике (и в неоклассической парадигме) предполагают равенство сторон, тогда, как в организации, согласно неоинституциональной теории, - участники ее не равны, а отношения иерархизованы[2]. Таким образом, здесь есть противоречие между неоклассическими предпосылками и неоинституциональными "результатами". Кроме этого, следует помнить, что само домохозяйство в этой концепции рассматривается как самостоятельный владелец определенного и специфического ресурса (в зависимости от рынка, на котором оно выступает в конкретном случае: рабочей силы, капитала и др.) и сторона контракта, что не исключает и внутридомашне-хозяйственных контрактных отношений.

К тому же, контрактная трактовка домашнего хозяйства предполагает наличие "главной" стороны в контракте, которая владеет наиболее специфическим ресурсом, то есть, наиболее производительным, и является, соответственно, владельцем "фирмы" - домашнего хозяйства. В таком случае мы возвращаемся к патриархальным отношениям (независимо от того, кто этот "глава"), но уже не как к "культурному образцу", а как *экономическому* феномену, что впрочем, также противоречит неоклассической парадигме, наследуемой неоинституциональной теорией.

Домашнее хозяйство, с одной стороны, выступает самостоятельным экономическим (выше мы попытались это показать) субъектом, который является *институциональным* по происхождению и *функциональным* по содержанию. С другой, - его основная функция в большинстве теоретических конструкций сводится к воспроизводству рабочей силы или "человеческого капитала", что, конечно же, не исчерпывает всех функций его как экономического субъекта.

Здесь еще одна проблема: в рамках домашнего хозяйства воспроизводится человеческий капитал только в "части" *рабочей силы, а не самой личности работника*. Домашнее хозяйство несет затраты денежного характера на образование, воспитание, удовлетворение материальных потребностей (в то время, как сам процесс получения навыков профессиональных, в частности уже давно "ушел" не только из семьи, но и из домашнего хозяйства). Семья же, как раз, выполняя функцию социализации и воспитания, и обеспечивает индивиду защиту, "предсказуемость среды", атмосферу доверия[3]. В современном понима-

---

[1] См.: Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. - М.: ИНФРА, 2000. - С. 375.

[2] В то время как участники отношений внутри организации должны быть *субординированы*, поскольку предпосылки для неравенства в ней не носят трансцендентного, сверхсубъектного характера, а являются результатом разделения труда внутри самой этой структуры, а такое неравенство преодолимо.

[3] Д. Норт называет такие отношения рутинами-институтами. См.: Д.Норт Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; пре-

нии рабочей силы (как человеческого капитала) речь идет о воспроизводстве некоторых свойств самого носителя рабочей силы - чертах его *личности,* которые и включаются в человеческий капитал. Эти черты человеческой личности и ее отношения с другими индивидами (а также и с Природой, и с Мирозданием) и становятся теперь объектом экономического выбора, измерения на основе альтернативных издержек (то, что подчеркивает Г. Беккер, говоря об экономическом подходе как универсальном). В этом случае, семья превращается в домашнее хозяйство, а последнее, - в экономического субъекта. Хотя начинался процесс по - другому: производство отделилось от семьи, чтобы разделить бытие индивида на частную и общественную сферы, создать условия для автономного существования индивидуальности, его самоопределения. И вот теперь эта сфера частной жизни подвергается не только институализации, но институализации экономического, а значит стоимостно-полезностного характера (ибо только обезличенно-стоимостное можно подвергать измерению, в том числе, на основе вмененных издержек). Семья и домашнее хозяйство - два разных института, но как экономические субъекты они стали совпадать.

Понимание институтов как рутин, а также рассмотрение их в качестве норм вообще [1] (или - институты как умения, если речь идет об индивидах, а в отношении фирм действуют рутины), регулирующих сотрудничество, кооперацию, взаимодействие людей, - ”ближе” к историческому подходу, провозглашаемому неоинституциональной экономической теорией, нежели контрактная трактовка институтов.

Но, с другой стороны, такой подход означает перевод проблемы в индивидуально-психологическую область, так как здесь авторы апеллируют к категориям и понятиям "защищенность", "комфортность", когда речь идет о домашнем хозяйстве; или "подконтрольность", "предсказуемость", то есть снятие неопределенности, когда мы говорим о фирме. За этими понятиями как-то исчезает diffrentia specifica исследуемого предмета, вернее в нашем случае, субъекта, а значит, - и сама проблема. Где экономически активный, рационально действующий[2], самостоятельно осуществляющий выбор, (последний, кстати, только и возможен в условиях неопределенности в отношении его результатов) субъект?

Не следует забывать, что *психологическое* в человеческой деятельности и в самой личности - это не всегда проговариваемое, или артикулируемое. Несмотря на то, что “экономический подход не требует, чтобы отдельные агенты непременно осознавали свое стремление к максимизации, или чтобы они были в состоянии вербализовать, либо как-то иначе внятно объяснить причины устойчивых стереотипов в своем поведении”, - как отмечает Г. Беккер[3], все- таки

дисл.науч.ред. Б.З. Мильнера. - М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. - С.17-26. Так же: Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней ДЖ. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. - М.: Дело, 2002. - Гл.4-5.

[1] См.: Там же.

[2] Как целерациональный - в понимании М. Вебера. См.: Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. - С.509 -510.

[3] См.: Беккер Г. Указ. Соч. - С. 29. Также: М. Фридмен. Методология позитивной экономической науки //THESIS. - 1994. - Т.II. - Вып. 4.

предпосылка неоклассики о свободном выборе индивида *не согласуется* с собственно психологическими мотивами экономического поведения индивида. Это, - во-первых. Во-вторых, само экономическое поведение предстает здесь как “устойчивые стереотипы”. Значит, психологическое не может рассматриваться в качестве основания для описания нашего субъекта. Что касается норм, традиций, умений и рутин, то допустим, что они выполняют роль *базовых регуляторов* деятельности человека (взаимодействий, сотрудничества, кооперации), в том числе, и в экономике. Какая роль отводится в данном случае таким *движущим мотивам*, как *потребности и интересы,* которые принадлежат самим индивидам (в отличие от институтов - внешних для них регуляторов) и которые “работают”, согласно тому же Г. Беккеру, не только в экономике, но и во “всяком” человеческом поведении? Последнее действительно в той мере, в которой мы ведем речь о человеке буржуазного социума.

Неоинституциональная экономическая теория, провозглашая исторический характер институтов, все-таки к своему предмету подходит не исторически (или они "историческое" понимают в эмпирически-конкретном смысле). Так, пытаясь выделить исторические типы домашних хозяйств: рыночного типа, в командной экономике, домашнее хозяйство переходного типа[1] (равно как и типы фирм), авторы не учитывают, что они скорее однотипны, так как отражают если не стадии (или формы) буржуазного социума, то этапы индустриального способа производства [2].

Эти, приведенные А.Н. Олейником, скорее виды, чем типы домашних хозяйств[3], сравниваются на основе таких параметров, как целевая функция, ресурсы, жесткость бюджетного ограничения, сбережения, оптимальный размер домохозяйства (в том числе с точки зрения количества детей - вновь исчезает граница между домохозяйством и семьей). Эти параметры, будучи достаточно абстрактными, чтобы приписать их какой-то *определенной* общественной форме хозяйствования, все-таки содержат в себе эту *определенность*, хотя и потенциальную, что видно из попытки автора раскрыть эти черты по отношению к каждому “идеальному типу”. При этом используются явно рыночно-буржуазные категории (как выражающие мировоззренческую специфику данного социума), - такие, как "максимизация полезности", "портфель ресурсов", "специфичность ресурсов" и т.д., не говоря уже о заработной плате, бюджетном ограничении, сбережениях.

Эволюция домашних хозяйств, даже прослеженная только в пределах прединдустриального и индустриального (пока без постиндустриального) производства, показывает логику и историю процесса разделения - отделения, вытеснения - замещения экономических субъектов. В этом процессе происходит передача их функций от индивида - рынку, фирме или домашнему хозяйству, а от них - государству и другим институциональным структурам, а некоторые

---

[1] См.: Олейник А.Н. Указ. Соч. - С. 380-386.

[2] Здесь, кроме указанной работы Зидера см. также: От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. - М.: ”Российская всеобщая энциклопедия” (РОССПЭН), 1998. - С. 55-57, 202-207.

[3] См.: Олейник А.Н. Указ. Соч. - С. 385.

вновь передаются индивидам. Хотя последним скорее возвращаются функции производственной единицы, когда компьютеризация позволяет “брать” работу “на дом”[1], во-первых, а , - во-вторых, здесь индивид остается еще *представителем домашнего хозяйства*, а не самостоятельным экономическим субъектом.

3.3 Государство в системе экономических субъектов: к постановке вопроса

Государство в экономической теории исследуется, как правило, с позиции его исторически первоначального политического и правого статуса, или с позиции субъекта власти, стороннего для экономики. В таком качестве оно, на тех или иных условиях и в тех или иных формах участвует в хозяйственной жизни общества. Отсюда мы находим преобладание таких определений и форм как "государственное вмешательство в экономику", "государственное регулирование", "функции и роль государства в экономике" и др. Здесь заведомо предполагается, что государство находится в отношениях иерархии с другими действующими в экономике лицами (а иерархия предполагает отношения господства и подчинения). Причем место государства определяется на вершине этой иерархии, хотя в явном виде это не всегда признается.

Теоретические представления о государстве как экономическом субъекте и его практическая роль в процессе становления и развития рыночно-капиталистической системы хозяйства хотя и подвергались эволюции, но в тоже время содержали и содержат в себе элементы средневекового мировоззрения и взглядов эпохи меркантилизма. Именно для средневековья было характерно усиление роли государства по отношению к обществу и их дистанцирование друг от друга.[2]

В эпоху меркантилизма начинается разделение сфер государства и экономики, которая завершается окончательным их разделом в 19 веке, когда, по словам В. Ойкена, “либеральное государство” было заменено “экономическим государством”, “поскольку политически влиятельному либерализму удалось расширить свободную частную сферу индивида” настолько, что теперь он или группа индивидов (достаточно могущественных) могли требовать “государственных интервенций”.[3].

Экономическое государство образуется, согласно В. Ойкену, путем сращивания государства и хозяйства. При этом происходит, в рамках переплетения государства и общества, политизация хозяйства. Здесь обнаруживается сле-

---

[1] См. теорию “электронного коттеджа” и ее анализ: Тоффлер Э. Третья волна. - М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999. - С.320-340; а также об индивидуализации труда в информационной экономике: М.Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер.с англ. под науч.ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - С. 255.

[2] Здесь само государство построено по логике субординации (воспринимаемой членами общества как иерархия), с многочисленными ступенями вассальной зависимости, с монархом на вершине. См.: П. Бицили. Элементы средневековой культуры. – Одесса, 1919. – С. 87.

[3] См.: В. Ойкен. Структурные изменения государства и кризис капитализма. // Теория хозяйственного порядка: “Фрайбурская школа” и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составл., предисл. и общ. ред. В. Гутника. - М.: ЗАО “Изд-во “Экономика”, 2002. – С. 11-12

дующее парадоксальное явление: "соотношение государства и экономики постепенно переворачивалось и экономика начала брать на себя руководство процессом взаимного переплетения"[1]. Парадокс, увиденный В.Ойкеном, свидетельствует о наличии действительного противоречия в положении государства в рыночной капиталистической экономике. Оно, с одной стороны, как субъект власти (политической, административной) находится на вершине иерархии экономических субъектов *по определению*, с другой – оно постепенно "подминается" отдельными из этих экономических субъектов и ставится ими себе на службу. Согласно теории социального рыночного хозяйства, представителем которой является В. Ойкен, инициатива относительно усиления вмешательства государства в экономику во второй половине 19 века исходила от отдельных хозяйственных групп, предпринимателей, работников, которые желали усилить свои позиции в рамках капиталистической экономики. К этим хозяйственным группам относились не только крупные предприятия, но и мелкие торговцы, ремесленники, сельские хозяева и другие. Таким образом, экономические субъекты разных сфер хозяйственной деятельности и разных ее уровней сами выступали инициаторами усиления позиций государства в экономике. Однако то, что было замечено теорией социального рыночного хозяйства не было ею объяснено. Однозначно было сформулировано лишь то, что государство подорвало рыночный механизм хозяйствования. Оно ослабило регулирующие возможности рыночного ценообразования и свободной конкуренции[2]. Как видим, эта точка зрения на роль государства в экономике, причины его вмешательства в хозяйственную деятельность и последствия такого вмешательства, отличается от позиции неоклассиков, кейнсианцев и марксистов, которые в той или иной степени сходятся во мнении, что государство выполняет функции, которые в принципе не способен выполнять рынок, а так же восполняет те, которые рынок выполнял раньше.

Среди классических функций государства в экономике обычно называют законодательную, стимулирующую, регулятивную и функцию государственного предпринимательства. Определить эти функции в качестве функций государства как экономического субъекта, пожалуй, нельзя. Это, скорее, функции государства в экономике, а не функции *государства как экономического субъекта*. Прежде чем говорить об этих функциях, необходимо определиться с социально-экономическим статусом государства в хозяйственной системе и в структуре ее субъектов.

Социально-экономическая определенность государства обусловлена его генезисом и природой как феномена, встроенного в исторически определенную

[1] Там же.

[2] Действительно, создается видимость, что вмешательство государства в экономику нарушает принцип Парето-эффективности, так как в результате социальной политики якобы утрачивается связь между вознаграждением и вкладом того или иного производительного фактора. По существу же эта связь нарушается, прежде всего, самим рынком, ибо он делает одни факторы более, а другие – менее производительными, так как именно в системе рыночных отношений ресурсы приобретают *социально-экономическую определенность* - специфических, качественных или массовых ресурсов.

форму общественного производства [1]. В этом случае *функции государства* и могут быть рассмотрены как *функции соответствующего экономического субъекта*. Они будут обоснованы, субординированы в соответствии с целями и задачами общества, представителем которого государство должно быть, или в соответствии с целями и интересами отдельных классов или социальных групп, представителем которых, как правило, выступает государство. Такой подход позволит уйти от необходимости говорить о функциях "государства вообще" в “экономике вообще”.

Государство в рассматриваемой системе отношений выступает как *субъект регулирования* и как *субъект хозяйствования*. Между этими двумя ипостасями государства имеет место противоречие. Оно заключается в том, что для того, чтобы выступать в качестве субъекта регулирования, государству надо быть в отношениях с другими субъектами, если не иерархически, то субординационно организованных. С другой стороны, для того чтобы быть экономическим субъектом (функциональным, так как государство по происхождению - институт), надо быть “рядоположенным” другим субъектам, - фирмам и домохозяйствам, вступать в отношения равенства как безразличия, т.е. в рыночно-стоимостные отношения и отношения полезности. Таким образом, получается, что две названные ипостаси государства противоречат друг другу. Для того, чтобы быть субъектом экономического регулирования, государству необходимо обладать монопольной властью над ресурсами или держать в руках механизм их распределения, что наблюдается в практике стран с рыночной экономикой, когда усиление регулирующей роли государства сопряжено с увеличением государственной собственности и образованием государственного сектора в экономике.[2] В свою очередь, государственная собственность является основой и предпосылкой государственного хозяйствования со всеми функциями хозяйствующего субъекта, включая принятие риска и ответственности за результаты хозяйственной деятельности.

Государственный сектор представляет собой сферу экономической деятельности индивидов, где основным экономическим субъектом со всеми его атрибутами является государство и его представители. Только после этого можно рассматривать государственный сектор как совокупность отраслей, производств и сфер деятельности, обеспечивающих производство и поставку общественных благ. Для того, чтобы стать экономическим субъектом, государству необходимо, как уже отмечалось, сосредоточить ресурсы (государственную собственность) в своих руках, что возможно благодаря функции государственного регулирования, вернее, функциям государства как субъекта регулирования. Именно так разрешается *противоречие между государством как субъектом регулирования и государством как экономическим субъектом*. При этом, однако, обнаруживается следующая проблема: насколько правомерно говорить

[1] См. о происхождении и характере государства как капиталистического: К. Маркс. К критике политической экономии. Предисловие //Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т.13.

[2] См. анализ проблемы: Пороховский А.А. Вектор экономического развития. - М.: ТЕИС, 2002. - 304 с.; В. Бирюков, Е. Кузнецова. Госсобственность и госсектор в рыночной экономике //Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - №12. - С. 57-64

об *экономической деятельности* государства или вообще о деятельности государства, поскольку исходным и основным *субъектом деятельности*, в том числе и экономической, является *общественный индивид*. Здесь, как и в случае с фирмами и домохозяйствами, мы имеем отчуждение индивида от целеполагания, выбора средств, самоконтроля и закрепление этих фрагментов деятельности за государством, исторически первоначально выступающим как политический институт, а затем, по мере становления и развития капитализма, становящимся *экономическим институтом*. Здесь также происходит замещение индивида в его субъектной определенности и функциях государством как институтом, т.е. происходит процесс институализации. Но в данном случае связь этого институционального субъекта с индивидом, как исходным субъектом более опосредованная: здесь больше посредствующих звеньев и они носят другой характер. Если фирма и домохозяйство являются институтами, замещающими индивида в его частной жизни, как одной из сторон его "родового противоречия" (фирма замещает индивида в его предпринимательской деятельности и экономической активности, а домохозяйство замещает индивида как частное лицо в буквальном смысле), то государство олицетворяет общественную жизнь индивида, его социальные связи, способность к саморегулированию, самоконтролю.

Поскольку государство само многообразно персонифицировано (т.е. представлено разными лицами, выступающими как функция от него) и имеет сложную организационную структуру, то количество посредующих звеньев в цепочке "индивид – государство" значительно возрастает. В результате, эта связь, с точки зрения очевидности, совсем исчезает. Но это не означает, что она отсутствует в действительности. Ее можно проследить не только логически, путем восхождения к природе государства как специфически историческому, в данном случае, экономическому субъекту. Она наблюдается в практике стран, где развито так называемое гражданское общество, в рамках которого происходит возвращение индивиду его функций целеполагания, выбора средств и самоконтроля, присвоение которых возможно теперь посредством ассоциации индивидов, что и делает связь индивида с государством более явной.

Становление государства как экономического субъекта и усиление его регулирующей функции (перераспределение доходов, ресурсов, стимулирующая функция и т.д.) имеет своей противоположной стороной ослабление рыночных механизмов свободной конкуренции и стоимостных отношений. Однако это не есть следствие деятельности государства как экономического субъекта и субъекта регулирования[1]. Определенную роль в этом играют и фирмы, которые подрывают функционирование рыночного механизма, т.е. один институт – фирма, вытесняет другой институт - рынок.

[1] Так, Дж.М. Кейнс расширение функций правительства рассматривал "как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы" //Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег //Антология экономической классики. Т.2. - М.: "ЭКОНОВ", "Ключ", 1993. – С. 430

Функции государства как экономического субъекта и субъекта регулирования реализуются в экономической политике. Между хозяйственной деятельностью людей, на которую экономическая политика призвана оказывать воздействие, и самими мероприятиями государства в этой области находится ряд посредствующих звеньев. Эти посредствующие звенья трансформируют связи и импульсы, исходящие от государства как субъекта экономической политики. Подвергаются также трансформации "сигналы обратной связи", которые пытаются уловить те, кто облекает экономическую политику в соответствующие этим сигналам инструменты воздействия на поведение участников хозяйственных процессов. К таким посредствующим звеньям можно отнести не только экономическую теорию, господствующую в обществе, но и экономическое сознание участников хозяйственной деятельности, которое можно квалифицировать как житейское или обыденное. Собственная рефлексия экономических субъектов по поводу их участия в хозяйственной жизни и отношение, реакции на мероприятия экономической политики могут быть (как правило) неадекватными действительному положению вещей в экономике, с одной стороны, и инструментам государственной политики, - с другой[1]. Одной из причин такой неадекватности является специфика житейского сознания или так называемого здравого смысла. Его носителями являемся все мы, будучи обыкновенными людьми. Угол зрения, под которым мы, как обыватели, смотрим на мир, в том числе хозяйственный, определяется частным интересом каждого из нас. Хозяйственные процессы окрашиваются, как правило, в утилитарные тона, что характерно, в первую очередь для обществ с развитыми рыночными отношениями, а также - для нашего, в той мере, в которой мы неоднократно пытались построить их у себя. В противовес житейскому экономическому сознанию, научное или теоретическое сознание содержательно наполняется по-другому, да и его носителями являются представители определенных социально-профессиональных групп - экономисты - ученые и практики. Масштаб их видения хозяйственных процессов определяется уже не собственным интересом, а логикой предмета, то есть закономерностями самих хозяйственных явлений, которые научное экономическое сознание призвано "схватить". Воззрения ученых экономистов, в сравнении с воззрениями других участников хозяйственной деятельности, претендуют на всеобщность и универсальность (конечно, если обывательская точка зрения ученого, как обыкновенного человека, не возобладает). Но полагаться при этом на адекватность научного представления о реальных экономических процессах в полной мере тоже нет оснований. Ведь возможна разная степень зрелости научной теории, а также разная степень зрелости самой экономической системы, которую можно увидеть в категориях, начиная только с определенного этапа ее исторического развития. Это, - во-первых. А во-вторых, иногда за научную теорию выдаются теоретические построения, содержанием которых является рационализация мыслительных форм повседневного сознания.

[1] См. анализ и критику теории рациональных ожиданий и репрезентативного индивида: Стиглиц Д. Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство // Мировая экономика и международные отношения. - 1997. - № 6. - С. 62-64

Следующим посредствующим звеном между хозяйственной деятельностью и экономической политикой является экономическая идеология, как способ теоретического осмысления хозяйственных процессов, но только с позиций какого-либо частного, обособленного экономического интереса: социальной группы, класса или народа, нации по отношению к другим общностям. *Экономическая идеология* питается из двух источников: господствующей экономической теории и обыденного сознания хозяйствующих субъектов. Вот именно она - то и кладется в основу экономической политики государства. Видимо, иллюзия научности или научной основы экономической политики в обществе с социально неоднородной структурой покоится на мифах о всесилии науки и ее беспристрастности (в первую очередь, естествознания), фетишизация которой распространяется и на общественные науки, особенно, в последнее время - экономическую теорию, социологию, историю[1]. Так вот, если и есть у экономической политики теоретическое основание, то оно выступает в идеологической форме, ибо вынужденно воспроизводит (в обществе с развитым разделением деятельности и труда) интересы *определенных* социальных групп, слоев и других социально-экономических общностей.

Импульсы, возникающие в сфере хозяйственной деятельности в виде потребностей, интересов, мотивов и ожиданий ее субъектов, преломляясь в сфере обыденной рефлексии или экономической идеологии, достигают *субъекта экономической политики* в трансформированном и искаженном виде. Да и сам субъект экономической политики, будучи функцией соответствующих институтов (Правительства, Центрального банка), с одной стороны, и ангажированным какой-либо, наиболее близкой к власти или держащей власть в обществе, социальной группой, не смог бы, даже если очень захотел, адекватно ответить на эти импульсы. Примером здесь может послужить денежно-кредитная политика[2].

В практике тех или иных моделей денежно-кредитной политики находит отражение понимание кредитной природы современных денег как денег, фабрикуемых для собственных нужд (самовозрастания) самим капиталом в процессе кредитных сделок. Кредитная эмиссия денег на основе банковской формы капитала и, частично, и фиктивной его формы и подвергается регулированию со стороны монетарных властей. Этот факт можно было бы считать обоснованным, если бы кредит выступал сам по себе, как всего лишь возвратное, срочное и платное движение стоимости. На самом деле кредит, как и деньги возникаю-

[1] Здесь оставим в стороне механизмы политической демократии, которые также способствуют живучести представлений о всесилии таких институтов как наука, политика, право в решении вопросов эффективного хозяйствования.

[2] В качестве иллюстрации к вышесказанному можно привести ситуацию в мировой валютной системе, сложившуюся в 60-70-е годы 20 столетия, когда американская экономика и состояние ее платежного баланса стало внушать опасения ее экономическим партнерам на предмет устойчивости золото-долларового стандарта. Эта ситуация показывает, какая борьба экономических интересов развернулась при этом и что ни какие теоретические аргументы уже не срабатывали. Примером результативности экономической политики, основой которой были неоклассические рекомендации, в США и Великобритании 80-х годов, служат факты глубокой рецессии и не снижающейся безработицы, явившееся побочными продуктами монетаристских рекомендаций. Подробнее об этом: Г. Ван дер Вее. История мировой экономики. 1945-1990 (пер. с фр.). - М.: Наука, 1994. - С. 277-312.

щие на его основе – лишь звенья в бесконечном процессе *представлений и замещений* отношений, вещей, индивидов и институтов в экономической системе, называемой рыночной экономикой или капитализмом. Можно сказать, что такое понимание денег, основанное на очевидности, далеко от подлинности в той мере, в которой мы не представляем себе всю цепочку представлений и замещений, не воспроизводим ее логически.

Деньги не становятся идеальными в процессе эволюции, а с самого начала, то есть,. с момента своего происхождения являются таковыми, однако обнаруживается эта их знаковая природа только в ходе их эволюции. Этот процесс был исследован Марксом как процесс обособления и окончательного отделения функционального бытия денег от их материального (здесь: в смысле вещно-предметного) бытия. Знаковость, идеальность денег означает, что как тот материальный предмет (в начале драгоценные металлы), так и отношения, вещно-вещественными носителями которых этот предмет является, в данной системе хозяйственной деятельности имеют значение не столько сами по себе, сколько выступают лишь представителями других вещей и отношений, имеющих здесь место.

Известно, что деньги в процессе эволюции прошли ряд этапов, благодаря которым мы различаем разные формы денег: деньги и денежные знаки, безналичные деньги в виде записей по счетам, виртуальные деньги в виде электронных сигналов. Но при этом, как правило, не берется во внимание то, что сами деньги всего лишь – знак стоимости (печать стоимости на всех экономических отношениях и вещах). В то же время сама стоимость – лишь знак, символ (вполне объективно возникающий и существующий) других отношений, другого среза экономической реальности, где вещи – это знаки, символы и заместители индивидов в их отношениях друг с другом, а сами индивиды – лишь *представители* вещей и *функции* отношений и институтов.

Таким образом, эффективность государства как субъекта регулирования ослабляется, поскольку его регулирующее воздействие направлено не на реальные отношения, а на их символы. В качестве же *функционального экономического субъекта*, участвуя, наряду с фирмами и домохозяйствами, в кругообороте доходов, ресурсов, товаров, государство выступает более эффективно.

Часть II Субъекты трансформационной экономики

Глава 4 Генезис глобальной неоэкономики и обусловленная им эволюция экономических субъектов

4.1 Глобализация как преобразование структуры экономических субъектов буржуазного социума

Эпоха, переживаемая ныне Россией и другими постсоциалистическими странами, является переходной в двояком смысле. Во-первых, здесь происходит преобразование системы одного типа, содержательное определение которой еще предстоит сделать экономической науке, в экономическую систему другого типа, контуры которой обозначаются как капиталистические, но со специфическим социально-экономическим содержанием. Во-вторых, сама рыночно-капиталистическая система (в странах ее первых эшелонов) находится в состоянии трансформации, в ней наглядно обнаруживаются предпосылки и проблемы, характерные для другого, нового типа или модели экономического, социального развития, которая предполагает иные, чем до сих пор, условия, результаты и цели человеческой производственной деятельности.

Так получилось, что очередная “смена вех” и трансформация в социально-экономической системе российского социума исторически совпала с трансформационными процессами в системе развитого капитализма. Возникла проблема теоретического объяснения каждого из этих типов трансформаций[1]. Возможно, что выяснение природы каждого из них покажет, в свое время, что не такие уж они и разнотипные. Ведь проблемы как трудности, испытываемые различными социально- хозяйственными системами в современном мире не так различны, как может показаться на первый взгляд. Для всех экономик актуальны вопросы ресурсо-ограниченности, неравномерности распределения богатства, исчерпания источников и факторов производительности и эффективности, обострение проблемы социальных гарантий или невозможность вообще их обеспечить, встающие особенно выпукло на фоне растущей интернационализации хозяйственной жизни большинства стран и регионов мира.

Всемирная (и всемерная) сопряженность хозяйственных и других социокультурных национальных процессов, получившая название глобализации, ста-

[1] См. по проблеме двух типов трансформации, а также их сопряженности: Коукер К. Сумерки Запада. / Пер. с англ. - М.: Московская школа политических исследований, 2000; Критический марксизм: продолжение дискуссий /Под ред. Бузгалина А.В. и Колганова А.И. - М., 2001; Теория социально-экономических трансформаций. Альманах. Выпуск 1. На пути к глобальному постиндустриальному обществу: шансы России / Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: Слово, 2001; Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. - М.: Изд-во МГУ, 1999; Пороховский А.А. Вектор экономического развития. - М.: ТЕИС, 2002; Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. - М.: ИНВРА-М, 1999. Экономика XXI века как переходная. Очерки теории и методологии / Под ред. Бузгалина А.В. - М.: Слово, 2002, а также работы др. авторов, о которых речь пойдет далее.

новится решающим фактором человеческого существования[1]. В самой же глобализации (пока остановимся на этом понятии) нашли отражение противоречия различных уровней и сторон человеческой деятельности, внутренне иерархизованной. Конечно же, не непосредственно, а опосредованно, через различные типы социальных структур, которые, наряду с индивидами, или вопреки им, или вместо них, олицетворяют эти самые уровни и стороны, пласты и планы (ракурсы) человеческой деятельности теперь уже в планетарном масштабе.

Во многом глобализация, независимо от того, как она трактуется, носит исторический характер, так как является продуктом исторической деятельности человека. В наблюдаемых нами общемировых процессах и тенденциях находят выражение те же самые принципы устройства человеческого бытия, которые имели место еще в архаическом, античном и средневековом социумах

Разделение Мироздания на трансцендентный и мирской порядки, центр и периферию, сакральный и профанный миры, верх и низ, град Небесный и град Земной[2]., - сохраняет свое значение в Новое и Новейшее время, но в преобразованном виде. Произошли стирание границ между мирами, десакрализация, "обмирщение" трансцендентного порядка и одновременное перенесение его свойств в мир повседневности. И, наоборот, сакрализации подверглись многие явления и процессы повседневного существования людей, особенно в сфере хозяйствования и политики[3].

Произошедшие изменения в мировоззрении человека (в частности, под влиянием рационализации мышления, сознания и деятельности индивидов) привели к тому, что теперь уже в реальной, повседневной жизни социума сформировались *пространственно-региональные* и *социально-структурные Центр* и. *Периферия*

"Верх" и "низ" в человеческом бытии еще в прежние эпохи вполне официально воплощались в социально-хозяйственно-политической структуре социумов. Это обнаруживалось в противоположности верхов и низов, элиты и

---

[1] См. в частности по проблеме глобальных трансформационных процессов: Иванов Н. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // Мировая экономика и международные отношения. - 2000. - № 2, 3; Неклесса А. “Пакс Экономикана”: новое геоэкономическое мироустройство // Экономические стратегии. - 1999. - №1; Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. - 2000. - № 1. - С. 3-32.

[2] См.: Исаев И.А. Метафизика Власти и Закона. У истоков политико-правового сознания. - М.: Юристъ, 1998; Хамидов А. А. Категории и культура ... .С. 59-76, 91-98, 121-127; Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. - С. 263-273; Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. - М., 1990.

[3] Когда “иерархия оказывается устраненной, - пишет Л. Дюмон, субординационное устройство (общества) системы должно объясняться как *простой механический результат взаимодействия индивидов* (курсив мой - С.Б.). При этом роль авторитета опускается до уровня “власти”, а роль “власти” ... до уровня “влияния” и т.д.”. Как далее подчеркивает автор, все это происходит на определенной идеологической базе - индивидуализме. См.: Дюмон Л. Указ. Соч. - С.19. От себя добавим, что в качестве материальной основы такого миропонимания являются разделение деятельности и труда, которые и лежат теперь в основе “взаимодействия индивидов”.

массы, социальных групп, классов, сословий и институтов.[1] Однако в эпоху Нового времени эти процессы стали происходить более интенсивно.

В той мере, в которой современный человек является носителем мировоззрения Нового времени, т.е. пока еще буржуазного по своей сути, в его деятельности также воспроизводятся основополагающие принципы устройства Мира.Например, мы видим это в его пространственно-территориальной организации, что нашло отражение в теории "мир-экономик" Ф. Броделя и И. Валлерстайна[2]. Только теперь особенно явным становится социально-экономический характер пространственного бытия человека, в противовес природно-географическому. Мы являемся свидетелями ярко выраженной *персонификации* "мир-экономик", и их структурных элементов (центр, полу-периферия и периферия), не только *нациями и народами*, но и *социальными группами и институтами.*

В нынешнем своем виде глобализация является буржуазным феноменом. Общеизвестно, что ее истоки находятся в международном разделении труда, в мировом рынке и мировом хозяйстве. А эти явления и процессы сами суть проявление и продвижение капитализма[3] (на основе его же производительных сил) за пределы национальных хозяйств и государств. Если, скажем, мировое хозяйство можно рассматривать как продукт капиталистической экономики, то глобализация - это, скорее, продукт буржуазного социума, т.е. всей системы буржуазных отношений и, в том числе, буржуазного мировоззрения.

Глобализация, в основных своих чертах, обнаруживает сходство с ранними этапами становления капитализма. Будто бы повторяя логику становления буржуазного социума, наиболее выражено проявившуюся в структуре экономики и в структуре субъектов хозяйственной деятельности стран так называемых первого и второго капиталистических эшелонов, глобализация может быть представлена как процесс “обуржуазивания” планетарного пространства. И в пространственной схеме современной мир-экономики мы находим удивительно похожие элементы: “узкий центр”, “второстепенные, довольно развитые области” и “огромные внешние окраины”.[4] Только нынче эти социально-экономические ареалы не всегда закреплены жестко за определенными регионами мира. Границы между ними, как отмечает М. Кастельс, подвижны и из-

[1] Впрочем, возможно, и наоборот: нарождающиеся противоречия деятельности людей отражались в их представлениях о структуре и порядке мироздания. Но одно можно отметить с определенностью, что по мере исторического развития, люди, сами, может быть не всегда сознавая этого, стремились воплотить свои представления о мироустройстве в повседневном своем бытии, практически создавая соответствующие структуры и формы.

[2] См.: Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. - Т. 3. Время Мира. - М.,1992; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. - СПб.: Изд-во “Университетская книга”, 2001. Он же: Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. - 2000. - № 2. А также: Фурсов А. Мир-системный анализ и его критики. - М.: ИНИОН, 1996. Его же: Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. - М.: ИНИОН, 1998.

[3] Р. Хейлбронер отмечает, что “историческая уникальность капитализма заключается в непрерывном саморазвитии, но именно его динамизм - главный враг системы”. См.: Хейлбрунер Р. Последняя остановка капитализма // США: Экономика. Политика. Идеолгия. - 1993. - № 10. - С. 52.

[4] См.: Ф. Бродель. Указ. Соч. - С.32.

менчивы. Однако находим такую же “выколачивающую мощь” и “притягательную силу” “полюсов роста”, “перепады между экономическими зонами”, “соблазнительное предложение кредита”, “структурное неравенство”, а также прогресс и “исторический регресс” в режиме реального времени, т.е. одновременно происходящие не только на противоположных полюсах (центр-периферия), не только в “промежуточных звеньях” в “цепочке обменов между капиталами” [1], но и в самих “центрах".

Пространство глобальной экономики социально-экономически сегментировано [2] и социально дифференцировано как в центре, так и на периферии. Сами центры меняют свое местоположение (не только в физическом смысле) в зависимости от степени освоения страной, регионом, или социальной группой (как правило, достаточно узкой) новых технологий - производственных, управленческих, политических. При этом функционально сегменты (как “узлы”, так и “сети”) глобальной экономики взаимозависимы и взаимосвязаны таким образом, что функции центра и периферии - разные. Более того, разными сегментами представлены и разными (здесь - как и прежде) социальными группами и индивидами персонифицированы субстанция (накопление капитала, самовозрастание стоимости) и функция (создание и распространение новых технологий) капиталистического производства в глобальной экономике.

Глобализация в контексте социального переструктурирования буржуазного социума - это процесс *перераспределения ролей и функций основных его экономических субъектов*: индивида, социальных групп и институтов. Как мы знаем, буржуазно-капиталистические производственные отношения смогли развиться благодаря индивидуальной хозяйственно-экономической деятельности и активности большинства населения тех стран, в которых к определенному периоду истории сложились соответствующие предпосылки для “обуржуазивания” форм и структур общественной и частной жизни. Как мы пытались показать ранее, есть основания считать, что капитализм, с точки зрения его субъектов, исторически начинается с деятельности индивидуального частного (обособленного) предпринимателя и такой хозяйственно-экономической единицы как предприятие[3]. Именно индивид воплощал в себе и собственника, и хозяйствующего субъекта нового типа - предпринимателя. В таком качестве он может рассматриваться как исходный для рыночно-капиталистической системы субъект. По мере того как отношения капитализма становились всеобщими, теперь уже классовый индивид, в роли капиталиста - *носителя сущностных сил капитала, его представителя* становится основным *экономическим* субъектом. Здесь надо вспомнить, что у собственника и предпринимателя - разные функции: первый несет расходы и ответственность, второй - организует и направляет деятельность хозяйственной единицы, а доходы и риски они делят между собой. По мере развития капитализма (углубления разделения деятельности и труда, специализации, производительных сил, роста трансакционных издержек

[1] Там же.

[2] См.: М. Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - С.114.

[3] Капиталистическое предприятие в этом смысле - “масло масляное”.

и др.) происходит обособление этих функций друг от друга и персонификация их разными индивидами с одновременной передачей функций хозяйствующего субъекта другим социальным группам: формируется "класс" управляющих и “класс” акционеров-собственников. Кроме этого многочисленные *институты могут замещать собой индивидуального предпринимателя,* беря на себя функции управления, консультирования, контроля, рисков и т.д. Теперь от самого предприятия "остается" только производственно-технологическая единица. Вместо него в качестве хозяйственного, экономического субъекта (со всем комплексом функций и пучком прав собственности) выступает такой институт как корпорация или компания.[1] При этом не следует забывать, что частно-индивидуальное хозяйствование не было окончательно вытеснено из экономики. Оно было лишь потеснено на периферию экономической системы и воспроизводилось в качестве ее основы постоянно. К тому же, периодически происходила переструктуризация экономики и ее субъектов и производственно-хозяйственных единиц, когда частно-индивидуальные предприятия (так называемый малый бизнес) перемещались в центр экономической структуры, вернее, ближе к центру (в качестве юридически самостоятельного хозяйственного звена, но в производственный комплекс корпоративного сектора, например).

Таким образом, получается, что *логика развития капитализма* содержит в себе *логику замещения индивидуального субъекта коллективными действующими лицами* - институтами: фирмами, организациями, фондами, ассоциациями и т.п.[2]. Так вот этот процесс вытеснения-замещения индивида как основного (и исходного) хозяйствующего субъекта буржуазного социума особенно наглядно обнаруживается в глобализации. Ведь в таком “пространственном разделении труда”, которое переходит в “общемировую связь” между “инновационными средами, центрами высококвалифицированного производства, сборочными линиями, фабриками, ... производственными комплексами” (и связь эта носит *межфирменный* характер!)[3] нет места индивидуальному предпринимательству и предприятию как *органичной* форме капиталистической хозяйственной деятельности.

Итак, современная глобализация, в социально-экономическом смысле, т.е. субъектном, представляет собой перераспределение ролей в пользу “узкого круга лиц” - “новой элиты”. Эта "новая элита", по словам М. Кастельса, обладает “культурными кодами” современной “информациональной" сетевой экономики и общества, сосредоточивает у себя в руках саму возможность практически принимать решения, причем, быстро(!), - “игра на скорость”[4], что само по себе является ярким выражением буржуазного мировосприятия с его установ-

---

[1] Что касается акционерного общества, то следует отметить, что это понятие показывает скорее механизм возникновения капитала нового хозяйствующего субъекта - корпорации. Вообще-то от акционерного общества до современной корпорации исторически и логически - “дистанция огромного размера”.

[2] Здесь мы пока абстрагируемся от социальных групп и классов, которые выступают как в качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов, так и в качестве посредников в процессе включения индивидов в общественное производство.

[3] См.: М. Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура ... - С.387.

[4] Там же.

кой, в данном случае, *на успех*. Массам же, как в центрах, так и на периферіях остается каждодневная забота о том же “хлебе насущном”, который теперь называется благосостоянием и качеством жизни - в одних регионах и “местах”, и выживанием - в других.

Таким образом, происходит подрыв основ буржуазного социума. Отрицается его основополагающий экономический принцип - индивидуальная свобода, как свобода пользоваться (*каждому, большинству*) “случайным характером” “жизненных условий” (Маркс) и принимать решения в отношении этих условий, а также - и индивидуальная деятельная активность *большинства.*

Сосредоточение в руках узкого круга лиц условий и результатов общественного (и обобществленного - как никогда раньше) производства, в том числе благосостояния, власти, информации, “культурных кодов”, символов и других продуктов идеальной деятельности людей и одновременное присвоение ими же функций целеполагания, выбора средств, контроля определяет социально-экономический статус других групп в обществе и экономике. Тем социальным группам, слоям общества, которые занимают промежуточное (полупериферийное) положение между элитой и массами, остаются функции либо выполнения целей, либо целеполагания, контроля и регулирования, но, на тех уровнях деятельности и в тех “узлах” ”сетевого пространства”, и в “тех потоках”, где элита не имеет непосредственного интереса и поэтому может уступить право принимать решения другим участникам “игры”, претендующим на эти функции. Речь идет, в частности, о социально-профессиональной группе лиц, занятых высококвалифицированным организаторским трудом или творческой деятельностью.

Иллюзии относительно роли интеллектуалов как новой элиты в современном социуме, которые “питают” и наших исследователей, вслед за западными авторами[1], чреваты скрытым желанием оставить “все как есть” - т.е. продолжать перекладывать на кого-либо другого решение проблем и ответственности за них. В то время как, способность видеть и принимать проблемы мира как свои собственные и есть отличительная черта человека как исторического субъекта, т.е. субъекта своей собственной истории.

Обращение к “новым элитам”[2] как к субъектам, способным решать глобальные и национальные проблемы человечества в условиях перераспределения социально-экономических ролей и функций между буржуазными субъектами в обновленном же буржуазном пространстве “теперь уже "сетевого общества”, означает, что эти проблемы будут продолжать решать “глобальные субъ-

[1] См., в частности: Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986; Тоффлер Э. Третья волна. - М.: ООО “Фирма “ Издательство АСТ”, 1999 - С. 606 - 617; П. Дракер. Посткапиталистическое общество// Новая постиндустриальная волна на Западе ... - С. 70-100; а также: Иноземцев В.Л. Указ. Соч.

[2] См.: Панарин А.С. Народы без элит: между отчаянием и надеждой // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. - 2002. - № 1. - С. 19 - 46.

екты” или “глобальные игроки”[1], причем, опять с позиции своих интересов.

Уже сейчас глобализацию можно определить как господство, всемирное и всемерное, “частных ассоциаций”, которые используют “социальный капитал”, “плотные социальные связи”[2] в узких интересах. Они концентрируют в своих руках *принятие решений*, осуществляемое их *представителями*, например, “за ланчем или игрой в гольф”, - как отмечает М. Кастельс. Эти решения мгновенно передаются и исполняются благодаря технологическим и культурным достижениям всего человечества во всех регионах мира, независимо от их местоположения (в центре или на периферии). Также именно в силу частного, обособленного, замкнутого, закрытого характера социальных сетей проблемы благосостояния и бедности, отсталости и развития *персонифицируются* разными социально-структурными и пространственными полюсами взаимосвязанного, глобального мира.

Здесь вспомним, что апеллирование к частным интересу, бизнесу, организационным формам и ассоциациям частного же характера для отдельных теоретических школ означает отстаивание индивидуальной свободы - основы основ капиталистического производства и буржуазного социума. Впрочем, здесь и либералам-неоклассикам, и последователям Маркса, необходимо выяснить, что осталось от частного хозяйствования, как сферы проявления индивидуальной свободы[3]. Необходимо также учесть, что в хозяйственно - экономической деятельности людей уже произошло *отделение частного от индивидуального*, что и обнаруживает глобализация: *носителями частного интереса становятся коллективные, государственные, общественные институты и структуры типа ассоциаций.*

В ходе исторического развития капитализма частные экономические интересы и ответственность индивида, “полученные”, вернее, присвоенные им, подверглись трансформации. Это произошло в процессе переструктуризации социальных сил и субъектов и перераспределения между ними условий и результатов производства в соответствии с новым мироустройством - разделением теперь уже повседневного бытия людей на центр и периферию. Во-первых, "рациональное", как способ деятельности, сознательно подчиняемой индивидуальному целеполаганию, уже перестает быть достоянием большинства, массового индивида в основных сферах его бытия. При этом, самим "рациональным" утрачивается статус основного принципа хозяйствования (как принципа оптимального использования ограниченных ресурсов). Индивид оттесняется из сферы принятия решений в сферу домашнего хозяйства. Происходит замещение его институтами и "элитами" в макроэкономике, науке, политике, идеологии, во всех сферах производства идеального, превращение в функцию от этих институтов и структур. Одновременно индивид лишается ответственности (не только

---

[1] См.: Кастельс М. Глобальный капитализм // Экономические стратегии. - 2000. - № 3; Бузгалин АВ., Колганов А.И. Перспективы снятия противоречий глобализации и развития “мирового социального хозяйства” // Философия хозяйства. - 2002. - № 2

[2] См.: Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. - 1995. - № 4. - С. 77-86.

[3] Ранее мы уже пытались показать, каким образом прежде рыночная стихия эту индивидуальную свободу сузила до потребительского и технологического выбора.

в хозяйственном, но и в более широком, социо-культурном смысле), что не означает принятие ее на себя какими-то другими субъектами, ибо выясняется, что "центр не держит"[1]. Мировые центры, наиболее весомые "узлы" в иерархии сетевой экономики, концентрируя у себя все виды качественных ресурсов, в то же время, не могут воспроизводить самостоятельно те ценности, идеалы и смыслы, на которых строилась буржуазная цивилизация, в том числе свободу и ответственность каждого индивида. Во-вторых, социально-структурная трансформация, как перераспределение субъектов в пространстве глобальной экономики, означает *изменение соотношения между обезличиванием и персонификацией производственных отношений*. С одной стороны, связи в сетевой экономике персонифицированы, носят межличностный характер, поскольку круг основных экономических агентов достаточно узок, и "господство" "доминирующих интересов/функций" "не является чисто структурным. Оно осуществляется, т.е. воспринимается, решается и насаждается (определенными - С.Б.) социальными акторами"[2]. С другой стороны, институализация хозяйственных отношений, как процесс "передачи" функций экономического субъекта от индивида институтам, "коллективным действующим лицам", которые также, наряду с элитами, выступают в качестве "узлов" сетевой экономики, одновременно представляет собой и обезличивание отношений и связей между людьми.

Таким образом, несмотря на то, что и произошла профанация сакрального мира, человек продолжает находиться в сфере отчуждения. Противоречия между мирами остались, но приняли более выраженный облик социально-экономических противоречий. Ответственность также разделилась: массам досталась повседневность, где главным остается проблема выживания, воспроизводство жизни и ее условий в рамках домашнего хозяйства; элитам - духовные виды деятельности, функции регулирования, контроля, целеполагания в масштабах социума. Массам - Периферия, Центр - элитам, - такое мироустройство сложилось еще в добуржуазные эпохи, однако для современности характерно то, что теперь граница между мирами, уровнями и пластами деятельности человека проходит если не через каждого индивида, то через социальные группы и институты и между ними.

Результатом рационализации деятельности индивидов является общество массового потребления, в котором комфортные условия существования обеспечиваются большинству, но пространственный ареал его распространения ограничен только некоторыми регионами мира, которые и олицетворяют собой современный "центр" мироустройства. В то же время, в действительности это пространство сужается до потребительского, если в деятельности человека не реализуется единство его бесконечного становления (Г. Батищев) и "реальности краткосрочного протекания"[3].

Глобальные трансформационные процессы происходят в направлении формирования *новой структуры экономических субъектов*, как позднекапита-

---

[1]Видьядхар С.Найпол, британский писатель, нобелевский лауреат 2001 г. См.: Коммерсантъ. - 12 октября. - 2001.

[2] М. Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура ... - С.388-389.

[3] Бродель Ф. Указ. Соч. - С. 10.

листических, - это, с одной стороны, и в направлении становления “новой” экономики, характер (господствующая общественная форма производства) которой еще не определен, - с другой.

4.2 Трансформация экономических субъектов в условиях генезиса неоэкономики

Неоэкономика в истории и логике хозяйственной деятельности человека. Прежде, чем приступить к российским проблемам сектора новой экономики, или информационного производства и выяснению роли экономических субъектов в его становлении, все-таки придется возвратиться к ряду методологически не выясненных вопросов, связанных с этим феноменом. Без них нельзя увидеть и в российской действительности какие-либо хозяйственно-экономические формы в качестве экономических категорий, т.е. изложить проблемы трансформационной экономики на языке экономической теории. К тому же российская действительность - это, скорее всего, в какой-то степени действительность буржуазная, а большинство наших проблем - это проблемы буржуазного социума, в зеркале которого мы и сможем лучше себя разглядеть.

Чтобы приблизиться к пониманию процессов персонификации хозяйственной деятельности в трансформационной экономике, попробуем еще раз обратиться к изменяющимся экономическим системам развитого капитализма, в которых формируются "неоэкономические" отношения. Здесь необходимо будет еще не раз выяснять, каковы же параметры и основные характеристики неоэкономики?[1] Ответ на этот вопрос позволит определить ее историческое место, как совокупности явлений и процессов, происходящих, в первую очередь, в хозяйственной жизни ныне в странах Запада и даже Востока, и, которые, естественно, касаются и нас; явлений, отличающихся от прежних, устоявшихся форм своего существования, наблюдаемых в течение последних нескольких столетий. Речь идет об определении места новой экономики в поступательном (если таковое признается) или нелинейном (что не исключает поступательного)

[1] Эта проблема имеет обширную библиографию, и отечественную, в том числе. Причем речь идет как о философской, социологической литературе, где авторы пытаются осмыслить весь социокультурный контекст неоэкономических отношений, в том числе, с определенных мировоззренческих позиций и оснований, так и о экономических работах, в которых неоэкономика, информационное производство чаще исследуются социально-экономически нейтрально. См.: Рашковский Е. Постмодерн: культурная революция или культурная контреволюция? // МЭ и МО. - 1999. - № 7, 9; Мясникова Л. “Новая экономика” в пространстве постмодерна // МЭ и МО. - 2001. - № 12; Иноземцев В.Л. Инвестиции и производительность в постиндустриальной ситуации // Воспроизводство и экономический рост / Под ред. проф. В.Н. Черковца, доц. В.А. Бирюкова. - М: Экон. фак-т, ТЕИС, 2001. - С. 206-218; его же: Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. - 2000. - № 12; Дятлов С.А. О теории информационной экономики // Общество и экономика. - 1995. - № 3; Гойло В.С. Проблемы интеллектуального труда // США: Экономика. Политика. Идеология. - 1995. - №6; Сидоров А.А., Байнев В.Ф. Информация как экономическая категория // ЭКО. - 2000. - № 8; Малков Л. Некоторые черты “новой экономики”: взгляд с близкого расстояния // Мировая экономика и международные экономические отношения. - 2001. -№ 12; Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. А.И. Колганова. - М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998; Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика /Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. - М.: Юристъ, 2001; и др.

движении человечества. В свою очередь, выяснение исторического места неоэкономики позволит и содержательно ее рассмотреть.

Чем же определяются эти параметры и характеристики? Какими факторами и предпосылками? Конечно, во многом, факторами и предпосылками, сложившимися как результат предшествующего развития. В качестве таковых мы имеем индустриальную технологическую базу общественного производства, капиталистическую форму хозяйства, включающую и специфическую форму присвоения - отчуждения предпосылок и результатов производства, и преимущественно рыночные способы координации поведения участников хозяйственных процессов и распределения ресурсов. Имеем буржуазное мироотношение и мировоззрение, в которых преобладают полезностное и ценностно нейтральное видение мира с гипертрофированным значением категории количества. Имеем удачно реализованный масштабный проект общества массового потребления (как апофеоз буржуазного мировоззрения). Имеем развитый индивидуализм и почти разрушенную личную зависимость, основанную в прошлом на привязанности к земле и земельной собственности. Вот из этих и других капиталистических предпосылок вырастает неоэкономика, которая, на первый взгляд, представляет собой принципиально другую систему, имеющую *другие основания и другие предпосылки*, а значит и *другие результаты*. Так ли это?

В полной мере дать характеристику оснований и предпосылок, а тем более, результатов этой системы сегодня скорее всего не удастся - степень зрелости не та, чтобы сделать это в соответствующих категориях. Вот почему мы пока вынуждены работать, с одной стороны, с прежним категориальным рядом, заимствованным из анализа индустриальной системы или из прежнего, старого капитализма, а с другой, - вести поиск нового категориального языка.

В первом представлении неоэкономика выступает как сектор наукоемких производств и компаний, основным ресурсом которых являются электронные технологии. По своим же социально-экономическим характеристикам она представляет позднекапиталистические формы хозяйствования. Если это так, то в этом секторе сохраняются или продолжают функционировать такие же экономические категории (стоимость, капитал, прибыль и др.), что и в традиционном, индустриальном секторе. Известно, что эти формы подверглись модификации. В то же время остаются не выясненными характер и направление этой модификации, выяснение которых - одна из задач современной экономической теории, решаемой по-разному ее разными направлениями и школами.

Можно попытаться выяснить свойства неоэкономики, взглянув на нее с позиции истории и логики хозяйственной деятельности человека[1], в которой можно выявить несколько уровней, а в каждом из которых - несколько этапов. Несмотря на то, что мы уже их рассматривали, придется еще раз к ним вернуться.

Первый уровень позволяет ответить на вопрос: что является предметом и целью человеческой деятельности?. Здесь выделяются этапы развития, в рам-

[1] Ибо история это индивидуальное развитие людей, независимо от того, осознают они это или нет, что демонстрирует нам пока так называемая западноевропейская и схожие с ней цивилизации,

ках которых преобладает либо производство жизненных средств существования человека (в доиндустриальную эпоху - преимущественно производство продуктов питания; в индустриальную - преимущественно производство вещных средств к жизни; в постиндустриальную - производство "знаковых средств к жизни" или информации), либо производство самого человека как личности [1].

Второй уровень содержательно характеризуется общественной формой производства или способом общения индивидов в процессе создания ими материальных и духовных благ. Здесь позволим себе напомнить известные этапы - экономические формации общества: первобытно-общинную; рабовладельческую в трех своих основных ипостасях (азиатской, античной и восточно-славянской); феодальную тоже в нескольких формах (западно-европейской, в основе, которой лежала германская община с ее чистой частной собственностью - будущей колыбелью капитализма; азиатской в форме кочевого феодализма и других), и, наконец, капиталистическую или буржуазную формацию. Таковы основные на сегодняшний день, более или менее *четко характеризуемые* ступени развития *общественной формы* производства индивидов.

Третий уровень человеческой деятельности и ее истории определяется тем, в каком качестве предстают индивиды, будучи ее субъектами и творцами: непосредственно выступая таковыми в каждом акте своей деятельности, беря на себя всю меру ответственности за свои действия; или опосредованно, в том числе и в превратных формах. Здесь также известны этапы человеческой истории: эпоха личной зависимости, эпоха вещной зависимости и эпоха свободной индивидуальности.

Здесь нас интересуют, в первую очередь, первый и третий уровни и связанные с ними этапы человеческой деятельности. Если принять во внимание вышеприведенную периодизацию, то можно увидеть место неоэкономики, как социально-экономического феномена, предпосылки которого, в виде возрастающей роли знаний и науки, уже сложились в индустриальную эпоху для обеспечения роста производительности труда в вещном производстве. История хозяйственной деятельности показывает, что в ее содержании и характере происходит смена целей и приоритетов: то, что было средством, становится целью[2]. Производство знаний и информации в эпоху позднего капитализма (информационного общества или посткапитализма, или неоэкономики) стало выступать как цель деятельности, хозяйственной, экономической, в том числе. Условием, предпосылкой, фактором (?!), позволяющим наращивать производство знаковых средств к жизни и вещных средств их производства, хранения, передачи и распространения, становится человек и его интеллектуальные и, даже, духовные способности.

Важный вопрос, во многих своих аспектах пока не изученный, заключается в том, каково же не техническое или технологическое содержание знако-

[1] Подробнее об этом: Производство как общественный процесс (актуальные проблемы теории и практики /Отв. ред. В.И. Толстых. - М.: Мысль, 1986. - С. 125 - 173.

[2] О смене целей и приоритетов хозяйственной деятельности в истории человечества см. там же.

вых средств, а их социально-экономическое содержание?[1] Знаковые средства, будучи продуктом идеальной деятельности, охватывают широкий круг явлений, без которых трудно представить себе жизнь современного человека: от книг, кинофильмов, компьютерных программ до управленческих, социальных и политических технологий, прав собственности и, так называемых, фондовых ценностей. Большинство из них имеют материально-вещественно-вещных носителей, а для пользования ими требуются специальные устройства. Что касается *социально-экономической* стороны как неоэкономики, так и знаковых средств (привычнее - знаний, информации), то в литературе она представлена пока недостаточно[2].

В то же время, для создания целостного представления о неоэкономике (или об информационном, или постиндустриальном обществе, или производстве) в едином категориальном пространстве необходимы соответствующие уровню поставленной задачи исходные предпосылки. Социально-экономическое содержание *вещного производства* в категориях товара, стоимости, капитала или полезности, рационального выбора, общего экономического равновесия, а также в категориях неоинституциализма: ограниченной рациональности, трансакционных издержек, специфических ресурсов, прав собственности и контрактных отношений - экономической наукой уже в той или иной степени отражено.

Производство собственно знаковых средств (хотелось бы отвлечься от их материально-вещественно-вещных носителей), как содержание неоэкономики, может послужить не только объектом политико-экономического исследования, но и отправной точкой для понимания положения и характера самого индивида в его современном бытии, в том числе и хозяйственном. Ведь, как уже было отмечено ранее, условием роста производства информации и знаний является развитие самого человека и его способностей. По логике смены приоритетов и целей человеческой деятельности, наблюдаемой в предшествующей истории человечества, на следующем этапе в качестве цели общественного воспроизводства должен бы выступать сам человек[3], как особенная личность. Но это,

---

[1] Известно, например, что социально-экономическое содержание товара состоит в том, что он является носителем такой конкретно-исторической формы обмена, как стоимость, выступая при этом не только представителем производственных отношений между людьми, но и заместителем людей в их субъектных функциях, что находит выражение в товарном фетишизме.

[2] В исследованиях как зарубежных, так и отечественных авторов, посвященных проблемам неоэкономики (и информационного, постиндустриального производства), как правило, изучается, в основном, влияние, которое оказывают знания и информация на хозяйственную и социальную деятельность человека, как-то: отраслевую, институциональную и социальную структуру экономики, механизмы координации поведения участников хозяйственных процессов, перераспределение сфер экономического влияния и экономической власти и т.д. См., в частности, библиографию, представленную в работах В.Л. Иноземцева.

[3] Если посмотреть на проблему индивида как хозяйствующего субъекта в условиях преимущественного производства "знаковых средств к жизни", то обнаруживается весьма интересное явление-тенденция. Ведь знаковые средства к жизни, по сути, есть *символы*, в которых находят отражение те или иные стороны реального человеческого бытия. В той или иной форме и степени их производство всегда имело место в деятельности индивидов. Но никогда ранее оно не имело массового характера и не было приоритетным. Производство знаковых средств может рассматриваться и как производство заместителей не только вещей, но и отношений, и человеческих способностей, его ценно-

так сказать, дело времени. А что сейчас? Изменилось ли положение индивида в общественном производстве, в отношении к своей деятельности, ее предпосылкам и результатам?

Неоэкономика как позднекапиталистический феномен. Здесь как раз без выяснения таких понятий, как информация, информационное общество, информационная экономика, новая экономика, как "нагруженных" определенным *социально-экономическим* содержанием, видимо, все-таки не обойтись, если не сводить проблему к дефинициям.

Как уже отмечалось, достаточно длительное время, начиная с 60-70-х годов прошлого столетия, в научных работах, посвященных проблемам новых технологий и изменениям, которые они вызывают в экономике и обществе, проблема которая нас интересует разрабатывалась в русле теории постиндустриального общества. В теории постиндустриализма содержится несколько ключевых положений,[1]. Главное состоит в том, что в постиндустриальном обществе экономика *основана на знании*, всеобщее превращение в технологии и распространение которого приносит "фундаментальные изменения в человеческие ценности, -... структуру организаций и трудовой процесс"[2], а также *изменяет* "облик общества в целом"[3]. Какие радикальные изменения произошли в *мироустройстве* обществ, "подвергшихся" информатизации? Или изменился только "облик", то есть произошли только внешние изменения в "структурах повседневности", а *базовые* параметры буржуазного социума остались не затронутыми?

Можно согласиться с тем, что благодаря новым, цифровым технологиям отдельный человек, "индивидуум становится непосредственно включенным во весь мир"[4]. Но опять возникает вопрос: в каком качестве и в какой роли современный человек - субъект информационного или постиндустриального общества и экономики[5] выступает и включается в общественное производство, характер *общественности* которого еще никто не отменял. Насколько при этом он остается индивидом, особенной личностью и суверенным экономическим субъектом? Изменился ли *социально-экономический*, а не только технологический, характер и способ этого "включения" и участия?

Насколько он является (остается или становится) при этом подлинным субъектом отношений, связывающих его с другими людьми и с Мирозданием?

стей и мотивов, а значит, и личности. Превращение индивида в знак, символ коллективного интереса, в функцию институтов, в игрока экономической сцены - лишь звено в бесконечной цепи (сети?) превращений реального вешно-вещественного мира в идеальный.

[1] М. Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура ... - С. 201.

[2] Новая технология и организационные структуры / Под ред. Й.Пиннингса, А.Бьюитандама. - М., 1990. - С.73.

[3] Е. Майминас. Информационное общество и парадигма экономической теории // Вопросы экономики. - 1997. - № 11. - С.87.

[4] Е.Майминас. Указ. Соч. - С.87.

[5] М.Кастельс, на основе анализа отраслевой структуры экономик ряда развитых стран и соответствующей структуры занятости, динамики производительности труда по отраслям и других характеристик показывает, что "**соответствующее разделение проходит не между индустриальной и постиндустриальной экономиками, а между двумя формами основанного на знании промышленного и сельскохозяйственного производства и производства услуг"**. См.: Указ. Соч. - С. 202.

Преодолел ли он обезличенность, овещненность, институализированность и вообще отчужденность *своих* общественных отношений? Насколько он преодолел пропасть между собой как частным человеком и собой как общественным существом? В какой мере такому человеку удалось преодолеть полезностно-утилитарное отношение ко всему, что его окружает? Вот примерно тот круг вопросов, которые возникают, когда речь заходит о ”фундаментальном изменении мотивов, которыми руководствуются (например - С.Б.) европейские граждане” или замене “материалистических ценностей постматериалистическими”, или, о том, что “в Европе в полном смысле слова возникает общество, лежащее за пределами индустриальной системы...”.[1]

Когда говорится об информации (знании) как особом товаре, основной форме богатства или основном ресурсе в рассматриваемую эпоху, то при этом называются ее качества, отличающие информацию от других товаров. Свойства информации[2] противопоставляются натурально-вещественно-вещным характеристикам так называемых традиционных товаров или благ. В анализ вводится понятия услуги[3], "нематериальных активов", "социального капитала" как товаров, доминирующих в рассматриваемую эпоху. Хотя и подчеркивается невозможность однозначной стоимостной оценки такого рода благ - ”полученного объема информации”, однако особенность этих благ, в *социльно-экономическом* смысле, не раскрывается, как это было сделано в свое время в отношении социально-экономического смысла *товара-вещи.*

Таким образом, вопрос о социально-экономической форме информации, как отличном от известных ранее продукте деятельности людей, остается открытым. Надо ли говорить, что без этого невозможно охарактеризовать ни новый этап в развитии человечества и в развитии буржуазного социума, ни решить другие проблемы, открываемые эпохой информационного общества и новой экономикой.

Хотя есть находки в исследовании феномена информации в работах неоклассиков и неоинституционалистов. В частности, попытка посмотреть на информацию как на *специфический*, т.е. наиболее производительный ресурс. Это позволяет поставить проблему экономической ценности информации, издержек ее производства и воспроизводства, проблему неравномерного распределения информации между индивидами[4], вскрыть экономическое содержание трансакционных издержек. В свою очередь выясняется, что неравномерное распределение информации вызывает неэффективность механизмов конкурентного

---

[1] В.Л. Иноземцев, Е.С. Кузнецова. “Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии”. - Научный доклад на кафедре политической экономии МГУ - 18.04.02.

[2] Речь идет, в частности, о неуничтожаемости информации в процессе ее потребления и об увеличении, в ситуации обмена продуктами и ресурсами интеллектуальной деятельности, информационного потенциала всех его участников.

[3] См.: Демидова Л. Сфера услуг в постиндустриальной экономике // Мировая экономика и международные экономические отношения. - 1999. - № 2.

[4] См., например: К. Эрроу. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. - 1995. - № 3; а также: Стиглер Дж.Дж. Экономическая теория информации //Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. - СПб.: Экономическая школа. - 1995. (“Вехи экономической мысли”. - Вып. 2); Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении. Там же.

рынка. Теоретически встает проблема выявления других способов, а значит и субъектов координации отношений между людьми по поводу такого ресурса как информация. Однако без выяснения социально-экономической природы *информации*, *знания* или "*знаковых средств к жизни*"[1] невозможно достаточно последовательно разработать и вышеперечисленные проблемы.

Рассматривая экономику как гигантскую информационную сеть со своими "узлами" - фирмами и другими структурами, где производится, распространяется и потребляется информация, мы не можем игнорировать проблему *иерархии экономических субъектов*, которая сохраняет свое значение, несмотря на сетевой характер экономики. Апеллируя к сетевому характеру информационной экономики, некоторые авторы говорят о необходимости и новой экономической теории или о новой ее парадигме. Однако сохранение *иерархии*, которая необходима для более эффективного "овладения информацией" (О. Уильямсон), как отношений подчинения и господства не позволяет говорить о радикальном обновлении самой экономической системы.

Но если *прежние иерархии*, обусловленные разделением деятельности, сохраняются, и при этом сохраняются также анонимность и обезличенность участников хозяйственных процессов, а формой связи между ними остается стоимость, то *такая экономика принципиально своего характера не поменяла*. Базовые экономические формы остаются в силе, несмотря на то, что вместо экономического пространства, где "совокупности атомизированных производителей и потребителей, выступающих в качестве анонимных независимых продавцов и покупателей, которых связывает лишь "невидимая рука" рынка"[2], возникают экономические и информационные сети с узлами-центрами. В таком случае "описать" такую экономику, воспроизвести ее логику можно в категориях товаро-стоимостных, капитальных, с одной стороны, и институциональных, с другой.

Новым здесь может быть то, что на первый план могут выходить не те категории из этого ряда, которые были характерны для буржуазной системы индустриального типа, например,капиталистические издержки производства, прибыль, заработная плата, процент, рента, а категории, отражающие *знаковую* природу производственных отношений в эпоху информационной экономики[3]. Наиболее наглядными и очевидными из них выступают фиктивный капитал, представленный фондовыми ценностями, современные формы и виды денег, "человеческий капитал", "социальный капитал", нематериальные активы фир-

---

[1] *Знаковыми средствами к жизни* информация названа по отношению к продуктам питания и вещным средствам к жизни, производство которых доминировало в прежние эпохи. Подробнее об этих основных продуктах хозяйственной деятельности людей и их доминировании в разные эпохи - неолитической, промышленной и научно-технической революций см.: Производство как общественный процесс (актуальные проблемы теории и практики) / Под ред. В.Толстых. - М., - 1986.

[2] Е. Майминас. Указ. Соч. - С.90.

[3] В определенной степени производственные, хозяйственные отношения всегда выступали как "информационное взаимодействие", которое многие сводят к обмену информацией, знаниями. См., например: Н.А. Кузнецов, Н.Л. Мусхелишвили, Ю.А. Шрейдер. Информационное взаимодействие как объект научного исследования // Вопросы философии. - 1999. - №1. - С. 77. Скорее, под *информационным взаимодействием*, на наш взгляд, следует понимать такие взаимодействия людей, их отношения друг с другом, которые *опосредованы* "знаковыми средствами к жизни".

мы и другие знаковые или идеальные[1] по своей природе или характеру социально-экономические категории.

Принято считать, что в новой экономике главным ресурсом выступает именно информация или знание. И ресурс этот воспроизводится, обращается по законам капиталистической экономики, в том числе происходит его накопление (и в стоимостной форме? - С.Б.) или "капитализация знаний"[2]. Последнее означает, что знание в виде инноваций, то есть собственно инновационные идеи получают "широкое рыночное признание" до того, как они воплотятся в вещь или в технологический процесс[3]. На языке классической экономической теории это означает, что знаковые средства к жизни также получают самостоятельную денежную оценку, цену (общественное признание), но не посредством признания индивидуальных затрат конкретного труда на производство этого товара в качестве общественно-необходимых, а, - непосредственно, как самостоятельный товар-стоимость[4].

Но в таком случае речь может идти об очередном товаре особого рода. Этот товар может быть "приравненным" к дару природы и поэтому цена этого товара, цена знаний не есть ли *иррациональная* форма цены, аналогично цене земли, цене ссудного капитала или цене труда (рабочей силы). Все известные прежде иррациональные формы цены служили для оценки товаров, не являющихся овеществленным трудом человека. Это означает, что отношения между покупателем и продавцом земли, денег или ссудного капитала, труда являются *стоимостными* потому, что эти субъекты, выступая здесь лишь как *представители* своих товаров, остаются безразличными друг к другу, независимыми, обособленными индивидами, единственной формой связи между, которыми выступает стоимость, а рынок - единственный механизм, который эту связь обеспечивает.

Существование иррациональной формы цены может говорить о том, что стоимость не должна сводиться только к овеществленным в товаре затратам общественно- необходимого труда. В таком понимании стоимости (вернее ее величины) мы находим скорее ее внешнюю форму проявления в виде непосредственно наблюдаемых в процессе хозяйствования затрат на производство товара. И здесь трудно переоценить теорию стоимости Маркса, в которой мы находим объяснение тому, почему в определенных исторических условиях эти затраты выступают как стоимость. Однако другая сторона стоимости (если

---

[1] Напомним, что под идеальным, здесь понимается явление, для которого характерно такое отношение материальных объектов (не обязательно вещно-вещественных) в котором эти объекты выступают не столько сами по себе, сколько как *представители* другого материального объекта, явления, процесса. Подробнее об этой проблеме: Э.В. Ильенков. Проблема идеального //Вопросы философии. - 1979. - № 6,7.

[2] Инновационная экономика / Под общей редакцией А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. - М., 2001. - С. 43.

[3] Там же. - С. 42.

[4] Косвенную попытку обозначить *природу стоимости, как информационную* мы находим, в частности, у Р.И. Цвылева, который отмечает, что "сущностью морального износа в отличие от физического износа является процесс устаревания информации, овеществленной в физических элементах производственного процесса" См.: Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. - М., 1996. - С. 34. Ведь известно, что износ в экономическом смысле означает потерю стоимости.

можно так сказать), определяемая именно особым, специфическим общественным характером труда, создающего товар, часто от нас ускользает, поскольку относится к разряду не материально-вещественно-вещных (или чувственно воспринимаемых) явлений, а к разряду *идеального* в человеческой деятельности. Речь идет о стоимости как отношении между обособленными, независимыми, безразличными друг к другу и обезличенными индивидами в условиях, когда труд каждого из них расщеплен на частный и общественный, а внутри самого индивида сохраняется его "родовое" противоречие между его частной и общественной жизнью. Общение между людьми опосредовано не только материальными предметами и продуктами человеческой деятельности, но и другими их "представителями" и "заместителями"[1]. Стоимость и все стоимостные категории и относятся к разряду таких заместителей.

Но вернемся к товару-знанию. Определение цены интеллектуального товара как иррациональной недостаточно для выяснения природы этого товара. Остается также выяснить, в каком качестве сохраняется при этом стоимость. Вернее, насколько она сохраняет свое прежнее качество - выражать обезличенность отношений хозяйствующих субъектов. Здесь следует сделать оговорку: в той мере, в которой сохраняется производство (собственно вещное или информационное) обособленными экономическими единицами, сохраняется и стоимость в прежнем своем качестве. И не только как форма затрат общественно-необходимого труда, но и как форма связи между обезличенными товаропроизводителями. Именно обезличенными, но не в смысле неизвестными или лишенными "лица" или имени предприятиями и фирмами, работающими на неизвестный рынок. С этим дело обстоит как раз наоборот: на первый взгляд, очень известные производители работают на довольно известный рынок, что обнаруживается не только в доминировании производства на заказ, по длительным хозяйственным договорам, прямым связям и пр. в создании продукта с заранее заданными свойствами для конкретного потребителя, в сетевом маркетинге, в торговле через Интернет, но и в институте брэндинга.

Отношения между товаропроизводителями при этом выступают как обезличенные в том смысле, что индивид как *основное действующее лицо* в большинстве социально-экономических отношений *таковым* теперь не является. В силу ряда причин он (как уже было отмечено ранее) продолжает быть в своих связях с другими индивидами не столько самим собой, сколько представителем, функцией вещей и институтов[2]. И это происходит равно в той мере, в какой стоимость и другие "стоимостные" категории выступают заместителями самих индивидов.

Таким образом, стоимость сохраняет свое значение в неоэкономике не столько как затраты труда, "овеществленные", воплощенные в товаре-знании,

[1] В такой (исторической) ситуации индивиды по отношению друг к другу есть лишь знаки, носители, представители.

[2] Подробнее об отношениях репрезентативности и представительства см.: Булганина С.Н. Проблема субъекта хозяйственной деятельности в неоэкономике // Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика/Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. - М., 2001. - С. 289-297; а также: п.2.1 данной работы.

сколько как форма деятельности индивидов, овещненная, отчужденная в любой вещи (товаре, знаке, знании, информации), делающая отношения индивидов обезличенными, так как вместо них в дело вступают другие “лица” - структуры и организации. По отношению же к ним индивид - лишь их функция и представитель. Среди этих структур, организаций и институтов одни также замещаются другими[1].

Что касается воплощения затрат труда, то оно скорее может иметь место только в материально-вещно-вещественном *носителе* информации-знания (от печатных и электронных текстов до широкого круга материально-вещественных предметов). Но это уже другой продукт другого труда. Непосредственно же само знание - “чистая деятельность”, живой процесс, но не столько овеществления, сколько опредмечивания-распредмечивания. Согласно Г.С. Батищеву, опредмечивание и распредмечивание и есть *общение* между людьми, или *форма* деятельности (производства, обмена) *посредством предмета*, ни от кого не отчужденного, по определению доступного каждому. Знание как “живой процесс” общения одновременно представляет собой и продукт материально-идеальной деятельности индивидов, но, попадая в сферу использования-потребления становится ресурсом, но, в рассматриваемых условиях, - ресурсом не для всех.

Таким образом, идеи, знания, информация, знаковые средства к жизни также представляют собой продукты деятельности человека, прежде существовавшие как элементы живого процесса труда или деятельности в виде функций целеполагания, выбора средств, самоконтроля, опредмечивания, распредмечивания. Они "образовывали" духовную составляющую материальной деятельности человека или умственного труда, в отличие от материально-вещественно-энергетической их составляющей - затрат нервной и физической энергии, или энергетической, механической и других функций человека, которые характеризуются понятием “физический труд”. Если в вещах-товарах воплощается, опредмечивается - овеществляется *преимущественно* физический труд, то в знаках-товарах - умственный, интеллектуальный труд и даже духовная деятельность человека превращается в субстанцию (первопричину) стоимости[2].

---

[1] Так, вместо государства или частного индивидуального предпринимателя в области финансирования инноваций доминируют венчурные фирмы и фонды.

[2] Сохранение стоимости в новой экономике подтверждается также “войной стандартов” или ”доминирующих принципов” на основе которых хозяйствующие субъекты действуют в производстве и на рынке. “Сетевая организация множества участников возможна благодаря тому, что все они используют некий единый, базовый принцип взаимодействия” (Инновационная экономика ... - С. 49.). При этом получается, что новый продукт - это новый доминирующий мировой стандарт, что естественно обеспечивает фирме, его предложившей монопольное положение на глобальных рынках. Положение о доминирующем принципе взаимодействия - это еще один признак сохранения стоимостных отношений. Если в этих отношениях главное - это произвести стоимость, как обезличенную связь, то здесь производство единого для всех стандарта - базового принципа, которому подчиняется производство не только товаров и услуг, но и поведение потребителя и деятельность человека в широком смысле слова и будет означать воспроизведение такой обезличенной связи. В то время, как во "до-стоимостных" или “постстоимостных” отношениях - главное это отсутствие чего бы то ни было унифицирующего, сводящего все многообразие человеческой личности и общения к чему-то единому и одностороннему, с точки зрения многообразия связей и отношений человека с Универсумом.

Другой стороной проблемы сохранения стоимости в неоэкономике является проблема субъекта стоимости или его заместителей. В классическом капитализме стоимость и капитал *выступают,* т.е. *представляются* как самодостаточные, саморазвивающиеся субъекты. Насколько в новой экономике они сохраняют свою “субъектоподобность” или "субъектообразность"? Здесь проблема выходит на уровень функционирования рынка и его механизмов. В той мере, в которой происходит *освоение* рыночного механизма действительными участниками экономики и *присвоения* ими функций регулирования, координации спроса и предложения, выработки критериев оптимального использования ресурсов, замещения и др., *можно говорить* об утрате рыночным механизмом соответствующих функций (о “необратимых процессах в рыночном механизме”[1]) и исчезновении стоимости.

Рассмотрение социально-экономической природы знаковых средств, информации как товара было бы не полным, если бы мы не выяснили роль *полезности* в отношениях между людьми в новой экономике. Сделаем несколько предварительных замечаний.

Категория полезности в экономической теории имеет двоякое значение. В первом случае она характеризует свойства товара как потребительной стоимости и сводится к способности удовлетворять какую-либо потребность человека. Во втором случае речь идет о полезности как ключевом моменте буржуазно-капиталистического мировоззрения, хотя и характеризующем общий тон миропонимания человека буржуазной эпохи[2], но особенно ярко проявляющемся именно в экономической его деятельности, где она становится принципом хозяйствования. В исследованиях по общественным наукам это миропонимание получило название утилитаризма.

Как представляется, выделение этих двух сторон полезности можно было бы дополнить третьей, когда полезность рассматривается как такая характеристика товара, в которой все-таки обнаруживается *индивидуализированное* или личностное отношение индивида к другим людям, но не непосредственное, а опосредованное товаром как продуктом конкретного, полезного труда, заведомо предназначенного для других. Через отношение к товару как к полезной вещи, хотя и предназначенной для удовлетворения *общественной* потребности, индивид и к другим индивидам относится полезностно, утилитарно, так как отчужден и обособлен от них. Происходит *перевертывание отношений и возникает “эффект замещения”*. Товар замещает непосредственные отношения людей и перестает быть посредником в бесконечном процессе взаимного их движения навстречу друг другу (Г. Батищев).

Такое качество полезности (выражать “индивидуализированное”[3] отношение к другим участникам общественного производства) противостоит другой

---

[1] См.: Пороховский А.А. Новая экономика: Американский вызов //США - Канада.. - 2001. - № 6. - С.3. Здесь грань между субъектностью индивида и “субъктностью” рыночного механизма остается подвижной: хотя в новой экономике “резко повышается роль человека, его знаний и навыков, его способности к нестандартным решениям” (там же. - С. 10.), тем не менее, он остается в этой системе лишь ресурсом.

[2] См.: Хамидов А. А. Категории и культура ... - С. 154-163.

[3] Все-таки, скорее “квазииндивидуализированное”, в силу вышеобозначенных причин.

стороне товара - стоимости, в которой воплощена обезличенность связей индивида с другими людьми. В ней проявляется абстрактность и односторонность его самого. В этой абстрактности и односторонности, обособленности и полезностном отношении к другим и состоит его (индивида) специфическая *общественность*.

Можно сказать, что новый товар - знание или информация - не только сохраняет эти черты (стоимость и полезность), но и является воплощением вышеобозначенных отношений и представителем их персонификаторов-носителей. А это означает, что современные хозяйствующие субъекты (те, которые причастны к новой экономике) являются “буржуазными лицами”.

Таким образом, неоэкономика представляет собой в социально-экономическом смысле позднекапиталистическую форму отношений между людьми. Хотя для неоэкономики и характерно преобладание или доминирование производства знаковых форм и "средств к жизни", но производство это происходит в рамках и посредством стоимости и полезности. При этом, вопреки устоявшейся точке зрения, что информация - это новый вид ресурса, что и отличает неоэкономику от предшествующих форм и этапов хозяйствования внутри капитализма или от “старой”, индустриальной экономики, будет более точным сказать, что информация или знаковые средства к жизни, *в первую очередь* есть особый *продукт* деятельности человека. Основным же *ресурсом* производства этого особого продукта выступает сам *человек и его способности*, что и нашло наиболее адекватное выражение в такой категории как “человеческий капитал”.

В соответствии с теорией основных этапов развития человеческого производства, о которой мы уже говорили, и смены приоритетов в социально-экономическом развитии тот вид ресурса, который доминировал в предшествующий период, на данном этапе становится основной целью производства и основным видом продукта. Таким образом, будучи в настоящее время основным ресурсом, человек и его способности на следующем этапе истории должны стать основной целью общественного производства. Именно эта логика развития производственной деятельности и послужила основой для “забегания" вперед в постиндустриальных теориях (Р. Инглегарт, П. Дракер и др.)[1], а также в постэкономической теории В. Иноземцева.

В этих концепциях авторы, в качестве ведущего аргумента в пользу преодоления капиталистической формы хозяйствования (которая сводится в данном случае к индустриальной экономике) и продвижения к новому устройству общества, выдвигают так называемые *постматериалистические* мотивы труда и деятельности человека. При этом авторы апеллируют к деятельности и поведению тех категорий наемных работников, предпринимателей, точнее, представителей капитала (весьма успешных в экономическом смысле), которые достигнув определенного, достаточно высокого уровня удовлетворения своих материальных потребностей руководствуются вышеупомянутыми постматериальными мотивами. Главным среди них провозглашается мотив творчества и са-

[1] Новая постиндустриальная волна на Западе ... - С. 249-291, 70-100.

мореализации. Но в той мере, в какой этот мотив “укладывается” в полезностно-стоимостное русло рыночно-буржуазных отношений (ибо человека продолжают “использовать”), говорить о принципиально новом обществе преждевременно.

“Субъектные” предпосылки становления неоэкономики в трансформационной системе. В России сектор информационных производств имел свое начало, в свое время, но не получил импульса к дальнейшему развитию. “Движение” электронных технологий не сформировалось в законченный воспроизводственный цикл, а сами они не стали системообразующим ядром или росткаами новой экономики.

В период трансформации социально-экономической системы происходит формирование, становление, восстановление не только рыночных форм, но и капиталистических, начиная, в том числе, и с некоторых раннекапиталистических явлений и процессов. Здесь возникает проблема “уживаемости”, сочетаемости неоэкономики с не достроенными рыночными и капиталистическими формами, с одной стороны, и с другой, - проблема конкуренции и сотрудничества интересов экономических субъектов, олицетворяющих эти противоречащие друг другу секторы общественного хозяйства. При этом, необходимо выяснить, кто эти субъекты, каков их социально-экономический характер, или природа, обусловленная природой самих трансформационных отношений, что будет сделано далее. Здесь же речь пойдет о “субъектных” предпосылках неоэкономики, исходя из имеющихся на сегодняшний день “работающих” или функционирующих хозяйственно-экономических форм, доставшихся в наследство от прежней системы или успевших сформироваться за период с начала трансформационных процессов.

Для российской экономики, продолжающей оставаться в состоянии если не кризиса, то стагнации, особенно актуальной является проблема создания сектора высоких технологий, в той степени, в которой он бы “взял на себя” функцию *системообразующего ядра* воспроизводственной структуры. Все наши чаяния в отношении наукоемких производств и предприятий наталкиваются на постоянно обсуждаемую проблему отсутствия инвестиций. Но хотелось бы подчеркнуть, что проблема неоэкономики для нас не сводится только к этому. Следует также напомнить о той роли, которая в логике капиталистистического рыночного хозяйства, приведшей к современному ее высокотехнологичному состоянию, принадлежит индивиду как экономически активному субъекту, в том числе и в роли потребителя[1]. В системе стоимостно-полезностных отноше-

[1] Один из парадоксов информационного производства заключается в том, что, с одной стороны, производителем “нового знания”, информации, фундаментальных исследований, изобретений и вообще всех “знаковых средств к жизни” является человек, индивид, особенная личность, как “ансамбль общественных отношений”, с другой, - возможность реализации этих изобретений, превращение их в инновации, обусловлена, масштабами производства и капитала, наиболее адекватной формой которым служит крупная корпорация, то есть институт, как экономический субъект. Но с другой стороны, развитие инновацинно-информационного сектора в экономике развитых стран не было бы возможным без “давления спроса”. См.: Ван дер Вее. История мировой экономики. 1945 - 1990 (пер. с фр.). - М.: Наука, 1994. - С. 146-163. Также о роли потребителя в процессе становления и развития неоэкономики в странах Запада: Мясникова Л. Указ. Соч.

ний именно в *потреблении* индивид, как отмечал К. Маркс, наиболее всего адекватен сам себе, хотя со временем и эта сфера деятельности буржуазного человека подверглась отчуждению и институализации.

В свое время капитализм создал для себя соответствующую модель "мобилизации" ресурсов для собственного самовозрастания - модель общества массового потребления. Но как выясняется, не только для западных обществ, но и для нас проблема потребителя и потребительства остается актуальной.

Всякий раз, когда мы пытались решить проблему повышения жизненного уровня населения (эта попытка имела место в разные периоды российской истории), нам ни разу не удалось довести дело до конца, то есть поднять уровень благосостояния большинства населения до стандартов, соответствующих нашему собственному уровню производительных сил и производительности труда. Как во времена реформ Столыпина, так и в период "реального социализма" нам не удалось увеличить долю заработной платы во вновь созданной стоимости до уровня, соответствующего стоимости рабочей силы[1]. Даже в настоящее время, когда становится ясно, что без повышения жизненного уровня большинства населения экономические реформы становятся не просто невозможными, а бессмысленными, мы также, несмотря на опережающий рост реальных доходов по сравнению с производительностью труда, имеем заработную плату ниже "положенного" экономическими законами.

Это происходит в то время, когда переоценить значение материальных стимулов невозможно, ибо ничего другого в качестве мотива трудовой и хозяйственной деятельности для большинства никто сейчас не может предложить[2]. Так что, требования хотя бы заработной платы, которую "заработали" в соответствии с логикой строящейся рыночной капиталистической экономики, т.е. по стоимости рабочей силы, а не только по рыночной ставке заработной платы, так как именно на этом рынке рыночных отношений еще нет (господство именно в этой сфере отношений личной зависимости феодального типа), носят вполне объективный, а не идеолого-политический характер.

Только в случае заметного роста реальной заработной платы большинства лиц наемного труда (речь должна идти именно о реальной зарплате, а не о реальных доходах) в экономике может появиться проблема *потребителя* как важной фигуры капиталистического производства в той мере, в которой потребитель является и субъектом сбережений[3]. Для российской социально-экономической системы проблема потребителя важна и с точки зрения струк-

---

[1] Как известно, без четкого разграничения необходимого и прибавочного продукта невозможно само капиталистическое производство.

[2] В отличие от времени так называемого "Красного проекта". См.: Белоусов А.Р. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. - 2000. - № 1. - С. 31. Здесь представляют интерес и могут вызвать возможную полемику аргументы А.В. Бузгалина об одновременном формировании как материальных, вещных потребностей, так и "потребностей в творческой деятельности" в процессе становления у нас сектора неоэкономики. См.: Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы: Междунар. науч. конф. "Ломоносовские чтения": 24-26 апреля 2002 г.: Материалы для обсуждения / Отв. за вып. К.А. Хубиев. - М.: МАКС Пресс, 2002. - С. 25-33.

[3] Вернее, субъектом сбережений является "домашнее хозяйство". Оно же - и субъект потребления.

туры экономики. А вопрос о структуре и структурных сдвигах - это вопросы нашего будущего. Здесь не следует сводить проблему и к известной макроэкономической зависимости роста производства от платежеспособного спроса общества. Впрочем, и эта зависимость не реализуется в силу слабости последнего.

Специфика нашей экономической структуры и динамики, как известно, заключена и в ее отягощенности отраслями с базовыми технологиями индустриального типа периода экстенсивной индустриализации, в рассогласовании между отдельными секторами экономики с точки зрения распределения между ними так называемых качественных и массовых ресурсов [1].

Парадокс нашей экономической структуры в том, что качественные ресурсы (наиболее квалифицированные работники, предпринимательский потенциал, финансовые ресурсы, может быть, за исключением новых технологий) стягиваются в отрасли именно с базовыми технологиями - ТЭК и секторы первичной переработки. В то время как массовые, т.е. менее производительные ресурсы сосредоточены в отраслях промежуточного сектора, например, в машиностроение, легкую промышленность. Таким образом, когда дело доходит до отраслей, где по определению новые технологии выступают как локомотив экономики и ее технологическое ядро, то им достаются лишь “крохи”.

Но парадокс заключается и в том, что вытащить структуру нашей экономики на другой уровень могут не только, вернее не столько приток финансовых ресурсов или инвестиций, сколько создание в обществе и экономике атмосферы *заинтересованности*[2]. Экономическими субъектами, способными обеспечить переход к новому технологическому уровню выступают капиталисты-предприниматели и потребители. Здесь можно согласиться с Л. фон Мизесом, который считает главной фигурой рыночной капиталистической экономики именно потребителя. Но, в то же время следует иметь в виду, что такая роль потребителя, способного подтянуть структуру общественного производства в направлении новой экономики и новой технологии лишь исторически конкретна и определенна. Она обусловлена тем этапом становления капитализма, на котором мы находимся, не более того. Получается, что для восстановления капиталистического рыночного хозяйствования необходимо восстановить, в нашем случае, а где-то и создать заново соответствующих субъектов, и потребителя - покупателя, в том числе. В той мере, в которой большинство потребителей - это лица наемного труда, значит - восстановить или создать капиталистического работника.

А что на другом полюсе? Как быть с предпринимателем - капиталистом и частно-индивидуальным предпринимателем? Ведь логика современного западного капитализма приводит к исчезновению именно индивидуального предпринимательства и фигуры *предпринимателя* в качестве *основного и исходного* экономического субъекта рыночно-капиталистического хозяйствования (в силу

---

[1] См.: Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. - М., 1981. - С. 64, 72.

[2] Здесь пока не ставится вопрос об адекватности интересов различных типов хозяйствующих субъектов их социально-экономическому положению в формирующейся экономической системе и своим потребностям.

диффузии собственности и институциализации хозяйственной деятельности). Особенно наглядно это проявляется в эпоху формирования неоэкономики.

В наших условиях нам предстоит определенное движение вспять: без формирования индивидуальной экономической активности и ответственности за издержки и доходы со стороны большинства членов общества невозможно и структуру экономики сделать такую, которая отвечала бы современным производительным силам, нашим потребностям и амбициям. Невозможно также решить и другие экономические и так называемые социальные проблемы.

В нашей ситуации потребности и потребление могут стать импульсом для производства и экономической динамики в большей степени, чем в западной экономике. Потребности известны и практически сформированы не только открытием нашего общества в конце 80-х годов (здесь речь может идти о потребностях в отдельных товарах и услугах, которые нам не были известны или были недоступны), но и нашим предшествующим развитием, в котором сформировались элементы мировоззрения Нового времени. Характерным для буржуазного социума измерением человека и его отношений являются *рациональность* как индивидуальное целеполагание деятельности и *полезностно-утилитарное* отношение к миру. В своей недавней истории мы, несмотря на идеалы социализма, в повседневной жизни были носителями этих атрибутов, на первый взгляд, лишь западно-европейского мировоззрения. Правда, "полезностно-утилитарное" и "рациональное" в нашем бытии не стали *принципами хозяйствования*.

В течение социально - экономических преобразований последних десяти лет, мы вполне открыто ориентируемся на принципы полезности и выгодности. Хотя социологи и психологи при анализе результатов массовых опросов населения отмечают нерациональное отношение к условиям своей жизнедеятельности и, в том числе, хозяйственно-экономической, это *нерациональное* вполне можно объяснить. Во-первых, времени с момента “открытия” нашего общества и открытого же *присвоения этого мотива* прошло очень мало. Во-вторых, сферы для проявления большинством этого мотива сужены сохраняющимися отношениями личной зависимости, в разных их формах, и глубоким кризисом экономики.

Глава 5 Трансформация экономических субъектов: исторические и логические предпосылки формирования переходных производственных отношений

5.1 Становление экономических субъектов в истории и логике российского капитализма

Прежде чем говорить об особенностях персонификации производственных отношений трансформационной экономики и ее противоречиях, необходимо выяснить социально-экономический характер и основное содержание этих отношений. Вернее, в самом *характере* производственных отношений современного российского социума, в основных его хозяйственно-экономических *формах* и заключаются особенности их *персонификации* или *олицетворения*. В свою очередь, и характер и содержание этих отношений являются продуктом прежнего исторического развития российского социума и хозяйственно-экономической системы. Здесь как раз мы наблюдаем тот самый случай, когда "прошлое имеет" особо важное "значение".

Однако "полная и окончательная" идентификация общественной формы производства, формирующейся в трансформационный период, невозможна по одной причине: историческое время, прошедшее с начала преобразований, недостаточно для каких-то определений, тем более, однозначных. Речь идет не о дефинициях, а о взращивании, вырастании, формировании хозяйственно-экономических отношений и структур. Если только не предположить, что процессы и явления, подлежащие идентификации, начались не 10-15 лет тому назад, а происходят, в частности, в нашем государстве не одно столетие.

В той или иной степени однозначное определение[1] направленности или "вектора" развития[2], господствующей формы общественного производства или способа производства, складывающихся в трансформационный период и "схватить" в экономических категориях хозяйственную реальность и является научной проблемой.

Здесь открывается широкое поле для дискуссий, ибо сама наша экономическая реальность настолько разнородна, разнохарактерна по формам хозяйствования, способам ее координации, экономическому поведению ее участников, налаживанию и организации хозяйственных связей и процессов[3], что трудно найти для ее описания единый научный язык. Такой язык, который позволит и в этом "хаосе" увидеть если не саму целостность производственных отношений, то хотя бы ее предпосылки и основные контуры.

---

[1] Здесь, - не только дать качественное, содержательное описание в соответствующих категориях экономической науки, но и сами эти категории, как формы хозяйственной деятельности признать сформировавшимися, имеющими определенную социально-экономическую "окраску", тональность, социально-исторический смысл.

[2] О "самоопределении" России в противоречивых "координатах мирового развития" (конкурентной, частнособственнической, рыночной координатах, с одной стороны, и нерыночных, - с другой) см.: Пороховский А.А. Вектор экономического развития. - М.: ТЕИС, 2002.

[3] См., в частности: Колганов А.И. К вопросу о власти кланово-корпоративных групп в России. // Вопросы экономики. -.2000. - № 6. - С.114-125.

Здесь - проблема методологии (в очередной раз!), которая в данном случае обнаруживается в том, каким именно по содержанию следует рассматривать сам переходный или трансформационный период. От чего к чему мы переходим? Ответ на этот вопрос зависит от того, каким мы видим историческое развитие человека и признаем ли мы это развитие как таковое. Здесь представляет интерес анализ проблемы исторического развития с точки зрения эволюционной или институциональной теории или же цивилизационного, а также формационного подходов. Так эволюционный подход к проблеме требует описания процесса перехода в категориях борьбы за существование, естественного отбора форм, структур и институтов, выживания сильнейшего. В данном случае категориальным "инструментарием" описания трансформационных процессов выступает вся атрибутика природоподобного развития, точнее - эволюции.

Поскольку для решения нашей основной проблемы - экономического субъекта, как исторически действующего в сфере хозяйственной деятельности лица, - наиболее адекватным является формационный подход, то попробуем и к нашей экономической реальности подойти с этих позиций и описать ее в соответствующих категориях. Не в терминах, а именно в *категориях*, как *формах деятельности конкретно исторических индивидов* в конкретно исторически социальном контексте.

Таким образом, определение, выявление характера производственных отношений в современной российской экономике (а также, по возможности, направленность их развития) обусловливает необходимость вновь обратиться к логике и истории российской хозяйственной системы[1]. Можно, конечно, от этой логики (и истории) отказаться, и начать, так сказать, вновь с "чистого листа", как мы это неоднократно делали. Но сделать это можно только в официальной сфере нашего бытия, которая для большинства из нас выглядит как отчужденная от нас же общественная жизнь. В то время как наша частная жизнь (духовная и практическая) еще долго будет состоять из форм хозяйственной, экономической, политической, нравственной деятельности, сложившихся в прошлом (или доставшихся нам от прежних поколений, или созданных нами же) и имеющих для нас значение.

Каким бы ни было раздвоение человеческого бытия[2], оно всегда требует

---

[258] Внимание, которое уделяется в последнее время судьбам российского капитализма обусловлено как текущим моментом (ведь наше общество осуществляет переход не столько к рыночной экономике, сколько к капитализму), так и потребностями методологического характера - определением места и значения цивилизационного, формационного, институционального и других подходов к истории человечества в современном обществознании, и, в частности, в экономической теории. См.: Развитие капитализма в России - сто лет спустя / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Е.С. Зотовой. - М. - Волгоград, 1999; Критический марксизм: продолжение дискуссий /Под ред. Бузгалина А.В. и Колганова А.И. - М., 2001; а также: А. Фурсов. Колокола истории. - Ч.1. - М., 1996; Черковец В.Н. Политико-экономические проблемы перехода от плановой системы производства и воспроизводства к рыночной // Формирование экономической системы России в координатах мирового развития / Под ред. К.А. Хубиева. - М.: ТЕИС, 2001. - С. 14-40; Сорокин А.В. Экономика России: политико-экономическая модель. Там же. - С. 60-94 и др.

[4] В отличие от других способов раздвоения мира человеческого существования: на посюсторонний и потусторонний миры, на мир материальной и мир духовной жизни, которые свойственны (и

от индивидов нахождения способов разрешения противоречия между мирами их существования, уровнями и пластами их деятельности. Если таковых не находят, вернее, не создают, а просто внешне "примиряют" их между собой, то пропасть между частной и общественной сферами жизни индивидов, между прошлым опытом и настоящими проблемами, между целями развития и ресурсами все более и более углубляется.

Продуктивное же разрешение указанного противоречия состоит в диалектическом отрицании (снятии) прежних форм общественной, производственной, хозяйственно-экономической жизни и созидании новых, отвечающих новым смыслам, потребностям, интересам индивидов. Практическое созидание индивидами форм их хозяйственной жизни есть, по сути, присвоение ими этих форм в процессе постоянной их деятельной активности, а также присвоение-усвоение опыта предшествующих поколений и своего собственного. Если такого присвоения не происходит для большинства индивидов, то консервация или отрицание, без диалектического снятия, прежних форм и отсутствие импульсов к созиданию новых не оставляют надежды на развитие.

Здесь возникает проблема идентификации этих самых форм хозяйственной, экономической, производственно-созидательной деятельности людей в каждый исторический период, что должно способствовать пониманию того, от чего к чему идти в историческом процессе.

Современный человек, продолжая оставаться носителем мировоззрения Нового времени, руководствуется принципом рациональности, предполагающим единство целеполагания и целевыполнения в деятельности каждого индивида. Адекватность определения общественно-экономического строя, являясь научной задачей, в то же время может оказать влияние и на нашу повседневность, обеспечивая более или менее осознанные и возможно артикулированные постановку и решение проблем и задач, а значит и наших интересов.

В наших попытках разобраться в судьбах России, все-таки, имеет место некоторая "сиюминутность", обостренная актуализация (в первоначальном значении этого слова - как акцент на происходящем "здесь и сейчас"). Мы рассматриваем российское общество и проблемы "вписания" его в русло так называемой западно-европейской цивилизации (модернизацию, либерализацию и пр.) сопоставляя достигнутое нами или недостигнутое на этом пути с достижениями наших "визави". При этом мы чаще всего не рассматриваем социально-экономическую историю России в более широком (да и глубоком) контексте *развития человека***.** А в этом контексте и сами процессы "модернизации - либерализации - капитализации" имеют свое предназначение и выполняют свои функции.

Если признать за одну из этих функций - освобождение индивида от личной зависимости и присвоение им свойств и качеств субъектности[1] - каж-

---

остаются таковыми) всем известным до сих пор типам социумов - раздвоение на частную и общественную жизни индивида является продуктом более поздних отношений - буржуазных.

[1] Хотя субъектность эта выступает, как мы пытались показать, в форме *деятельной* активности, способности к выбору, ответственности за него, однако, пока еще только в границах вмененных издержек, или упущенной выгоды и полезностного отношения к миру, то есть, преимущественно в

дым из нас, - то по-другому видится многовековая попытка российского социума встать на этот путь - путь буржуазного развития. Как уже отмечалось в данной работе, здесь Россия демонстрирует не столько догоняющее или опережающее, сколько *восстанавливающее* развитие, в ходе которого формы хозяйствовенно-экономической деятельности индивидов, не освоенные прошлыми поколениями, не реализовавшие себя в свое время, не исчерпавшие своих возможностей "возвращаются" и требуют освоения-присвоения последующими поколениями россиян.

Таковыми для нашей экономической истории являются *развитые* товарно-денежные отношения и вся пирамида отношений и форм, надстроенных над собственно товарным производством и выросших из него: *развитые* же капитал и его многочисленные формы, также капиталистическое накопление и соответствующий всему этому *обезличенно - рыночный* механизм регулирования хозяйственной деятельности индивидов.

Именно *обезличенность* отношений между участниками хозяйственных процессов является одним из критериев развитости вышеназванных форм хозяйственной деятельности[1], выражающейся, через ряд посредствующих звеньев, в экономической эффективности. Благодаря обезличенности, анонимности хозяйственных, производственных отношений людей обеспечивается значительнейшая экономия издержек производства и обмена и достигается экономический оптимум - максимум результата при минимуме затрат[2].

Если Россия неоднократно возвращалась и возвращается вновь[3] к этим

форме *деловой* активности. В то время как по существу происходит "лишение" индивида функций субъектности и "передача" ее этому "абстракту" - стоимости. О том, что стоимость, в форме капитала, превращается в "самодействующий субъект", в "саморазвивающийся субъект" говорил Маркс. См.: Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. Т.24. - С. 160-161. В Советское время эту проблему разрабатывал, в частности, Э.В. Ильенков. См.: Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. - М., 1997. В развитие этой темы - также: А.В. Бузгалин о тотальной гегемонии современного корпоративного капитала в работе "Критический марксизм..."(с. 72-126); А.Г. Дугин о сверхсубъектности и "магокреативных потенциях капитала". См.: Развитие капитализма в России - сто лет спустя... - С. 279-285; Ю.М. Осипов о роли "суперстоимости" в "суперэкономике". См.: Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика /Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. - М., 2001. - С. 5-10; а также более раннее его положение о трасцендентном характере стоимости. См.: Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. - СПб., 1996. - С. 7-21.

[1] Свидетельством этому является экономическая система "позднего" капитализма, в которой фондовый рынок, с его абстрактным, однородным товаром - стоимостью, - "всему голова".

[2]Это только одна сторона товарно-капиталистических форм хозяйственной деятельности, причем, развившаяся в наши дни в странах "первого эшелона" в свою противоположность: обезличенность отношений увеличивает трансакционные издержки и понижает эффективность хозяйственной деятельности. Это имеет отношение, в первую очередь, к сектору наукоемких производств. Но с другой стороны, в секторах экономики, где отношения обезличены в большей степени (фондовый рынок!), эффективность капитала остается наивысокой. Точно также как, и в тех секторах, в которых персонализация хозяйственно-экономических отношений получила развитие в большей степени (отрасли неоэкономики) имеют место показатели наивысшей эффективности. Здесь обнаруживается противоречие обезличенности и персонифицированности экономических отношений в условиях "позднего" капитализма и необходим поиск специфических форм его разрешения.

[3] Несмотря на то, что с самого начала переходных процессов было болееили менее ясно, что мы создаем (или восстанавливаем) экономику капиталстического типа, а не "просто" рыночную, в экономической литературе это признается немногими авторами. Так профессор В.Т. Рязанов опреде-

формам, то не ради изобилия товаров и услуг, быть может (хотя большинство из нас хотели бы иметь более комфортные в вещно-физическом смысле слова условия жизни). Скорее всего, смысл восстанавливающего развития для российского социума в обретении той ступени свободы, которую люди создают, или выбирают для себя, заменяя личную зависимость вещной.

Так вот, если вернуться к этим самым не освоенным нами (российским социумом) формам хозяйственной деятельности, то, рассматривая их с вышеобозначенных позиций, можно обнаружить такую их черту как *несвоевременность*. Она обусловлена взаимной неадекватностью этих форм и отношений и их субъектов. С точки зрения логики человеческого развития (как последовательного освобождения индивида, его "очеловечивания") адекватные субъекты этих форм остались в прошлом, где они, эти формы и отношения, были вызваны к жизни, должны были сформироваться как ответ на новые смыслы, потребности, интересы соответствующих поколений соответствующего социума, но не сформировались. Возникает вопрос: почему? Но на него труднее всего ответить.

Последующие поколения получают в наследство, в данном случае, не столько готовые к присвоению - освоению формы и отношения, или хотя бы, не достроенные, не доработанные, может быть, только в деталях, сколько законсервированные и закрытые для себя как наследников. Здесь как раз и обнаруживается то, что Н. Бердяев назвал ”характерным свойством русской истории”, а именно, длительно сохраняющуюся “потенциальность, "невыраженность", "неактуализированность" сил русского народа”, которые еще в XIX веке рассматривались как “залог его великого будущего[1].

Наступает момент, когда ранее нерешенные проблемы и задачи (с точки зрения той самой логики истории) вновь встают перед человеком и обществом, а прежде не освоенные отношения вновь обнаруживают себя, но уже перед новыми субъектами, которые и осваивают-присваивают их, однако под “чужими именами”. Так мы получаем “крепостную промышленность”, “помещичье-дворянское предпринимательство”, “социалистическую индустриализацию”, “плановые цены”, “социалистическое накопление”, “планируемое товарное и денежное обращение”. Но у этих новых субъектов - свои задачи, соответствующие их смыслам, потребностям и интересам, ведь они живут в другое время и в другом социальном пространстве. Вот и получается, что прежние формы “вернувшись”, накладываются, наслаиваются на новые, актуальные для нового поколения. И эти новые субъекты вынуждены решать проблемы, задачи, ставить цели и искать средства для их достижения, часто порожденные разными

ляет характер “реформы шокового типа в России и в странах Восточной Европы ... как попытку проведения либерально-капиталистической (буржуазной) революции”. См.: Рязанов В.Т. Смена трансформационной модели в России: причины и перспективы // Шансы российской экономики / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. - М., 1997. - С. 230. Дело в том, что, только определившись с характером “конечной модели общественно-экономического устройства”, можно ответить на вопросы "о целях и движущих силах реформы, о ее последствиях ... о допустимой цене потерь, возникающих при ее проведении", а не наоборот. См.: Там же. - С. 229.

[1] Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. - М., 1997. - С. 6-7.

эпохами, относящиеся к разным уровням человеческого бытия[1]. Это приводит к появлению не просто переходных форм, а скорее полуформ или превратных форм[2] и к дезориентации хозяйственной деятельности людей, что превращает самих индивидов, как носителей этих полуформ, - в "полусубъектов"[3].

Мы вновь и вновь возвращаемся[4] к некоей исходной точке либерально-буржуазных преобразований и всякий раз начинаем с нуля - с некоторых форм первоначального накопления капитала, которое также всякий раз не завершаем, по крайней мере, одну из его сторон точно - процесс формирования свободного индивида, свободного от личной зависимости. О том, что *это* уже было в нашей истории если и вспоминаем, то не практически-созидательно, чтобы завершить (довершить) формы и отношения, не освоенные прежними поколениями, а скорее познавательно, как факт далекой истории.

Получается, что Россия демонстрирует скорее движение *не по спирали*, а *по кругу*[5]. И круг этот, в данном случае, есть буржуазный социум, не развернувшийся в линейную перспективу, как в странах Западной Европы и Северной Америки, во всех своих определениях и атрибутах (частной индивидуальной собственностью, капиталистическим воспроизводством, рыночным механизмом регулирования деятельности хозяйствующих субъектов, массовым потреблением благ и услуг - вплоть до социальных программ), а, превратившийся в клубок.

Исследования отечественной культуры Древней Руси и Средневековья[6] показывают, что на переломе этих двух эпох (XVII век) происходят важнейшие изменения в мироотношении и миропонимании российского социума, сравни-

---

[1] Подобное сосуществование хозяйственно-экономических форм, возникших и освоенных индивидами в прошлом, с формами, актуальными для более поздних поколений, характерно для любых типов социумов. Но там, как правило, эти формы и отношения оказываются завершенными и исчерпавшими себя в качестве *всеобщих* для прежнего типа социально-экономической системы и существование их в новой системе ограничено ее периферией. В качестве таковых могут быть названы рабовладение в период становления американского капитализма или различные формы самозанятости в ныне экономически развитых странах.

[2] Здесь подходящими для подобных хозяйственных явлений будут также определения с приставками "псевдо" или " квази". Так, в пореформенной России, подчеркивает Р. Нуреев, "феодальная система земледелия использует капиталистические методы и *псевдокапиталистические* (курсив ной - С.Б.) формы для укрепления своего господства". См.: Развитие капитализма в России - сто лет спустя... .- С. 100.

[3] Уместно будет (вслед за Р.М. Нуреевым) процитировать В.И. Ленина, который выразил сложность и диалектику "процесса" (развития капитализма в земледелии), отметив, что "... крупное отработочное хозяйство уступает место крупному капиталистическому не всегда "непосредственно", а сплошь и рядом создавая слой полузависимых, полубатраков, полусобственников..." См.: Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии //Полн. Собр. Соч. - Т. 6. - С. 333.

[4] С точки зрения метафоры, наши попытки такого *восстанавливающего* освоения - присвоения - создания можно представить, вспомнив фильмы "День сурка" и "Зеркало для героя", где главные герои попадают в ситуацию остановившегося времени и ежедневно повторяющихся одних и тех же событий, из которой не могут найти выхода.

[5] Известно, что время было циклическим, двигалось по кругу для архаичного человека, да и для человека средневекового феодального социума, в силу включенности его в природные процессы в своей материальной деятельности, вернее, своей материальной деятельностью. Мировоззрение российского социума в своем *ядре* еще содержит архетипы такого мировосприятия.

[6] См.: Лихачев Д.С., Панченко А.М. "Смеховой мир" Древней Руси. - Л., 1976; Панченко А. О русской истории и культуре. - СПб., 2000.

мые по своему содержанию с изменениями в мировоззрении западноевропейских народов, а в целом идентичные им, происходившим в это же самое время. На некоторых положениях остановимся подробнее.

Для древнерусского православного мировоззрения, как отмечает А.М. Панченко, был характерен "принцип эха", в соответствии с которым "человеческое бытие ... трактовалось...как эхо прошедшего, точнее, тех событий прошедшего, которые отождествлялись с вечностью"[1]. Согласно этому принципу все события церковной и мирской жизни являются эхом одного - главного события для православного человека - Воскресения Христова, которое еженедельно, ежегодно "обновлялось". В древнерусском понимании "обновление" - это не "новаторство", не преодоление традиции, не разрыв с нею. ... Если рассматривать "обновление" как движение, то это движение не только вперед, но и вспять, постоянная оглядка на идеал, который находится в вечности и в прошлом, это попытка приблизиться к идеалу"[2]. Вот эти представления подверглись пересмотру и изменению в период перестройки древнерусской жизни.

Теперь "исторический акцент переместился с вечности на землю, с прошлого на будущее ... В связи с этим естественно изменилось и отношение к настоящему. Если прежде настоящее воспринималось как эхо прошедшего, то теперь оно стало зародышем будущего. Понятие "обновления" приобрело тот смысл, который оно имеет и сейчас (в условиях господства мировоззрения Нового времени - С.Б.)", становясь делом "рук человеческих", накоплением нового, "того, что не делали и не сделали раньше". Далее А. Панченко делает одно дополнение, имеющее существенное значение для логики развития российского социума, а именно: "Барочная "новизна" есть преодоление прошлого, а в русских условиях - полный и решительный с ним разрыв"[3]. Видимо, этот разрыв с прежними формами общественного бытия (своего и предыдущих поколений) явился результатом крайне выраженного раскола общества на "верхи" и "низы"[4].

Одно из объяснений этого явления находим у Н. Бердяева, который подчеркивает: "Русские - раскольники, это глубокая черта нашего народного характера", а сам характер раскола (речь идет о расколе XVII века) определяет как протест против "государственного абсолютизма и деспотизма" и "государственной церковности"[5]. Однако вопрос о формах проявления русского раскола не снимает проблему его причин и глубинной подоплеки. Все-таки это был перелом в древнерусском мировоззрении, когда по-другому увиделось противопоставление двух миров: посюстороннего и трансцендентного. Произошел подрыв "почвы" и начался поиск и формирование новой.

Можно предположить, что, в поисках вектора развития России и попытках идентифицировать социально-экономический строй, формирующийся у нас

---

[1] Панченко А. Указ. Соч. - С. 77.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] В свою очередь, противопоставление и разрыв между верхами и низами социума логически и исторически связан с ранее обозначенным раздвоением человеческого бытия на трансцендентный и мирской порядки, сложившимся еще в архаичном социуме.

[5] Бердяев Н.А. Указ. Соч. - С.11-12.

на протяжении нескольких веков, нам следует не противопоставлять этот строй западно-европейскому, остающемуся, по сути, буржуазно-капиталистическим, а выявлять особенности нашей буржуазности.

Российский капитализм имеет давнюю историю. Только "капиталистичность" эта особого, специфического свойства. Она обусловлена многими обстоятельствами, среди которых называются (и исследуются) природно-климатические, национально-этнические, культурно-исторические условия и факторы. В качестве предпосылки тех или иных социально-экономических процессов природно-климатичесие или природно-географичские факторы играют огромную роль, что никем не отрицается.

Однако, при условии, что социально-экономические, социо-культурные процессы принимают самовоспроизводящийся характер, природно-географический фактор утрачивает свое прежнее значение, а социо-культурный (культурно-исторический или институциональный) фактор развития общества становится преобладающим. Капитализм в России, существующий в тех или иных формах производства, устройства общественной и индивидуальной жизни, экономических и социальных структурах и институтах в течение более чем трех столетий, так и не стал самовоспроизводящимся процессом. Поэтому такое большое значение у нас и в практической деятельности, и в теории и идеологии придается как природно-географическому, климатическому фактору, так и национально-этническому, тесно связанному с первым. Возникает вопрос, как долго мы будем апеллировать к этим предпосылкам и факторам нашего хозяйственно - экономического и, в целом, социо-культурного развития, слабо пытаясь объяснить наши проблемы (в смысле - трудности) собственными противоречиями последнего?[1]

Способ представлять наши проблемы и рассматривать перспективы нашего дальнейшего существования и развития, как лежащие в плоскости природно-географических и национально-этнических условий, предпосылок и факторов, можно трактовать в качестве методологического принципа, теоретического объяснения истории, логики и современного состояния российского со-

---

[1] Здесь представляет интерес одна из таких масштабных попыток, предпринятая А.С. Ахиезером. Ему удалось, на мой взгляд, описать под определенным углом зрения (скорее - либерально-буржуазным, хотя самим автором последнее скорее не признается) реалии нашего общества как давнего, так и совсем недавнего прошлого, разработав для этого специальный категориальный аппарат. Им верно схвачены наши давнишние, но так и нерешенные проблемы (раскол общественного и индивидуального сознания, повседневности и исторического процесса, слабость рефлексии как способа соединения мысли (слова) и дела, теории и практики и др.). Однако проблемы эти рассмотрены им вне конкретно-исторического контекста (не смотря на уже упоминавшуюся либерально-буржуазную позицию автора), в результате получается, что социо-культурное развитие индивида, как содержание мировой истории, сводится здесь к индивидуально- или коллективно-психологическому, невольно выдаваемому за социо-культурное. Впрочем, здесь нет возможности более подробно останавливаться на исследовании А.С. Ахиезера, хотя оно достойно тщательного анализа. См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). - Т. I. От прошлого к будущему. - Т. II. Теория и методология. Словарь. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - Новосибирск, 1998.

циума[1]. Проследим, каковы реальные и возможные результаты такого подхода.

В одной из работ[2], (составитель сборника и автор предисловия О.А.Платонов), в которых делается акцент на национально-культурных особенностях и природно-географических факторах развития нашей хозяйственно-экономической деятельности, находим характеристику российского социума. Здесь отмечены такие его черты, как "преобладание духовно-нравственных приоритетов жизни над материальными, культ добротолюбия и правдолюбия, нестяжательство, развитие самобытных коллективных форм демократии, воплотившихся в общине, артели..."[3]. Видимо мы наблюдаем попытку объяснить особенности нашего *хозяйственно-экономического* развития, исходя из *духовно-нравственных, этических* оснований и, подобно М. Веберу (он, как известно, попытался обосновать возможность капитализма только в пространстве западно-европейской цивилизации, где получила распространение протестантская этика), показать, почему у нас *невозможен* буржуазно-капиталистический строй.

Не подвергая сомнению те черты духовно-нравственного облика российского, русского народа, (впрочем, как и любого другого), о которых пишет, в частности, О.А. Платонов, остается, в целях нашего исследования, выяснить следующее. Во-первых, насколько верен сам тезис о формировании капиталистического хозяйственно-экономического строя под преобладающим влиянием определенных духовно-нравственных идеалов и ценностей?[4]? Во-вторых, насколько правомерно ставить эти черты в один ряд? Ведь некоторые из приведенных свойств этического облика русского человека (народа, социума), такие как "преобладание духовно-нравственных приоритетов над материальными", "нестяжательство" и другие, о которых речь пойдет далее, представляют собой скорее черты мировоззрения, присущие людям в определенную историческую эпоху[5], нежели национальные (в культурном или этническом смысле слова) черты какого-либо народа. Но как часто такое конкретно-историческое выдается за национально-культурное и даже за национально-этническое!

Если высшим критерием для оценки хозяйственной системы "российской цивилизации" является "самодостаточность и самоудовлетворенность", то тогда речь может идти и о западно-европейском и об азиатском феодально-

---

[1] См., например: Кульков В.М. Национальный стиль экономической методологии (С.Н. Булгаков и современность) // Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. - М.: Изд. Моск. ун-та, ТЕИС, 1998. - С. 222-232; его же: Объективные основания российской модели экономики // Формироавние экономической системы России в координатах мирового развития. ... - С. 49 - 53; Национальная экономика как объект экономической теории // Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания ... - С. 37-47.

[2] Экономика русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. - М., 1995.

[3] Там же. - С. 5.

[4] Это, впрочем, является самостоятельной проблемой.

[5] Именно в средневековую эпоху (имеется в виду западно-европейское средневековье) материальные, социально-экономические проблемы человека переводились в морально-нравственный и религиозный план. Также мыслилось, что "подлинная жизнь человека - это жизнь души, единение с Богом" См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. - М., 1990. С. 27.

средневековом социуме, где имело место подобное хозяйственное устройство, (да и о более ранних - архаичного типа, социумах). Да и другие принципы функционирования "русской модели экономики"[1], представляют собой принципы устройства хозяйственной жизни скорее архаичного и средневекового обществ, нежели специфически российско-русского.

С другой стороны, часто исследователи, апеллирующие к нашей "особости" в хозяйственно-экономическом отношении, не учитывают, что эти *особые* хозяйственные формы и уклады духовной жизни уже *подверглись изменению, трансформациии и* даже *преодолению, отрицанию* в ходе российской Реформации XVII века, реформ Петра I, Екатерины II, Александра I, явных (проходивших под собственным названием) буржуазно-либеральных реформ во второй половине XIX века и последующих нескольких волн буржуазных революций XX столетия (не всегда явно буржуазных, но по сути таковых).

Здесь возникает дилемма: рассматривать ли эти преобразования, как не соответствующие национальной идентичности русских в качестве субъектов хозяйственной деятельности, или видеть здесь проявление логики истории.(логики развития человека в направлении от личной зависимости к вещной зависимости и от нее - к свободной индивидуальности). Это один из важнейших вопросов отечественного обществоведения, оставшихся нам в наследство от прошлых поколений, в виде их духовных исканий, и сохранивших свою актуальность[2].

---

[1] Экономика русской цивилизации... - С. 5-7.

[2] Вовлекая в анализ хозяйстенно-экономических форм человеческой деятельности мировоззренческую и историософскую проблематику О.С. Платонов отмечает, в частности, что, "спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий (в противовес западно-европейскому христианскому индивидуализму "с его установкой на личное спасение" - С.Б.) и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд". См.: Экономика русской цивилизации... - С. 10. Однако, следует иметь в виду, что с определенного времени, а именно начиная с XVII века, "жизнь и покаяние на миру" понимается скорее не в смысле на виду у всех или со всеми вместе (как предполагает цитируемый автор, хотя из контекста его фразы следует как раз другое), публично (как это происходило в архаичном социуме, где еще не было раздвоения жизни индивида на частную и общественную), а в значении происходящего в мирской жизни, в повседневности, т.е. в посюстороннем мире, о чем и говорит акцент автора на упорном труде.

Если подчеркивать действительно национальные черты хозяйственной деятельности русского или российского человека, то в качестве одной из них можно назвать подвижничество. Но его можно скорее определить как черту национального характера: способность любое дело, поступок, преодоление препятствий из повседневных превращать в подвиг. Здесь можно согласиться с авторами, утверждающими, что хозяйственная деятельность в суровых природно-климатических условиях нашей страны всегда требовала особых усилий и труда. Но ставить рядом подвижничество и упорный труд, как нравственные идеалы, и рассматривать их в контексте хозяйственно-экономической жизни русских (там же. - С. 10), означает, тем самым, осуществлять подмену хозяйственных проблем нравственными и духовными проблемами и наоборот.

Такое их замещение и, в результате, совпадение и было как раз характерно для средневекового мировоззрения. А если оно имеет место в нашем сознании, то это, скорее всего, говорит не о нашей национально-хозяйственной специфике, а о том, что в нашем мировоззрении есть пласт, соответствующий средневековому социуму. Разве для представителей народов Западной Европы или Азии (или других регионов мира) - крестьян, ремесленников, рабочих, купцов, да и первых промышленников (речь идет о соответствующей эпохе) не характерен упорный труд? Кстати, хотелось бы напомнить, что возведение труда в добродетель свойственно буржуазному мировоззрению. Но вот считать

Перенесение критериев, норм, оценок человеческих поступков и деятельности, в том числе и хозяйственной, из сферы трансцендентного, потустороннего мира, в посюсторонний, - мир повседневной жизни и деятельности человека и представляет собой по существу главное содержание революции в мироотношении и мировоззрении в эпоху становления буржуазного строя и капитализма. Эти процессы, получившие название “обмирщения”, “десакрализации” жизни индивидов, происходили почти одновременно как в Западной Европе, так и у нас, хотя с разной степенью глубины и интенсивности.

Там сами эти процессы были вызваны экономическими преобразованиями - интенсивным развитием торговли, кредита, разложением феодальной земельной собственности, коммутацией ренты, а значит разложением отношений личной зависимости. Это происходило как в деревне, так и в городе, где утрачивали свое значение ремесленные цеха и поднималось мануфактурное производство; к тому же, в эти процессы вовлекалось все больше и больше населения западно-европейских государств. У нас же процессы, представляющие формирование нового мироотношения, во-первых, не были предварены достаточно интенсивным экономическим развитием, во-вторых, олицетворялись преимущественно элитой, ибо “верхи предлагали русским людям новое будущее”[1]. Во всем остальном, что касается перестройки духовной жизни в рассматриваемый период, у нас происходили идентичные процессы: движение “боголюбцев” как протест “низшего приходского клира” против епископата (в крепостной зависимости от которого было 8% населения)[2]; просветительство; “замена веры культурой”, а духа – интеллектом[3], наконец, раскол церкви, - эти и другие проявления русских Ренессанса и Реформации, будучи по сути символами буржуазного мировоззрения, должны были стать буржуазными же предпосылками капитализма. Но не стали.

Впрочем, массовое бегство-переселение старообрядцев на север, за Урал, в Сибирь и хозяйственное освоение ими новых территорий (как и военное, а затем и хозяйственное освоение земель казачеством) означало очень многое для становления буржуазного социума. Здесь можно отметить не только но-

---

упорный труд подвигом - это действительно наше “изобретение”. Между трудом и подвигом есть существенное отличие, которое обусловлено тем, что они имеют отношение к разным пластам или уровням человеческой деятельности.

Труд - это деятельность с целью удовлетворения потребностей и средство повседневного выживания индивида, как частного лица, и его семьи (не имеет особого значения обособленно он это делает или сообща с другими). А подвиг есть преодоление повседневности поступков в направлении нравственного идеала или смысла. В труде человек заинтересован. В подвиге же принципиально нет никакого интереса, а есть отречение от него, выход за пределы полезности и интереса, которые, здесь можно повториться, всегда частно обособлены. Труд может стать подвигом, если твориться во имя *всечеловеческих* идеалов и смыслов (действительных или мнимых), но как часто мы наблюдаем это в нашей повседневности? Правда, в России труд - это еще и “жертва” какому-либо “жрецу”. Это, впрочем, говорит о несвободном характере как самого труда, так и его субъекта, а не об их национальной специфике.

[1] Панченко А. Указ. Соч. - С. 77.

[2] Этот протест получил “буржуазное” завершение только во времена царствования Екатерины II, когда была проведена реформа монастырского землевладения.

[3] Там же. - С. 75.

вые, некрепостнические формы хозяйства и земледелия. Можно рассматривать эти процессы как изменение социокультурного, социально-экономического порядков и механизмов их реализации, когда происходило формирование новых элит (становление и укрепление дворянства, в противовес родовой знати - боярству, и купечества), новых рынков и новых центров борьбы за распределение ресурсов - центров, противостоящих традиционному центру власти (можно вспомнить, например, основание Санкт-Петербурга). Здесь весьма наглядно представлено "обуржуазивание" социокультурного и социально-экономического пространства России: теперь граница между сакральным Центром и профанной Периферией проходит не между мирами - потусторонним и посюсторонним, а внутри посюстороннего мира, во многом утрачивая духовное значение и приобретая социально-экономический и территориальный характер. Более того, сама граница теперь весьма подвижна, так как обусловлена деятельностью и борьбой социальных сил, олицетворяемых разными группами и слоями нарождающегося общества.

Но, с другой стороны, эти новые центры, а также новые группы и новые элиты формировались не так интенсивно, как на Западе, так как не имели в своем основании достаточно быстро развивающихся товарно-денежных отношений - "новых рынков"[1]. Причиной тому были сохраняющееся и укрепляющееся крепостное право, с одной стороны, и нежелание и невозможность делиться властью и другими ресурсами со стороны традиционного центра - самодержавного государства, - с другой.

Почему оставалось незыблемым и даже укреплялось крепостное право в то время, когда в духовной сфере российского социума происходили радикальные, коренные изменения? Есть мнение[2], что это было "ответом" на формирование мировой цивилизации (буржуазно-капиталистического строя - С.Б.), структурно представленной разными "эшелонами". Россия, а также страны Центральной и Восточной Европы, не попав в "первый эшелон", вынуждены были довольствоваться ролью сырьевого придатка для более развитых стран. Именно потребностями европейского рынка в зерне объясняется в данном случае "вторичное закрепощение" крестьян в Европе в XVI, а в России - в XVII веке.

Но, следует подчеркнуть, что здесь имеет место объяснение сугубо внутренних процессов внешними причинами, а не собственными противоречиями и способом их разрешения. Ведь такого рода внешними факторами трудно объяснить закрепощение в России также и посадских людей, бывших прежде свободными. Правда, как всегда у нас не обошлось без парадоксов: взамен свободы сословия получили для себя привилегии и монополии (исключительное право на занятия торговлей и ремеслом - для горожан, монопольное право землевладения - для дворян) от государства. Можно конечно сделать ссылку на то, что "Соборное уложение" 1649 г. закрепостило именно два тягло-

[1] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. - М., 1999. - С. 171-178.

[2] См.: Ионов И.Н. Россия и мировая цивилизация // Отечественная история. - 1992. - № 4; Его же: Российская цивилизация, IX - начало XX. - М., 1995; а также: Фурсов А. Указ. Соч.

вых сословия - крестьянство и горожан, с целью пополнения казны, необходимость которого и была вызвана внешними угрозами. Однако, не все так просто.

Здесь вновь может идти речь о *восстанавливающем* развитии, т.е. о попытке освоения - присвоения форм общественной и хозяйственной жизни, не сформировавшихся прежде, но необходимых, с точки зрения логики истории, для того, чтобы решить новые задачи, стоящие перед новыми поколениями. Такой не освоенной формой хозяйственной деятельности для российского социума было частное феодальное землевладение, не обусловленное никакими формами личной зависимости между феодалом и верховной властью. Возможно, необходима была форма "чистой" частной собственности, а также свободные от власти феодалов формы хозяйственно-экономической деятельности в городах, функционирующих в Западной Европе в то время на основе магдебургского права. Конечно внутри этих форм (как в деревне, так и в городе) продолжали господствовать феодальные отношения и нормы крепостного права, но важным при этом было то, что общество структурировалось, выделялись сословия, корпорации, члены которых позицировались по отношению к другим структурам общества, происходило осознание и артикуляция, а значит и защита своих интересов.

Таким образом, в позднесредневековую эпоху в странах Западной Европы формировались новые центры соперничества и конкуренции, солидарности и сотрудничества, двигавшие вперед не только торговлю, но и производство[1]. Тем самым происходил подрыв личной зависимости (и, одновременно, обезличивание производственных отношений), а значит и самих феодально-хозяйственных форм.

Получается, что и здесь российский социум был вынужден решать двойную задачу - укреплять феодальные социально-экономические формы, не развившиеся и не реализованные в прошлом, и создавать буржуазные, или хотя бы протобуржуазные, как ответ на вызов собственной эпохи. Как это происходило, и что из этого получилось - мы знаем. Вопрос состоит в том, как эти результаты оценивать и какие делать выводы.

Предоставляя сословиям привилегии и монополии и одновременно закрепощая их[2] самодержавие - традиционный центр российского социума, - препятствовало дальнейшей структуризации общества, появлению новых групп и элит, и новых центров солидарности и борьбы за ресурсы и власть.

Здесь возможно, сказалось то, что в истории России не было рабовладения (ни в его классическом, то есть античном, варианте, ни в азиатском), что обычно трактуется как положительный факт. Однако, давая оценки, следует иметь в виду, что эпоха рабства в истории человечества также выполняла свою роль и функции. Здесь можно выделить процессы раннего классообразования и другие формы структурирования архаичного социума, вплоть до появления го-

[1] В качестве примера назовем средневековые ярмарки, как форму такого соперничества - сотрудничества: во время проведения оных отменялись строгие регламентации ремесленных цехов (объем и цена поставляемого товара, ширина прилавка и др.)

[2] Даже дворянское сословие было "закрепощено государству" См.: Плеханов Г.В. История русской общественной мысли: - В 3 т. - Т. 3.// Соч. - Т. XXII. - М., Л., 1925.

сударства и других институтов (разделения труда, частной собственности, противоположности города и деревни, появление профессионального разделения труда, товарного производства и денежных отношений, отделение ренты от налога). Хотя сами эти рабовладельческие, вернее, античные формы и институты развивались весьма противоречиво и нелинейно[1], результатом этой формы собственности, производства и социума явилась так называемая германская собственность, послужившая основой, в свою очередь, феодальной формы и ее хозяйственно-экономических институтов[2].

Отсутствие рабовладельческой формы общественного производства и соответствующих институтов на Руси сказалось в свое время в замедленном формировании феодальных отношений и атрибутов средневекового социума. Одним из таких атрибутов является *корпоративный* характер общины. В связи со значимостью проблемы общинного устройства русского социума в недавнем прошлом для отечественной обществоведческой мысли, на этом вопросе следует остановиться подробнее.

В истории человека, предшествовавшей капитализму, община как определенная историческая общность людей, подверглась существенному изменению в процессе преобразования античной формы собственности в германскую. В античном социуме имела место "первая последовательно развитая форма общности по месту жительства". Она же явилась и "первой развитой формой политической общности", как "первое развитое государство..."[3]. Характер этой общины меняется при переходе к германской форме собственности: она приобретает также черты, соответствующие этой последней. В той мере, в какой сама германская форма собственности представляла собой индивидуальную земельную собственность, германская форма общины являлась "организацией, направленной на защиту интересов индивидуальных собственников земли, корпорацией **землевладельцев**"[4].

По мере того, как из германской формы собственности вырастает средневековый феодальный социум, *корпоративный* характер этой деревенской общины обнаруживается более явно. Мы находим его и в организации духовенства и хозяйства монастырей, и в "институте майората", в цеховой организации ремесла. купеческих гильдиях и городских коммунах. Само политическое устройство жизни индивидов определяется при феодализме "организацией сословно-корпорационной общины". Здесь, кстати, происходит изменение и принципа "территориальности", обозначенного ранее как природно-географический фак-

[1] То есть с одновременным воспроизводством общинных отношений и институтов, которые однако служили уже предпосылкой частной собственности членов общины: быть частным собственником означало быть гражданином Рима, наоборот, только римский гражданин мог быть частным собственником.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 46. - Ч. I. - С. 468-472.

[3] Ф. Текеи посчитал необходимым сделать акцент на том, что "эти термины являются оригинальными", и могут быть видимо оспорены. Но в контексте рассматриваемой проблемы - индивид и общность- для этого автора было важно подчеркнуть, что впервые в истории "общность по месту жительства и общность политическая оказываются неразрывными. См.: Текеи Ф. К теории общественных формаций ... - С. 226.

[4] Там же.

тор, столь значимого в организации общественной и хозяйственной деятельности индивидов в определенные исторические эпохи. Он утрачивает, с одной стороны, прежнее, непосредственно политическое значение (когда государство как форма политического устройства общины непосредственно совпадало с *местом жительства* индивидов, а гражданство определяло отношения собственности). С другой, - сохраняет значение и оказывает влияние на хозяйственную и политическую жизнь людей, так как средневековый социум основывается еще на *земельной* собственности. *Территориальная ограниченность* хозяйственной деятельности индивидов в античном социуме утрачивается с переходом к германской форме собственности. Но при этом формируется *сословно-корпоративная ограниченность* в виде деревенской, монастырской и городской общины.

В то же время, с *экономической* точки зрения значение сословий и корпораций, и специализации труда, лежащей в их основе, трудно переоценить. Исключенность индивида из общества, из социальности, из своей общественной сущности[1] и "загнанность" ее (человеческой сущности) в узкие рамки специализации сословий и корпораций, обернулась более высоким развитием (по сравнению с античностью) производительных сил. Это послужило более интенсивному развитию товарно-денежных отношений, в основе которых - обособленное развитие особых видов труда и выделение абстрактного труда как формы общественной связи между ними. А без всего этого, как известно, было бы невозможным ни само *господство* (над производством) товарно-денежных отношений, ни буржуазное устройство социума, ни капитализм. Но главное, - не было бы возможно преодоление отношений личной зависимости.

В силу причин, которые до сих пор можно считать научно невыясненными, община в России долго сохраняла свою содержательную *территориальность*, слабо проявляя *корпоративный* характер. В таком виде она не давала возможности для проявления хозяйственно-экономической активности, заинтересованности и защиты этих интересов социальными группами и сословиями, не позволяя также в полной мере отделить интересы сословий и корпораций от интересов территориальной общины (городской или сельской), а внутри последних - индивидуальный интерес от общинного[2].

Таким образом, наш "экскурс" в историю и логику хозяйственно-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. I. - С. 312-313.

[2] Впрочем, проявления солидарности и консолидации интересов внутри сословий все-таки имели место. Так, например, участники "Комиссии об уложении" (1766 г.) - торгово-промышленное сословие ходатайствовало ("просило!" - как подчеркивает Г.В. Плеханов, об освобождении от обязательной службы государству - специфической феодальной повинности, от полицейских пут и, в числе прочего - разрешить приобретать "рабов" - крепостных крестьян! См.: Плеханов Г.В. Указ. Соч. - С. 111-119. Такая вот консолидация не против главного в то время притеснителя - самодержавного государства, а против более слабого сословия. И все же в России наблюдалось растянувшееся во времени формирование сословий: закрепление отдельных привилегий за ними происходило еще в начале XIX века в виде наделения дворянства (!) правом оптовой торговли зерном с заграницей, беспошлинного ввоза паровых сельскохозяйственных машин из Европы для барщинного (!) хозяйства помещиков. Как видим, происходило это вновь в превратных, искаженных, а значит, - не до-работанных, не до-развившихся прежде социально-экономиченских формах.

экономических и мировоззренческих отношений российского общества не позволяет однозначно ответить на вопрос: какой тип социально-экономической системы мы получили в наследство от прежних поколений россиян. Однако можно сказать с достаточной степенью достоверности, что Россия давно встала на путь буржуазно-капиталистического развития (правда, скорее буржуазного, чем капиталистического), что впрочем, мало кем отрицается. Отрицается сама необходимость для России этого типа социума. Но вот продвинуться по этому пути достаточно далеко, для того, чтобы решить те свои проблемы, которые относятся к буржуазной ступени человеческого развития, она пока не смогла.

Каковы же наши перспективы, в первую очередь, социально-экономические, ибо все другие наши проблемы, будь то "чисто" экономические (рост производства, проблемы инвестиций и сбережений, бюджетно-налоговые и денежно-валютные), или так называемые социальные проблемы экономики (неравенство в распределении богатства и доходов), или технологические проблемы (создание, расширение, укрепление сектора наукоемких производств и др.) - это все проблемы определенного социума или определенных индивидов, находящихся на определенной ступени развития - пока - буржуазно-рыночно-капиталистической. В той мере, в какой эти проблемы общие и для нас, и для Западных стран, и мы, и они, находимся "в одной лодке" - социально-экономическом пространстве буржуазного социума[1]. Но между нами есть существенное различие. Это различие заключается в субъекте.

В странах, называемых "развитыми", все противоречия хозяйственно-экономической жизни - это противоречия конкретного индивида, которые как бы проходят через него, вернее через его деятельность. У нас же этот процесс индивидуализации - субъективизации общественной жизни, и экономической, в том числе, может быть только в начале, в лучшем случае, в середине пути[2]. Поскольку у нас противоречия социально-экономической деятельности и производственных отношений не индивидуализированы, не присвоены каждым или большинством из нас, постольку они приобретают другие (или, по-другому) овещненные и институализированные формы. Пока, во многом, это противоречия либо между слоями общества: "верхами" и "низами", или, так называемыми элитой и массами, социальными и профессиональными группами; либо между индивидом, обществом и государством, либо между прошлым и настоящим в нашей истории.

Разрыв частного и общественного в российском социуме, несмотря на видимость коллективизма (или склонность к нему), - более глубокий, чем в об-

[1] Нам близка позиция В.М. Межуева, который считает, что Россия и Запад - это два типа развития одной и той же цивилизации. См.: Межуев В.М. Российский путь цивилизационного развития // Преодоление времени ... - С. 315-342.

[2] Это более вероятно с учетом псевдобуржуазного, как считает А.И. Колганов, или буржуазного (здесь мы согласны с М.И. Воейковым) характера советской эпохи, во времена которой мы уже решили часть буржуазных же задач. См.: Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления на научной конференции 21 -24 июня 2001 г. в Российской государственной библиотеке. Под ред. А.В. Бузгалина. - Т. 1 .- М., 2001. - С. 11-19; 137 - 140; а также: Критический марксизм... - С. 429-432.

ществах развитого капитализма[1]. В то же время, несмотря на идентичность нашего социльно-экономического строя, и, скажем, социально-экономического строя западной цивилизации (или еще кого бы то ни было), нам надо решать свои задачи (экономические и задачи становления свободного человека) “по мере их поступления” и без постоянной оглядки на “идеал”[2].

Итак, главное сейчас - это определение той *точки* развития буржуазного социума[3], в которой мы находимся. Это даст нам возможность и необходимость развивать - создавать - присваивать - усваивать - перенимать те хозяйственно-экономические формы, которые наиболее адекватны нашему *субъектному* потенциалу - потенциалу индивида и общества.

5.2 Субъект в социально-экономическом пространстве “реального социализма”

Как уже подчеркивалось, трансформационные процессы в России и в других "постсоциалистических" странах требуют своего субъекта - соответствующих социальных групп и индивидов, то есть тех, кто способен взять на себя ответственность за созидание новых отношений и механизмов их реализации, встать в центре социального пространства, организовать каналы связи с другими слоями общества. Возникает необходимость выяснить, какие цели будет преследовать субъект трансформации? А пока в наличии есть те, кто вышел из системы “реального социализма” (или советской экономической системы), а значит, несущие в себе, в своем опыте и в своих устремлениях прошлое. Каким же было пространство хозяйственной деятельности в советском обществе? Насколько оно было экономическим по содержанию и социалистическим по форме?

Несмотря на то, что уже больше десяти лет экономическая и социальная наука пытается ответить на эти вопросы, возможно время для содержательного ответа на них и всестороннего исследования советского общества, или "реально социализма", еще не наступило. Пока еще очень часто в описании нашего недалекого прошлого преобладает эмоционально оценочный подход, причем преимущественно негативного характера. Если в исследовании этой проблемы ограничиться влиянием на судьбы России XX века только Октябрьской революции, то легко найти "виноватых", но нельзя выяснить логику сложившейся системы и определить, почему она именно такая. Подобная позиция также не позволяет последовательно проследить связь этой логики с теми основными соци-

---

[1] О противоречиях экономической "субъектности" и особенностях их присвоения “западным человеком” мы говорили в предыдущем изложении.

[2] Например, насколько целесообразно было строить в 90-х годах прошлого века банковскую систему по образцу развитых стран, когда у нас и кредитные отношения, как таковые, отсутствовали, и деньги по своей природе тогда еще были не кредитными, а бумажными. Впрочем, наличие кредитных отношений можно поставить под сомнение и сейчас: ведь для их развития необходим не фиктивный или финансовый, а промышленный и ссудный капитал.

[3] Или - точки человеческого развития. Хотя в контексте заявленной проблемы принципиально (в методологическом смысле) важен акцент на буржуазной его ступени, выполняющей в этом развитии свою роль и функции.

ально-экономическими чертами советского общества, которые можно было наблюдать эмпирически на разных этапах ее развития. Речь идет о свойствах системы, "схватить" которые экономическая и социальная теория пытались в таких общих определениях как "государственный", "феодальный", "мутантный" социализм, административно-командная экономика, тоталитарное или мобилизационное общество и др. Здесь сам предмет подсказывает необходимость конкретно-исторического подхода в исследовании природы господствовавших в этой системе экономических отношений и хозяйственных форм.

Во многом нынешние процессы и проблемы трансформации общества и экономики обусловлены логикой предшествующего развития. "Энергия" прошлого воплощена в хозяйственных формах и отношениях, ценностных и экономических предпочтениях людей, а значит, в их деятельности и поведении. Причем, не обязательно эта энергия играет плохую роль в общественных трансформациях, хотя такая оценка имеет место[1].

Исторически "реальный социализм" начинался с обобществления-огосударствления, пройдя этапы от формального (национализация, коллективизация) к реальному (бюрократизация собственности и управления, организации и распределения ресурсов и результатов производства, вплоть до "планового фетишизма"), скорее, огосударствлению, чем обобществлению. Обобществление, в качестве провозглашенной предпосылки социалистических преобразований, предполагает двойственное положение индивида в макромасштабе экономики. Он одновременно должен был выступать в двух лицах: собственника и работника. В качестве субъекта собственности он должен был выполнять функции организации, управления, координации в экономике. В качестве работника его деятельность сводилась к трудовым функциям и операциям в соответствии со специализацией и профессионально-квалификационным разделением труда на определенном рабочем месте. В силу разделения деятельности и труда, углубляющегося в процессе индустриализации, и неспособности индивида непосредственно совмещать свои повседневные трудовые функции с функциями собственника, между этими двумя ипостасями индивида имело место не столько противоречие, сколько огромный разрыв. В пространстве этого разрыва "разместились" *другие субъекты*, олицетворяющие формы хозяйственной деятельности, которые индивид, в силу прикрепления к узко-профессиональной трудовой функции или операции, не мог выполнять. Речь идет о таких функциях субъекта собственности - тех самых управленческих, организаторских, включая ответственность за результаты хозяйственной деятельности, функциях, которые исторически первоначально были свойственны индивиду как экономическому субъекту. Кто же разместился в пространстве этого разрыва? Такими субъектами выступали как сами индивиды (преимущественно в качестве *представителей* или *функций* хозяйственных, государственных, партийных струк-

[1] Одинаково оценивают прошлый опыт российского общества представители разных политических ориентаций. Либерально-демократическое направление политического движения считает, что советская власть лишила общество традиций либерализма, поэтому трудно идут реформы. Представители противоположных взглядов, например, национал-патриоты, уверены, что рыночные реформы и не пойдут, так как в российском обществе нет и не было традиций либерализма.

тур), так и институциональные субъекты разного уровня хозяйственно-экономической системы и самого “единого экономического центра” (государственные предприятия, министерства, ведомства).

Огосударствление, которое приобрело, как часто подчеркивается, тотальный характер, то есть пронизывало общество и экономику насквозь, по мере формирования всей новой системы отношений, меняло и природу, и форму этих отношений, подвергало их мутации[1]. Планомерность, как форма совместного, согласованного хозяйствования “на ходу” преобразовывалась, "мутировала" в централизованное, директивное планирование; распределение по труду - в уравнительное распределение; социалистическое хозяйствование "всем обществом" - в бесхозяйственность и в безынициативность большинства членов общества и т.д.

Можно еще и еще раз задаваться вопросом, почему именно государство и *его институты* стали основными хозяйствующими субъектами и к чему это привело. Ответы на эти вопросы не так очевидны, как может показаться. Однако, по мере развертывания индустриализации вширь и вглубь, в качестве субъектов, заполняющих пространство между *индивидом-собственником* и *индивидом-работником*, начинают выступать и другие "действующие лица". Среди них особое место занимают такие специфические для реального социализма субъекты, как трудовые коллективы, к которым можно отнести бригады коммунистического труда, общественные отделы контроля качества, позднее - хозрасчетные коллективы и других. Кроме этих коллективных субъектов, стали играть заметную роль в хозяйствовании и сформировавшиеся (по мере укрепления индустриальных технологий) социальные группы, различающиеся по их месту в системе общественного разделения труда: группы занятых организаторским и исполнительским трудом, умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным. При этом, у каждой из этих социальных групп была своя роль и функции как в технологических процессах, так и в хозяйственной системе общества

Получается, что процесс огосударствления имел своей оборотной стороной (особенно начиная с реформы середины 60-х годов) и разгосударствление, что и находило выражение в относительной множественности, все-таки *огосударствленных,* субъектов хозяйственной деятельности[2]. Процесс разгосударствления был менее интенсивным и заметным, - государство, передавая нижестоящим хозяйственным звеньям лишь функции *условного распорядителя*, продолжало выполнять функции *суверенного распорядителя* ресурсов и результатов производства[3]. Но при этом оно само не могло это делать достаточно эффективно, то есть владение ресурсами не совпадало с контролем за их использованием и перемещением в рамках народнохозяйственного целого. Кроме то-

[1] См. подробнее: Бузгалин А. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма //Вопросы экономики. - 2000. - №6. - С.103-105.

[2] Конечно, огосударствление экономических субъектов было более широким и глубоким, чем просто присвоение государством функции хозяйствующего субъекта.

[3] См.: Очерки политической экономии социализма / Под ред. Академика Н.П. Федоренко. - М.: Наука, 1988. - С. 133-134.

го, следует вспомнить еще об одном субъекте хозяйственной деятельности, заполнявшим "разорванное" экономическое пространство "реального социализма". Таковым была фигура *теневика*, который пытался, в свою очередь, присвоить функции суверенного распорядителя, принадлежащие государству.

В экономической системе “реального социализма” “субъектность” индивида также принимала *отчужденные, обезличенные и фетишизированные* формы. Специфически овещненным индивид выступал в случае, когда его заместителем становились не только товары или деньги, но и продукты идеальной деятельности, например, плановые задания; а также “классические” институализированные формы (государство, организации и псевдорынки). Также мало, может быть, еще меньше, чем в развитом капиталистическом обществе, сам индивид выступал в качестве субъекта. В то время, как *именно его непосредственное участие в общественном производстве в качестве направителя и организатора* последнего и *предполагалось в качестве существенной черты нового общественного организма*.

В то же время, в обществах “реального социализма”, как и в развитых капиталистических странах, особенно позднего капитализма, появлялись формы, в которых интересы индивида были представлены наиболее выпукло[1]. Такими формами новой субъектности были трудовые коллективы и свободные ассоциации трудящихся[2].

С точки зрения экономического субъекта логика у капитализма и социализма - разная. Как показывает развитие позднего капитализма, в ходе становления этой социально-экономической системы, субъектность как свойство индивида проходит ряд этапов: от овещнения и деперсонификации до институализации[3], то есть, - до появления на экономической арене "коллективных действующих лиц". При этом индивидуальная, подлинная субъектность, положившая начало и, во многом определившая буржуазную форму производства, живет как бы подспудно в этих формах и выступает как побочный результат отчуждения, овещнения и институализации.

Теоретически социализм же (о нем можно судить пока лишь как о потенциальной форме общественного производства) начинается как раз с коллективного или совместно действующего субъекта (ассоциации), а, через развитие ассоциации, приходит к свободной индивидуальности. В условиях "реального социализма" имел место в основном один вид коллективного действующего субъекта - государство, многообразно представленный, в свою очередь, на разных уровнях хозяйствования своими ипостасями. Он и реализовывал свою логику, то есть развертывал все свои атрибуты и свойства в "реальном социализме", создав систему "по своему образу и подобию" - *огосударствленную социально-экономическую систему*.

---

[1] Здесь речь не идет об индивидуальном предпринимательстве, как основной и исходной для классического капитализма форме субъектности.

[2] См., например: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985; а также: Аузан А.А. Социалистическое самоуправление: политико-экономический аспект // Коммунист. 1986. - № 13.

[3] Более подробно об этом см. главу 2 настоящей работы.

Эта система хорошо вписалась в историю и логику развития российского общества. Определить же более конкретные параметры или специфическое социально-экономическое содержание этой системы можно, взглянув на нее с точки зрения восстанавливающего развития, характерного для России[1].

В силу ряда причин: внутреннего раскола российского общества (Н. Бердяев), специфических механизмов решения проблемы напряженности между трансцендентным и мирским порядком (Ш. Эйзенштадт), реализации принципа "хромающих решений" российскими реформаторами (А. Ахиезер), а также других, о которых, в частности, речь шла в предыдушем изложении, российское общество на определенных этапах своего развития вынужденно возвращается к тем формам социально - экономической жизни, которые не были освоены им прежде, как это сделали народы идентичного с российской типа цивилизации - западно-европейского. Так произошло и с буржуазными формами производства, формирование которых, с одной стороны, растянулось в России на века (от Петра Первого до наших дней), а, с другой, - происходило скачкообразно и форсированно в определенные моменты времени. Здесь в качестве гипотезы можно предположить, что *очередной попыткой реализовать буржуазный способ производства и было строительство социализма в нашей стране.* В этом смысле и характер российских революций начала XX века, включая Октябрьскую, и последующие за ней преобразования, во многом, если не в основном, имели *буржуазное содержание*, несмотря на провозглашенные цели и задачи.

Как отмечает, в частности, Ш. Эйзенштадт, в России были слабы запреты на занятия аристократией коммерческими делами (в отличие от Франции, например)[2]. Отсюда следует, что “третье” сословие, как движущая сила буржуазных революций на Западе, в России формировалось медленно: помещичье-аристократическое сословие, особенно в провинции, выполняло его функции. Это обстоятельство сказалось на противоречивом характере наших буржуазных революций. В них русская аристократия, выполняя функции буржуазии в экономике, должна была выступать против себя самой в политической области, что невозможно по определению. Отсюда происходят, видимо, как неудачи Февральской революции 1917 года, так и необходимость развертывания Октябрьской революции “под знаменем" социализма.

Многие задачи развития человеческого общества и расширения пространства для свободного развития способностей индивида были решены в рамках западноевропейской цивилизации в ходе формирования предпосылок капитализма и самим капитализмом. Сюда можно отнести процессы классооб-

---

[1] См. по этой проблеме: Булганина С.Н. Восстанавливающее развитие и его субъекты //Россия: Социальные силы и пути преодоления системного кризиса. Доклады и выступления. Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: Экономическая демократия, 2000. -С.100-107; Ивлева Г.Ю. Спецификация прав собственности как основа восстанавливающего развития. Там же. - С. 217; ее же: Концепции общественного развития и идеология реформирования современной России //Современная Россия и социализм (опыт непредвзятой дискуссии) /Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. - М.: ИТРК, 2000. - С.310-322.

[2] См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. /Пер. с англ. - М.: Аспект Пресс, 1999. - С.176.

разования, усиливающиеся в ходе углубления разделения труда, формирования новых профессиональных групп в период раннего капитализма, а особенно, в период индустриализации. Эти процессы имели большое значение для развития конкуренции экономических субъектов и формирования демократических институтов, так как служили предпосылкой "новых рынков", а значит - новых центров, противостоящих традиционному центру (центру власти) в обществе. Это необходимо как для формирования *классовой идентичности*, сплоченности и солидарности и понимания индивидами собственных интересов, так и для развития отношений соперничества, конфликтов и движений протеста.

Буржуазный способ производства завершил процесс разделения бытия человека на частную и общественную жизнь, окончательно отделив производство, хозяйственную деятельность от семьи. Произошло обособление буржуазной (в то числе и пролетарской) семьи от экономики и политики. Индустриализация определяла и направляла эти процессы. Она обеспечила также отделение функций целеполагания и управления от производительного труда для большинства членов общества.

Обратившись к "реальному социализму", мы увидим, что "социалистическая" индустриализация решала аналогичные задачи. Именно в тот исторический период, а может быть впервые в истории, российское общество классово позицировалось, а миллионы людей осознали свою классовую принадлежность (со всеми как положительными моментами - более или менее артикулированными классовыми требованиями, так и отрицательными - дискриминацией и репрессиями[1]). Так же, как и на Западе, индустриализация отделила крестьян от земли и земледелия, положив начало разрушению отношений личной зависимости. В западно-европейских странах процесс деархаизации повседневного бытия носил для большинства населения постепенный и глубокий характер, благодаря различным промежуточным формам, таким как батрачество, надомная промышленность и др. В российском, или вернее, советском обществе, он произошел почти *одномоментно* и поэтому носил поверхностный характер.

Можно обнаружить достаточно много свойств реального социализма, являющихся специфически буржуазными, а не только похожими на них. Причем речь не идет о технико-технологических основах производства, таких как распространение индустриального способа производства от промышленного ядра на периферию отраслевой структуры, или о его организационных формах - преобладание крупного производства с корпоративной (или псевдокорпоративной) структурой. Даже массовое развитие профессионального образования (ФЗО) или внедрение тейлоризма, как специфически буржуазной формы организации производства могут характеризовать, на первый взгляд, лишь технико-организационную сторону социалистического производства. Дело в том, что сами производственные или социально-экономические отношения носили во многом буржуазный характер. Об этом свидетельствует *фактический статус индивида как наемного работника*. Форма найма предполагала и заработную

[1] Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 1998.

плату как специфически буржуазную форму дохода.

В сфере социально-экономических отношений для реального социализма характерен буржуазный же раскол между городом и деревней. Точнее, между городскими функциями городов и функциями деревни, продолжавшей оставаться по существу центром архаичной и средневековой культуры, отчасти, лишившись при этом добуржуазных хозяйственных функций.

Все приведенные выше формы социалистического хозяйствования и социальности можно было бы назвать именно "псевдобуржуазными" и, лишь, аналогичными так называемым буржуазным формам. Таким определением можно было бы ограничиться, если бы не было элементов буржуазности в мировоззрении советского человека. Конечно, в нем имели место архаичные и средневековые формы сознания. Да их и не могло не быть при "взрывном" характере перехода от земледелия к промышленному способу производства. Мировоззрению советского человека присущи и элементы тоталитарного сознания, однако, он также был привержен, как это ни странно, одновременно буржуазно-либеральным ценностям и социалистическим.

Многослойность мировоззрения - характерная черта любого известного ныне общества, включая и капиталистическое. Но в силу специфики российской истории, в сознании советского человека она приобрела гораздо более выраженную форму. Абстрагируясь от других пластов социалистического мировоззрения, отметим лишь элементы буржуазности в нем. Известно, что мотивация трудовой деятельности, в частности, советского человека, как выражение его социо-культурных ориентиров и нравственных, познавательных и религарных устремлений[1], различалась в разные периоды социалистического строительства, но в ней всегда находилось место *утилитаризму*, как мировоззренческой установке Нового времени.

Принцип утилитаризма, причем, в основном индивидуального, в свое время сыграл положительную, созидательную роль в становлении эффективных форм хозяйствования в западных странах. В советской действительности он не мог реализоваться в “грубой примитивной форме”, сводимой к достижению выгоды, пользы. Там, где он имел место в деятельности советского человека, он не развился и в форму "культурного цинизма" как способа "посредством которого человек пытается сохранить свои жизненные важные параметры, выживаемость, стабильность"[2]. Вместо утилитаризма эту функцию выполняли другие инструменты и институты.

В 60-70-е годы утилитаризму также нашлось место в системе мотивации труда. Именно на него начинают ориентироваться экономические реформы этого периода. Более того, как пишет А. Белоусов, советская индустриальная система в качестве ориентира социального развития в этот период берет западную модель общества потребления, что вступило в противоречие с системой "крас-

[1] См. Г.С. Батищев, И.В. Ильенков, А.А. Хамидов. Указ. Соч.

[2] См.: Массовый утилитаризм как импульс динамики общества //Общественные науки и современность. - 1998. - №6. - С.63.

ных смыслов"[1], работавшей на первом этапе индустриальной модернизации - в 30-40-х годах.

Один из немногих аргументов против буржуазности советского строя, а именно, *отсутствие рационализма, как индивидуальной установки на максимизацию полезности и прибыли*, можно принять во внимание. Но при этом надо отметить наличие *общественной рациональности* в виде целеполагающей деятельности единого экономического центра, которая должна была компенсировать отсутствие индивидуальной рациональности. Не следует забывать также и об индивидуальной рациональности теневого предпринимателя.

Таким образом, можно предположить, что в обществе “реального социализма”, на разных этапах его развития были реализованы не социалистические идеи, а скорее буржуазные. В частности, история советской системы от первых пятилеток, вернее, даже от НЭПа, как ускоренного и сжатого во времени этапа развития простого товарного производства и первоначального накопления капитала, - до застойных 80-х годов, удивительно напоминает основные этапы становления и развития буржуазного способа производства. Среди атрибутов такового в советской системе не хватает правда, не многого, но важного - частной собственности как основы индивидуальной рациональности и капиталистического предпринимательства[2], а также механизма свободного рыночного ценообразования. Что касается частной собственности, то она пробивала себе дорогу как в форме частного, в смысле, обособленного хозяйствования государственных же предприятий, так и в форме теневой экономики. Что касается отсутствия свободного рыночного ценообразования в советском "буржуазном" экономическом пространстве, то оно находит объяснение в соответствующих экономических категориях “экономики дефицита”[3].

Начиная строительство социализма, его организаторы и инициаторы осознавали, что на этом пути их и общество ожидает много трудностей. В то же время, у них не было возможности (в том числе, политической) открыто признать главную проблему, суть которой в том, что нельзя решить социалистические задачи, не решив буржуазных. Для решения же тех и других задач необходим соответствующий субъект, который формируется исторически, проходя на своем пути все вехи освобождения, в том числе и буржуазные.

---

[1] См.: Белоусов А. Становление советской индустриальной системы //Россия XXI. - 2000. - №2-3.

[2] Это может свидетельствовать о том, что в ядре этой системы социально-экономических отношений имели место *только буржуазные формы*, но не капиталистические.

[3] См.: Корнаи Я. Дефицит. - М.: Наука, 1990.

Глава 6 Природа и функции субъектов трансформационной экономики

6.1 Характер и структура субъектов трансформационной экономики: первоначальное определение

Характер формирующейся в России экономической системы и природа ее субъектов зависят от многих предпосылок. Обозначим пока две из них. Первая заключается в том, на каком этапе человеческой истории находится российское общество. От этого будет зависеть (и зависит), какую модель, вернее, тип экономической системы мы в состоянии сформировать. Вторая важная предпосылка - чьи потребности, интересы, ценности, мотивы будут воплощены в тех формах хозяйственной деятельности, которые будут образовывать экономическую систему общества, точнее, *кто,* какие *"социальные силы"* или даже *персоны* формируют ее или будут формировать. Характер формирующейся системы и природа экономических субъектов, ее формирующих - две стороны одного и того же трансформационного процесса. Здесь определение экономических форм предполагает определение форм (структуры) экономических субъектов, и наоборот.

В этих условиях становится необходимым исследование проблем, связанных как с содержанием самих трансформационных, преобразовательных процессов, так и с их носителями - соответствующими субъектами, интересы, потребности и другие мотивы экономического поведения которых и образуют, по существу, содержание этих процессов. Причем исследование, да и эмпирическое наблюдение этих последних затруднено. И не только потому, что зачастую мотивы хозяйственной деятельности основных ее участников выступают в превратной, неадекватной неким "классическим образцам" форме. Проблема заключается также и в том, что произошло сужение сферы экономической мотивации у большинства членов общества, и даже исчезновение некоторых из рациональных, целеобразующих мотивов, например, интересов. В этих условиях придется исходить из "должного", с одной стороны. А, с другой, - до анализа самой возможности в трансформационной экономике двух основных типов экономических субъектов - социально-экономических и функциональных, и выяснения степени их зрелости, придется оперировать, в том числе, нейтральными к конкретно-историческому контексту (а иногда и к экономике, поскольку будут использоваться социологические понятия), категориями. В той мере, в какой еще только формируются основные социальные классы[1] и институты рыночно-капиталистической экономики в действие вступают такие эмпирические

[1] Экономисты и социологи подвергают категорию социальных классов критике и считают ее "неработающей", особенно в условиях "позднего" капитализма. См., например: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Научное издание. - М.: "Academia" - "Наука", 1998. С.421-452. Также: Морено Дж. Социометрия // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. - М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. - С. 257-290. Но, в то же время, есть работы, в которых прослеживается значение данной категории в исследовании различных типов цивилизаций и типов социально-экономических систем. См.: Эйзенштадт Ш. Указ. Соч.

образования как “группы интересов”[1], “группы влияния”, “социальные силы”, “акторы”, а также “агенты”, “игроки”, “фигуры” и т.п.

Если отправляться от того, что у истории человечества есть своя логика, которая по сути представляет историю человеческой деятельности, то придется согласиться и с тем, что в этом процессе имеет место *поступательность*, кстати, не обязательно - необратимая. Как уже отмечалось, в качестве ступеней в движении общества можно выделить разные его формы и состояния. Для нашего исследования наиболее подходящими, являются *ступени*, определяемые *целью или предметом человеческой деятельности, ее господствующей общественной формой и характером или природой ее субъекта.*

Как мы пытались показать, необходимыми ступенями, как оказалось, являются все стадии натурального, товарного, посттоварного производства и *формы*, в которых *индивид выступает в качестве субъекта деятельности и истории*, которые находят выражение в отношениях личной, вещной и институциональной зависимости и свободной индивидуальности. Эта логика не всегда последовательно осуществляется. Но это не означает, что уровни человеческой деятельности и этапы, или ступени ее являются необязательными для любого общества. Историческая практика дает нам много примеров “перепрыгивания” через определенные ступени, смещения уровней, несовпадения их с этапами и т.д. Но это перепрыгивание приводит к тому, что не пройденные ступени все-таки восстанавливаются, а иногда и в превратных, по сравнению с “нормальными”[2] для хода общественного развития, формах. Появляются такие явления, как “зигзаги”, “повороты” и “тупики истории”.

Прежние поколения российского общества не раз демонстрировали по-

---

[1] Под “группами интересов” А.Е. Шаститко, например, понимает “совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов. Совпадение в данном случае означает заинтересованность каждого из участников группы в достижении соответствующих результатов” См.: Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. - С. 509. Это понятие пришло из политологии, а в экономической теории используется в связи с положением государства в качестве экономического субъекта, в частности, с его перераспределительными функциями и “рентоориентированным поведением” других субъектов, в том числе и “групп интересов”. См. также: Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. Мы считаем, что понятие “группы интересов” в экономической теории отражает *промежуточный характер процессов классообразования* в трансформационной экономике. Группы интересов “замещают” собой не сложившихся еще субъектов формирующихся производственных отношений (в условиях формального разгосударствления).

[2] “Ненормальными” эти общественные, в том числе хозяйственно-экономические формы могут выглядеть только с точки зрения представителей другого типа социума, в том числе того, который далеко “впереди” или наоборот, “позади”. С точки зрения данного общества, народа, национально-государственного образования все формы его социальной жизнедеятельности являются *нормальными*, ибо именно *таким образом*, *такие* формы его индивиды наследуют, создают, присваивают, воспроизводят (до поры до времени) и передают по наследству другим поколениям в преобразованном виде. Проблема “ненормальности” в данном случае, это вопрос адекватности, диалектичности самих хозяйственно-экономических форм, разных уровней, срезов, планов хозяйственной деятельности и разных сторон производственных отношений как друг другу, так и их субъектам. Критерием адекватности выступает здесь степень присвоения-освоения каждым индивидом универсальных, всеобщих определений человеческого бытия, не сводимых в отдельности ни к материальному благосостоянию, ни к духовным ценностям.

пытки восстановить те звенья исторического процесса на пути рыночно-капиталистической траектории развития, которые не были освоены или пройдены предыдущими поколениями своевременно, как это сделали страны первого эшелона капитализма. Россия показывает признаки догоняющего-восстанавливающего развития: растянутость или сжатость во времени отдельных этапов, дискретность, а также превратность форм, в которых реализуются цели человеческой деятельности, формы общественного производства, хозяйствования и сам субъект. Наша страна с упорной настойчивостью и в определенные, может быть, общемировые, т.е. сопряженные с логикой самой истории, моменты времени, вновь и вновь вынужденно возвращается к социально-экономическим формам деятельности, не освоенным в прежние времена. Ставя цель - перепрыгнуть через какой-либо этап, уровень развития, "догнать" историю, мы всякий раз оказываемся отброшенными назад. Это обнаруживается появлением тех самых превратных форм, о которых уже говорилось ранее, в виде “крепостной промышленности”, “социалистической индустриализации”, “номенклатурного капитализма” и др. Одни формы хозяйственной деятельности накладываются, наслаиваются на другие, новые – сращиваются с, казалось бы, отжившими формами. В результате утрачивается определенность целей, форм, механизмов и субъектов развития, возникает ситуация дезориентированности, хаоса и кризиса.

В материи нынешней российской действительности имеет место множество форм хозяйственной жизни[1]. Однако, все многообразие хозяйственной деятельности в нынешней переходной экономической системе подчинено определенной системообразующей логике. Внешне кажется, что эта логика задана целями экономических реформ (или интересами реформаторов) конца 80-х начала 90-х годов или кризисом “реального социализма”[2], неэффективностью государственной собственности и государственных регуляторов хозяйственной деятельности и необходимостью создания рыночных механизмов. На самом де-

[1] Понятие многоукладности здесь вряд ли дает полное, и адекватное действительности, представление о сложном переплетении хозяйственно-экономических форм. Ее можно охарактеризовать с разных сторон, т.е. с точки зрения всех параметров, описывающих ту или иную модель социально-экономической системы. С точки зрения формы присвоения условий и результатов производства можно выделить, в самом общем виде, совместную, частную, смешанную формы, каждая их которых представлена соответствующими разновидностями. С точки зрения способов координации хозяйственной деятельности различаются государственные, рыночные, корпоративные, традиционные, основанные на согласованности, т.е. планомерные регуляторы. С позиции характера соединения работника со средствами производства в российской действительности имеют место как экономическое, так и внеэкономическое принуждение, а также самозанятость и самоэксплуатация. С точки зрения технологического способа производства можно наблюдать все известные истории варианты: доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный. В силу "расстройства" дезорганизации общественной и хозяйственной жизни людей, в условиях слабости государственных, не сложившихся рыночных, локальности корпоративных регуляторов в экономике сформировались два сектора - формальный и неформальный, границы которых пронизывают насквозь другие секторы - частный и государственный, рыночный, до-рыночный и планомерный, корпоративный и сектор мелкого бизнеса. См.: Радаев В.В. О социальных компромиссах и теневой экономике // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год /Под общ. ред. Т.И. Заславской. - М.: Логос, 1999. - С. 206-214.

[2] Или - буржуазного экономического строя советского типа.

ле логика формирования новых хозяйственных структур и форм в первую очередь задана исторической необходимостью *восстановления не пройденных прежде этапов развития человеческого общества*, в том числе всех стадий товарного производства и капитализма**.** На этом пути нас встречает целый ряд противоречий, от способов разрешения которых и зависит будущее российской экономической системы.

Как известно, рыночно-капиталистической экономике предшествовало простое товарное производство, содержательное назначение которого состоит в формировании *повседневности товарного обмена*, точнее в формировании привычки обмениваться продуктами труда, торговать. Именно товарообмен, а затем и торговля разрушили отношения личной зависимости, внеэкономическое принуждение, сформировали чистую частную собственность, что и послужило предпосылкой капитализма. Российское общество в своей истории пока еще этих предпосылок не сформировало, хотя сам капитализм уже несколько раз пытался построить, создав для него материально- техническую базу - крупное индустриальное производство[1]. Параметры индустриального способа производства в нашей стране к середине 60-х годов XX века в основном соответствовали таковым в странах с развитой капиталистической рыночной экономикой[2]. Но при этом главный из них, - лично свободный индивид, ориентированный либо на предпринимательскую деятельность, либо на регулярный промышленный труд, так и не сформировался. Это проявилось в тотальном огосударствлении хозяйственной деятельности и ресурсов, в том числе, и рабочей силы, “бюрократизации управления”, “пассивности трудящихся”, “формальном характере их участия в управлении производством и в общественной жизни”, “распространении иждивенчества, социальной инфантильности, люмпенизации части населения”[3]. Эти явления наблюдавшиеся в прежней экономической системе - реального социализма, не преодолены и поныне.

Основное противоречие экономической системы, формирующейся в России, состоит в необходимости одновременного создания таких форм хозяйственный деятельности, которые бы, с одной стороны, образовывали “ткань”, “материю” рыночных отношений, в том числе и в виде самостоятельных, обособленных, ориентированных на обмен хозяйствующих субъектов, а с другой, соответствовали уровню современных производительных сил, индустриальному и, в определенной мере, постиндустриальному способам производства. В первом случае речь идет о таких формах, в которых максимально воплощается индивидуальная инициатива и активность, элементы рационального поведения, способность к риску, инновациям, индивидуальная ответственность за результаты хозяйственной деятельности, т.е. весь "классический (или - неоклассиче-

[1] Явление, известное под названием “социалистическая индустрия”.

[2] См.: Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. - 2000. - № 3. - С. 22-67.

[3] Очерки политической экономии социализма / Под ред. Н.П. Федоренко. - М.: Наука, 1988. - С. 8-9.

ский) набор" свойств предпринимателя.[1]

Другие формы хозяйствования, наиболее адекватные современным производительным силам - те, которые должны быть, с точки зрения “классического капитализма”, производными от капитала, но в действительности, сформировались в процессе разгосударствления и приватизации[2]. Капиталистическими эти формы хозяйствования определить невозможно, в той степени, в какой в них отсутствует собственно капиталистический механизм их воспроизводства в виде накопления капитала[3].

Таким образом, в экономической структуре российской действительности наметилось формирование двух основных секторов: сектора “простого” товарного производства и сектора формально (но не содержательно) капиталистического, а точнее государственно-капиталистического производства. Каждый из них олицетворяется определенными субъектами, имеет свое предназначение и выполняет свои функции в переходной экономической системе[4].

Социальные силы, представляющие формы хозяйственной деятельности в секторе “простого” товарного производства, включают в себя мелких предпринимателей, полупредпринимателей (совмещающие функции предпринимателя и работника по найму), самозанятых индивидуально-трудовой деятельностью. Поведение этой группы людей в основном совпадает с назначением и функциями данного сектора в переходный период. Мотивом хозяйственной деятельности здесь служит получение дохода и (или) удовлетворение потребностей. В условиях нестабильности экономики и сокращения занятости этот сектор хозяйственной деятельности обеспечивает условия выживания для мил-

---

[1] Таковыми в нашей экономике можно определить предпринимательство на условиях аренды, фермерство, частно-индивидуальное предпринимательство, в том числе с использованием наемного труда, индивидуально-трудовую деятельность.

[2] Они представлены преимущественно частно-корпоративными и частно-государственными предприятиями в промышленном, банковском, финансовом секторах экономики.

[3] Доля инвестиций в основной капитал в ВВП постоянно сокращается: в 1992 г. - 31%, в 1998 г. – 18%, в 1999г. - 15,8%, в 2000г. - 17,8%. См.: Белоусов А.Р. Изменение структуры оборота доходов российской экономики в1992-1998 г.г.// Проблемы прогнозирования.1999. - №6. - С. 77-94; также: Россия в цифрах: Крат. стат. сб./ Госкомстат России. - М., 2001. - С. 152.

[4] Социологи, исследуя социальную структуру российского общества, "оперируют" понятиями “элита”, "верхний", "средний", "базовый слой", “социальное дно”. См.: Заславская Т. Социально-трансформационная структура России // Общество и экономика. - 1999. - №3-4. Ее же: О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества //Куда идет Россия?.. - С. 135-143. При этом критерии выделения социальных групп полагаются иные, нежели те, которых требует анализ социально- экономической структуры общества. При этом, как отмечает Р.Г. Громова, “попытки преодолеть “бессубъектность” в социологических описаниях трансформационных процессов часто приводят к тому, что в качестве субъектов трансформационной активности рассматриваются различные социальные группы: элита, средний слой, бюрократия. При анализе данных массовых опросов, которые дают возможность эмпирической идентификации социоструктурных групп, анализируется также поведение этих групп как *единых действующих субъектов* (курсив мой - С.Б.), т.е. номинальные, статистически построенные группы начинают незаметно рассматриваться как реально существующие, а не являющиеся артефактом, полученным в ходе исследования”. См.: Громова Р.Г. Социальные группы как участники трансформационного процесса //Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность /Под общ. ред. Т. И. Заславской. - М., 2000. - С. 235. Здесь следует согласиться с цитируемым автором и поставить вопрос: способна ли вообще социология, опираясь, в данном случае, лишь на эмпирическую базу, выявить подлинных, а не статистических субъектов трансформационных процессов, экономических, в том числе.

лионов российских граждан. При этом надо подчеркнуть, что главное предназначение простого товарного производства в переходный период - сделать стоимость основным отношением, а обмен (эквивалентами) - регулярным, массовым, то есть привычным для большинства.

Субъекты хозяйственной деятельности в капиталистическом секторе представлены крупными и средними предпринимателями, включая владельцев банков и финансовых учреждений, наемными менеджерами в сфере промышленности, торговли и сервиса[1]. Особые группы представляют другие наемные работники, в том числе, рабочие, чьи экономические интересы и мотивы деятельности различаются по отраслям и секторам экономики[2]. В соответствии с назначением этого сектора в переходный период - вести экономику в направлении новых и новейших технологий, функцией этих социальных групп должно стать создание условий для экономического роста. По логике переходного периода и формирующейся экономической системы в нашей стране (ее рыночно-капиталистической ориентации) именно они должны стать "ведущей силой" трансформационных процессов, в частности и потому, что сосредоточивает большую долю ресурсов и производства ВВП[3]. Однако эта социальная группа слабо проявляет свои капиталистические функции, "проедая" капитал, являя собой эффект демонстративного потребительского поведения, или уводя его за границу[4]. Крупные финансовые ресурсы этого сектора используются также на поддержку политической и правовой систем, отвечающих интересам этой социальной группы, что укрепляет здание того самого *номенклатурного* капитализма, который образует специфическое, "перевернутое" содержание нашей экономической системы. В то же время, внутри этой социальной группы имеет место расслоение или дифференциация по целям, способам их достижения, принципам и мотивам поведения.

Это расслоение обусловлено уже самими трансформационными процессами в частности, постприватизационным перераспределением собственности на капитал. Изменения в структуре собственников пакетов акций предприятий

---

[1] Есть еще государственные чиновники, связанные с предпринимательскими структурами капиталистического сектора, мотивы хозяйственного поведения и функции которых не укладываются в логику становления "нормального" капитализма.

[2] Вообще фактор *отраслевой* принадлежности капитала выступает в качестве основы неоднородности и противоречивости интересов субъектов капиталистического сектора в российской экономике, которая определяет во многом интересы и функции как предпринимателей и менеджеров, так и наемных рабочих. Значимость таких профессиональных групп как энергетики, шахтеры, газовики, нефтедобытчики, металлурги в экономике и политике еще не утрачена. Являясь носителями обособленных экономических интересов, в основе которых лежит собственность на ограниченный ресурс или доступ к нему на правах пользователя, эти профессиональные группы имеют возможность оказывать давление на смежников, государство и политиков, часто демонстрируя "рентоориентированное" поведение.

[3] Доля только ста крупнейших компаний в производстве промышленной продукции составляла в конце 90-х годов около 60%. См.: А. Радыгин, И. Сидоров. Российская корпоративная экономика: сто лет одиночества? // Вопросы экономики. - 2000. - №5.

[4] Валовые сбережения в экономике в течение 90-х годов балансировались накоплением запасов и оттоком капитала за границу, не становясь источником инвестиций в реальный сектор. См.: А. Белоусов. Изменение структуры оборота доходов российской экономики в1992-1998 г.г. // Проблемы прогнозирования . - 1999. - №6.

в капиталистическом секторе отражают процесс стихийного формирования так называемого “эффективного собственника”.

Среди основных владельцев предприятий по итогам приватизации выделяются работники и менеджеры предприятий; аутсайдеры, главным образом банки, инвестиционные фонды, холдинги - вся, так называемая группа финансовых аутсайдеров; государство. Поскольку самой крупной категорией держателей акций были работники и менеджеры приватизированных предприятий, то, можно сказать, что поначалу в нашей стране сложилась континентальная модель акционирования (или модель “инсайдерских фирм”). Особые надежды возлагались на группу финансовых инвесторов, чьи ресурсы могли стать источником реструктуризации предприятий в направлении новых технологий и изменения их положения на рынке. Исследования[1] показали, что в результате перераспределения пакетов акций происходит смена модели акционирования (растет доля предприятий, где основным собственником являются внешние инвесторы) и одновременно сокращается доля работников, как владельцев акций, и доля предприятий, где они являются доминирующими собственниками[2].

Одновременно сократилась до минимума доля государства в акционерном капитале приватизированных предприятий, что может служить свидетельством завершения *формального разгосударствления*. Оно пока еще не является реальным потому, что, хотя государство уже не претендует на функции основного хозяйствующего субъекта, но его функционеры (чиновники) используют ресурсы государства и его хозяйственные функции в своих интересах. Это - с одной стороны. С другой, - прочие экономические агенты не спешат этими функциями воспользоваться.

В составе хозяйствующих субъектов капиталистического сектора наметилась социально-профессиональная группа корпоративных управляющих, которая, являясь доминирующим собственником, показывает лучшие, по сравнению с другими, результаты деятельности своих предприятий. У этих собственников лучше показатели текущего использования ресурсов и инвестиционной активности. С точки зрения общемировых тенденций в развитии экономических систем усиление хозяйственной власти этой группы может рассматриваться как свидетельство восстановления фрагментов постиндустриального сектора в российской экономике. Но, если учесть ее переходный характер, то приходится отмечать и отрицательные последствия того, что именно группа менеджеров - владельцев акций претендует на роль эффективного собственника. Монополизация ими управленческих функций чревата бюрократизацией (“окапывание на занимаемых должностях”). Оппортунистическое поведение, как одна из поведенческих предпосылок неоинституционализма[3], а, в нашей концепции, как

[1] Одна из попыток анализа распределения собственности сделана на основе социологического исследования более 150 предприятий: См.: Аукуционек С., Жуков В., Капелюшников Р. Доминирующие категории собственников и их влияние на хозяйственное поведение предприятий // Вопросы экономики. - 1998. - №12); также: Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности // Вопросы экономики. - 2000. - №1.

[2] Клейнер Г. Парадокс об акторе (о книге “Российская промышленность: институциональное развитие”) // Вопросы экономики. - 2003. - №2. - С.151.

[3] Уильямсон О. Указ. Соч. - С. 24.

признак институализации индивида и его производственных отношений в эпоху классического и позднего капитализма, свидетельствует о наличии в трансформационной экономике элементов либо самих экономических форм развитого капитализма (акционерного капитала, отделения капитала-собственности от капитала-функции и др.), либо “превратных форм” этих этих капиталистических отношений в виде “чиновничье-индивидуально-частно-акционерной” формы собственности и хозяйствования. В любом случае мы имеем, при неразвитом овещнении и деперсонификации индивидов, их институализацию.

Хотя получение прибыли (право на остаточный доход) и снимает проблему оппортунистического поведения менеджеров, но фактическое отсутствие в наших условиях биржевого контроля (из-за неразвитости фиктивного капитала и соответствующих рынков) за поведением высших управляющих воспроизводит его предпосылки. К тому же, менеджеры не обладают финансовыми ресурсами, необходимыми для глубокой реструктуризации предприятий и внедрения новых технологий и соответствующего оборудования[1].

Если часть специалистов (вернее, специалистов- собственников) готовы хозяйствовать по-капиталистически - обеспечивать самовозрастание капитала в промышленности, в частности, то другая часть субъектов, представляющих капиталистический сектор, показывают несоответствие содержания и целей экономического поведения своему положению и функциям в экономике[2].

Отношения представителей крупного и среднего предпринимательства с государством, могут служить показателем противоречивости интересов и приоритетов этой группы экономических субъектов. С одной стороны, они хотели бы дальше "дистанцироваться" от государства и выступают против его вмешательства в бизнес, болезненно реагируя на изменения “правил игры” со стороны правительства и законодательной власти. При этом успешно отстаивают свои интересы вплоть до отклонения от налогов и увода капитала из реального сектора. С другой стороны, эта группа *не желает порывать свои связи с государственным аппаратом.* Более того, она показывает сращенность с государственными чиновниками не только в традиционных для индустриальных экономических систем формах “личной унии” и “системы участия”, но и в форме *одновременного выполнения двух функций:* предпринимателя и государственного чиновника или “государственного деятеля”.

В свою очередь, государство, несмотря на рост численности сотрудников государственного аппарата, не выполняет в должной мере функций не только *хозяйствующего субъекта,* но и *субъекта макрорегулирования.* Остаются не определенными сферы действия государственных, корпоративных и рыночных регуляторов экономики.

---

[1] О проблематичности сбережений в трансформационной экономике см.: Ю. Кузнецов. Инвестиционный кризис в России с позиций австрийской школы // Вопросы экономики. - 2001. - №12. - С. 95-107.

[2] Опрос предпринимателей и специалистов, получающих второе высшее образование в РЭА им. Г.В. Плеханова, показал, что наиболее приоритетными направлениями финансовых вложений большинство считает (в порядке убывания) образование, недвижимость, покупку валюты и только на четвертом месте - собственное дело. См.: Ивашкин Е.И. Социологическое исследование страховых компаний // Проблемы прогнозирования. - 2000. - №2.

Что касается сектора “простого” товарного производства, то его представители, по логике догоняюще-восстанавливающего развития, должны играть более значимую роль в трансформационных процессах, чем это есть на самом деле. Если самостоятельная хозяйственная деятельность, обмен, кредитные и другие отношения, осуществляемые на принципах рациональности, не станут массовыми, повседневными, то есть не будут проходить через деятельность большинства населения и не станут его *привычкой*, то не будет и основы, как для капиталистической экономики, так и для ее институтов. В то же время реализация значимости субъектов простого товарного производства вряд ли возможна. Причиной тому, - не только особые наши мировоззренческие установки[1], но и характер наших производительных сил, и общемировые тенденции постиндустриального развития. Здесь мы, как *участники*, *носители* и *созидатели* трансформационных процессов сталкиваемся с целым рядом противоречий: между “ранним и “поздним” капитализмом; добуржуазными, капиталистическими и посткапиталистическими отношениями; до-стоимостными (нетоварными), стоимостными и планомерными (пост-товарными), и специфическими “пост-советскими” хозяйственными формами. Причем для каждой такой хозяйственно-экономической формы не обязательно существует свой сектор экономики. Характерной чертой трансформационной экономической системы является то, что в каждом из секторов, воплощающих те или иные хозяйственные формы, обнаруживаются и вполне с ними уживающиеся формы-антиподы. Причем, это наблюдается не на периферии этих секторов, как в устойчивых социально-экономических системах, а в их центрах. Их носителями могут быть одни и те же субъекты.

В любом случае, идет ли речь о социальных группах, институтах или индивидах, олицетворяющих хозяйственную деятельность в секторе “простого” товарного производства или крупное капиталистическое хозяйствование, им необходимы механизмы самоподдерживающего развития и роста. Эти механизмы должны сделать движение экономики и соответствующих форм хозяйствования, в направлении выбранных ориентиров, *циклическим*. Это движение должно происходить по принципу становления системы в целостность: предпосылки регулярно должны превращаться в свои собственные результаты. Для субъектов мелкого предпринимательства таким постоянно воспроизводящимся результатом должно стать массовое производство товаров и услуг, посредническая деятельность множеством отдельных, самостоятельных предпринимателей, а также производство самих рыночных отношений, включая конкуренцию[2]. Для социальных “сил” капиталистической формы хозяйствования постоянно воспроизводящимся результатом должно быть накопление капитала, формирование класса капиталистов, который бы обеспечивал консолидацию их интересов и соперничество.

---

[1] Например, неразвитость утилитаризма как хозяйственного принципа.

[2] Как отмечает Ф. Хайек, “конкуренция ... представляет собой процесс, который может достичь определенных результатов лишь при условии вовлечения в него достаточно *большого* числа действующих лиц”. См.: Хайек Ф. Безработица и денежная политика. ... //Экономические науки. 1991. - № 12. - С. 42.

Если учесть, что мы в очередной раз пытаемся построить капитализм и опять начали с первоначального накопления капитала, то более подробно исследовать социально-экономическую систему общества и тех субъектов, которые эту систему будут строить (или достраивать) можно в порядке той последовательности, которую мы наблюдаем вот уже более десяти лет. Эту последовательность следует выражать через формы капитала, которые реализуются у нас, в силу ряда причин, в искаженной форме: купеческо-торгового, ростовщического (а не ссудного) капитала, который сразу обнаружился в невозможных для него формах банковской и фиктивной; застопорившегося в своем формировании промышленного капитала, который сразу принял вид корпоративно-монополистического, государственно-монополистического и номенклатурно-корпоративного капитала.

Положение всех субъектов в формирующейся экономической системе противоречиво вдвойне: каждый из них может персонифицировать разные виды и уровни хозяйственной деятельности одновременно, а также олицетворять формы хозяйственной деятельности, присущие разным ступеням человеческой истории. Выявление и анализ этих противоречий - необходимое условие дальнейшего исследования формирующейся экономической системы в России.

6.2 Становление основных экономических субъектов российского социума

Видимо, именно в период залоговых аукционов (1995-1997 гг.) и происходило становление такого институционального экономического субъекта как крупный российский бизнес (пока назовем его так), который организационно стал оформляться в компании и интегрированные бизнес-группы (ИБГ). Судя "по хронике событий" или эмпирическим данным руководили этими процессами определенные персоны или “физические лица”, то есть те самые индивидуальные субъекты, как исходные, в период классического капитализма, действующие лица. Только, в отличие от классического капитализма субъектность этих лиц носила не массовый и даже не узко классовый, а скорее узко элитарный характер. В той мере, в которой к этим процессам не было доступа (ни в какой форме к этому времени) широким массам (работникам тех предприятий, которые скупались представителями банковского сектора экономики), мы говорим об узко-элитарном характере капиталистической субъектности в российской экономике. Здесь наблюдается обратный классическому капитализму процесс формирования институциональных экономических субъектов: в наших условиях институциональные субъекты буквально создавались “узким кругом” индивидуальных экономических субъектов.

В то время как на Западе эти процессы происходили постепенно и не так целенаправленно. Основанием для них служили процессы капиталистического накопления, концентрации капитала и производства. Поэтому там процесс институциализации не был столь персонализирован, а скорее был “омассовлен”. Кстати, тот факт, что у нас *так быстро* удалось создать адекватные структуры крупного бизнеса, институализировать процесс капиталистических преобразований и производственные отношения только потому, что предприятия, пре-

имущественно в качестве хозяйственно-прозводственных, и в меньшей степени - экономических единиц, уже были созданы в предшествующем нашем буржуазном развитии. Прежде в экономике уже была и индустриализация (в основном, экстенсивная), и очаги крупного монополизированного производства, и формальное освобождение работников (крестьян), но не было одного - индивидуальной экономической активности как всеобщего явления.

Однако для становления такого функционального экономического субъекта, как фирма недостаточно тех преобразований в производственных отношениях, которые происходят на уровне исходного отношения системы. Для того, чтобы социально-экономические субъекты: индивиды или институты, - превратились в фирму (или домохозяйство) необходим экономический рост, накопление, восстановление воспроизводственного цикла, рыночно-капиталистические мотивы повседневного поведения данного субъекта, вернее его представителей и функционеров - индивидов в лице персонала управляющих, наемных рабочих, высших менеджеров, да и собственников (акционеров), в том числе.

В российской хозяйственно-экономической системе пока эти два экономических лица - менеджеры и собственники, не разделены (или уже сращены), что противоречит сущности крупного бизнеса - феномена эпохи акционерного, корпоративного капитала. Эффективность хозяйственной деятельности, адекватная организационной форме - корпорации требует разделения таких функций хозяйствующего субъекта как ответственность и принятие риска, с одной стороны, и управления, - с другой. Такое разделение обеспечивается акционерной или корпоративной формой собственности.

Процессы приватизации и постприватизационной стабилизации экономики свидетельствует в пользу существования у нас пока социально-экономических, а не функциональных экономических субъектов, а также о том, что мы повторяем все необходимые ступени становления капитализма, не пройденные ранее, в том числе, предпринимательства как индивидуальной экономической активности. Но, как всегда, есть особенности: эта индивидуальная экономическая активность доступна пока опять только единицам.

Для того, чтобы сложились фирмы, как функциональные экономические субъекты, требуется целый ряд условий:

- превращение предприятия, как производственной единицы в предприятие - хозяйственно-экономический субъект;

- формирование мотивов экономической деятельности (а по сути интересов), содержанием которых были бы максимизация прибыли и экономическая эффективность. В деятельности и поведении субъектов трансформационной экономики пока *преобладают* другие мотивы (не всегда хозяйственные и, тем более, - не экономические): выживание, стремление обладать как можно большим количеством ресурсов, власть, престиж и т.д., но только не рациональное использование этих ресурсов и не экономическая эффективность;

- для становления фирмы, как функционального субъекта необходимы рынки и соответствующие им рыночные структуры;

- государство, как партнер фирмы;

- домашнее хозяйство, как экономический субъект.

В последнее время исследование крупного российского бизнеса идет в русле выяснения процессов распределения и перераспределения собственности между различными структурами, образующими собой этот сектор экономики и организующими его. Однако пока речь, в основном, идет о процессах и тенденциях, выраженных их количественными характеристиками и параметрами. Исследуются, как уже отмечалось, масштабы и направления перераспределения бывшей государственной собственности, переструктуризация ее новых носителей, влияние различных комбинаций структуры собственности внутри предприятий на результаты их деятельности и эффективность использования ресурсов, а также на инвестиционный процесс. Проблема же требует качественного анализа и определения, и не просто качественного, а специфически социально-экономически качественного.

Начнем с того, что "крупный бизнес", будучи составной частью или даже образуя сектор экономики, в то же время, в своих организационных формах представляет собой институциональный экономический субъект, в противоположность индивидуальному и социально-классовому, - это, во-первых. Во вторых, внутри себя он должен быть расчленен на различные типы таких функциональных экономических субъектов, как фирма (вернее, на различные типы фирм). Однако, следует иметь в виду, что качественное определение крупного бизнеса все равно наталкивается на проблему определения понятия и в количественном аспекте: так как в самом названии слово "крупный" уже предполагает количественный или масштабный подход.

Здесь возможно более подходящим именно для сущностно-содержательного определения данного явления обратиться к понятию "корпоративный бизнес", "корпоративный сектор". В любом случае надо искать "выше", то есть среди социально-экономических субъектов, как носителей специфически исторических производственных отношений. В этом смысле, компании, корпорации, ФПГ, ИБГ (интегрированные бизнес-группы), и другие носители, "агенты крупного бизнеса" являются прямыми наследниками капиталистов-предпринимателей - "носителей сущностных сил капитала", с одной стороны, и экономически активных и экономически свободных индивидов, - с другой. Они отделены от своих "предков" множеством посредствующих звеньев, состоящих из других вещных, институциональных структур и образований. Именно как носители сущностных сил капитала, они предназначены отвечать за капиталистическое накопление ("двигать" инвестиционный процесс и обеспечивать экономический рост). В этом состоит одно из качественных определений крупного бизнеса. Кроме этого *персоны* и *структуры крупного российского бизнеса* еще замещают собой (выполняют соответствующие функции) или *создают-воссоздают* недостающие для капиталистически-рыночной экономики элементы: структуры-организации, рынки и институты, как правила и нормы.

Крупный бизнес в лице компаний, ИБГ и др., правда, в разной степени, вынужден в процессе своего *формирования* также формировать (строить, организовывать), что под силу только институциональным субъектам, и другие структуры и институты в экономике. В странах развитого капитализма *крупный*

бизнес может *вытеснять другие структуры и институты*, тем самым, *замещая их*. В трансформационной экономике - прежде чем *замещать*, *их создают*. Главное отличие российской трансформационной системы от системы классического капитализма состоит, может быть в том, что именно крупный бизнес, а не рыночная стихия (способствуя концентрации производства, экспансии капитала в другие отрасли и сферы человеческой деятельности) и не государство (путем протекционизма или колониальных захватов) строят капитализм для себя. Впрочем, вопрос о роли государства в наших нынешних трансформациях должен стоять отдельно. Здесь же заметим, что оно все-таки "выполнило свою миссию" в создании нашего корпоративного сектора, хотя бы в процессе залоговых аукционов. Надо не забывать и о том, что производственно-технологическая база для крупного бизнеса была создана в виде крупной индустрии в советский период нашего "буржуазного" развития.

Становление у нас корпоративного сектора, и некоторых других рыночно-капиталистических хозяйственных форм в период 90-х годов, в целом соответствует логике развития и становления этих форм классического типа, иногда, правда, с "обратным знаком"[1].

Что касается так называемого "мелкого" и "мельчайшего" бизнеса в его разных видах и формах, то он и представляет тот самый тип индивидуального экономического субъекта, представленного "мелким производителем", "работающим собственником", предпринимателем и предпринимателем капиталистом. Но, в отличие от крупного бизнеса, носители мелкого бизнеса двойственны: с одной стороны, они - носители предпринимательства, как специфически капиталистической активности индивида и представляют персонификацию основного отношения. С другой, - они есть "простые товаропроизводители", как носители экономической свободы, для которых их жизненные условия в основном остаются *случайными* (Маркс), в отличие от гарантированных, вследствие концентрации ресурсов, средств производства и т.д., для крупного бизнеса.

Мелкий бизнес несет в себе "работающего собственника" или "собственника-работника". Задача мелкого бизнеса - воспроизводство повседневности товарного производства и рыночных отношений, а также их механизмов: свободы экономического выбора, конкуренции и др. В этом качестве они олицетворяют исходное отношение системы. Функции этого сектора экономики и его носителей, вытекают из этой задачи: в основном те, которые на него возлагает "социальное государство" - создание дополнительных рабочих мест в условиях макроэкономического спада[2], быть носителем массовых сбережений, массового спроса и пр.

В мелком бизнесе более полно обнаруживается связь его представителей с исходными предпосылками и свойствами рыночно-капиталистической экономики. Здесь ниже степень институализации индивидуальной экономической активности и выше уровень *социально-экономической* "субъектности", по сравне-

[1] Например, то, что в классическом капитализме было сращено, у нас - разделено, и наоборот.

[2] В том числе - служить резервуаром "человеческого капитала" для инновационных, или "прорывных" отраслей и секторов экономики.

нию с сектороме крупного бизнеса. В то же время на Западе мелкий бизнес уже должен рассматриваться как продукт капиталистического воспроизводства, так как представлен, в основном, институтами, вернее, субъектами институционального происхождения, но функционального характера. В трансформационной экономике он представлен именно индивидами (индивидуально-трудовая деятельность "без образования юридического лица", которая пока еще преобладает в этом секторе), формирующими социальную группу мелких собственников-работников, торговцев, фермеров и т.д. (тех, кого раньше называли мелкой буржуазией), как носителей мелкотоварных производственных отношений. Институты, которые на функциональном уровне представлены соответствующими структурами-организациями-фирмами (частно-индивидуальными и партнерскими) не получили еще повсеместного распространения.

6.3 Степень зрелости основных субъектов формирующейся экономической системы и их функции

Мы привыкли различать в экономической системе скорее уровни хозяйственной деятельности (или воспроизводства), секторы экономики, отрасли, производственные комплексы, регионы и пр., нежели экономических субъектов. При этом эти структурные подразделения или элементы хозяйственной системы выступают самостоятельными "силами", приводящими в действие хозяйственные потоки. Однако как бы ни были замаскированы подлинные участники экономических процессов - индивиды и их группы, но именно они являются настоящими "действующими лицами" и "исполнителями" экономических ролей. В то же время вычленить их из экономической материи не так-то просто.

Какими бы ясными и прослеживаемыми ни казались на первый взгляд интересы и потребности различных участников хозяйственной деятельности, теоретически интересы и потребности определенных экономических субъектов остаются не "схваченными", а значит практически не управляемыми. Тогда мы наблюдаем якобы стихийно сложившиеся формы хозяйственной деятельности (в результате якобы же рыночных преобразований), при которых распределение и использование ресурсов и доходов, результатов производства и пучков прав собственности, возможность принимать управленческие решения и оказывать давление на государство и властные структуры и т.д. сосредоточены на одном общественном полюсе. Терпеливое ожидание "лучших" времен и экономическая (да и хозяйственная!) пассивность оказывается на другом его полюсе. Такая "расстановка" экономических субъектов не отвечает логике трансформационных процессов.

Теоретическая непотребляемость экономических интересов основных участников хозяйственной, производственной (в широком, воспроизводственном аспекте) деятельности, а также ограниченность анализа их хозяйственных потоков: товарных, денежных, финансовых, капитальных, инвестиционных, ресурсных, в которых эти интересы пространственно материализованы[1], обуслов-

[1] См.: М. Кастельс. Информационная эпоха... - С. 385-386.

лена тем, что эти интересы неотделимы от своих носителей. Здесь заключены проблемы не только управляемости экономическими процессами, но и направляемости общественного развития[1].

Проще для экономической теории, в частности, оказалось объяснить рыночную стихию в категориях спроса и предложения, рыночного равновесия и эффекта замещения и пр., чем выяснить, почему человек действует так или иначе при данных условиях. Ссылки на потребности и интересы недостаточны, так как требуют объяснения происхождения именно *таких интересов и потребностей*. И вновь встает вопрос: насколько верно, что сами индивиды создают условия своей хозяйственной деятельности и исторического развития? И не в этом ли их интерес?[2]

Еще классикам политической экономии удалось показать, что при определенных исторических условиях индивид получает свободу выбирать, создавать, менять и изменять условия своей жизнедеятельности, и не только хозяйственной. Но здесь, по крайней мере, есть два “но”. Во-первых, такая свобода достается не всем индивидам. Ведь разделение деятельности, социально-классовая дифференциация, овещнение, деперсонификация, институализация отношений между людьми не позволяют каждому ее присвоить. Во-вторых, для большинства из них свобода оказалась ограниченной лишь сферой потребления, что, впрочем, вытекает из первого.

Россия, как известно, не завершила даже классической стадии буржуазного способа производства, а в чем-то и его предпосылок не сформировала (не преодолела стадию личной зависимости, как характерную для добуржуазных социумов - архаичного, античного и средневекового), хотя в технико-технологическом отношении соответствующую базу для капитализма построила. Но других, необходимых для него условий, предпосылок, форм, отношений, не создала, и приступила к их созданию в очередной раз.

Общественные системы отличаются друг от друга многими параметрами и характеристиками. Одним из них является способ понимания индивидами устройства мироздания, включающего природу и культуру, а также то, каким образом они, в соответствии со своими мировоззрением и мироотношением выстраивают свои отношения с первой и создают вторую ипостась человеческого бытия. При такой постановке вопроса выясняется, что история и современная практика человеческого общества знают не очень уж много типов социально - хозяйственных систем, которые, к тому же можно проследить, в историческом развитии, на примере западно-европейского, североамериканского, в определенной мере других регионов планеты[3].

Человек, будучи субъектом в каждом из типов социально-хозяйственной системы, в то же время, свою "субъектность" обнаруживает не столько опосре-

---

[1] Если потребность в таковом имеется.

[2] Несмотря на очевидность положительного ответа, мы сами в это мало верим, так как до сих пор уповаем на другие "силы" или "силы других": будь то рынок, “новая элита”, правительство, президент, МВФ или ВТО.

[3] Речь идет об известных стадиях или ступенях такого развития: архаичном, античном, (азиатском, восточно-славянском - как вариантах), средневековом феодальном и буржуазном социумах.

дованно, сколько в завуалированной форме, если не в "перевернутом" виде, то есть она и не выглядит как его субъектность. Индивиды, будучи созидателями общественных форм производственной деятельности, своих отношений с природой и друг с другом, выступали и выступают в более пассивном качестве носителей или "персонификаций" этих форм, отношений, процессов и явлений хозяйственной жизни. Вернее, сама способность и возможность быть субъектом распределена в обществе неравномерно или, как говорят неоинституционалисты, - асимметрично. От социально-экономического характера отношений в обществе и в хозяйственной сфере, в частности, а также от уровня развития производительных сил каждого такого поколения индивидов зависит, кто является самостоятельным субъектом, принимающим решения в отношении ограниченных ресурсов, к которым он имеет свободный доступ, причем как на микро, так и на макроуровне хозяйственной деятельности, а кто - лишь носителем, персонификацией, *представителем* или *функцией* другого субъекта или субъектоподобной структуры.

Как мы пытались показать, в обществах, основанных на разделении деятельности и труда и разделенных на социальные группы, классы, слои, а в некоторых - на касты и сословия, производственные отношения либо *персонифицированы* (т.е. имеют своих носителей), либо *обезличены* вовсе„ анонимны. В первом случае индивиды в своей хозяйственно-экономической деятельности "играют" роли, исполняют функции, *"представляют", замещают,* являются *представителями* других субъектов экономики: домашних хозяйств, фирм, государства, фондов, ассоциаций, корпораций и пр. В случае обезличивания в экономике самостоятельно действуют некие анонимные, природоподобные силы и процессы и даже вещи: "невидимая рука", рыночная конкуренция, "спонтанный экономический порядок", а также товары, деньги, капиталы, цены и пр. Они замещают собой индивидов в том числе, сфере принятия экономических решений, становясь *самодвижущимися* и приводя (якобы!) в движение и направляя хозяйственные потоки, а через них и интересы самих участников экономической жизни.

Теперь мы более конкретно можем поставить вопрос не только о "социальной базе реформ"[1], но и о том, *кто непосредственно осуществляет* преобразования, трансформацию социально-экономической системы. Кто вкладывает в эти процессы свои интересы, делая их тем самым *обособленно присвоенными*, исключая для других доступ не только к ресурсам (в самом широком смысле: от средств производства, финансовых потоков до административных, властных и т.д.), но и к возможности самостоятельно строить свою жизнь и выбирать способ удовлетворения своих потребностей.

В нашей литературе эту проблему поднимают преимущественно экономические социологи и социальные психологи[2]. Причем, именно - как поиск со-

[1] См.: Т.И. Заславская. Указ. Соч.

[2] Реже ставится вопрос в русле проблематики экономической теории. Однако и в этих работах исходным является либо социологический подход (в узком смысле слова, а не в философском), означающий сведение проблемы экономического субъекта к индивидуальной активности в социально-психологическом аспекте, либо к функционированию "неоклассических" субъектов: фирм, домашних

циальной базы реформ, т.е. тех социальных слоев общества, у которых трансформационные процессы должны найти поддержку и одобрение[1]. К этим слоям общества относятся те, кто “психологически в большей степени, чем другие, готовы принять на себя ответственность за собственное положение и судьбу, предпринимательство и прорыв вперед, которые, тем самым прокладывают дорогу другим”. Однако тех, кто “психологически” готов это делать, "везде ... явное меньшинство, не более 15% населения”[2]. Даже житейские наблюдения показывают, что в повседневной жизни человек достаточно часто “перепрыгивает” через свой психологический тип. Что касается теоретической постановки вопроса, то следует вспомнить, что психологический подход в основном абстрагируется от исторического и социального опыта человека[3] и его деятельной способности “осваивать-присваивать” те формы хозяйственной, экономической жизни, которые ему *интересны* [4], т.е., в которых он экономически заинтересован, а не только те, которые обусловлены собственно психологическим типом личности.

Что же касается наших, отечественных "15% активных "психологически", то они, например, в лице первых кооператоров и других предпринимателей, как правило, наиболее квалифицированные и хорошо образованные работники бывших государственных структур в производстве, науке, образовании еще в самом начале реформ, до приватизации уже попробовали взять на себя ответственность и хозяйственно-экономическую инициативу. Но трансформационные процессы “распорядились” по-другому. Их места, как социально-экономически активных, заняты уже другими, пришедшими позднее из партноменклатуры, теневого сектора советской экономики, криминала. У них ока-

---

хозяйств и государства. См., например, коллективную монографию: “Экономические субъекты постсоветской России. (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. - М., 2001.

[1] См.: Т.И. Заславская. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш. школа соц. и экон. наук. - М., 1997; а также другие работы этого автора.

[2] А.И. Пригожин. Проблема субъекта - в центре приватизации // Социологические исследования. 1992. - № 3. - С.29.

[3] Исключение составляют школы, в которых "психическое" в человеке рассматривается во взаимосвязи с его предметной деятельностью как общественного человека. См.: А.Н. .Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. - М., 1977; С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. - М., 1946.

[4] Проблема экономических интересов является самостоятельной по отношению к данной работе. Отметим только, что в отечественной литературе она успешно разрабатывалась в свое время. См., например: Радаев В.В. Экономические интересы при социализме. - М. 1971; Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. - М. Политиздат, 1986; Гредин Г.Н. Основные субъекты социалистического производства и их экономические интересы. - Кемерово, 1984. - Деп. в ИНИОН. - №19462; Ханипов А.Т. Интересы как форма общественных отношений. - Новосибирск: Наука, 1987 и др. Так, А.Т. Ханиповым, что в самом общем виде интерес представляет собой “всеобъемлющее выражение активного, преобразующего воздействия людей на окружающий мир”. См.: Указ. Соч. - С. 18. Конкретизируя понятие интереса, его обычно увязывают с потребностями, с одной стороны, и с производственными отношениями, - с другой. Потребности “становятся функцией производства, если персонифицируются в экономических интересах участников процесса производства ... Экономический интерес раскрывает *способ деятельности людей* для удовлетворения потребностей, он указывает направление движения каждого агента производства”. См.: Гредин Г.Н. Указ. Соч. - С. 24-25. С нашей точки зрения, категория “интерес” уже с самого начала выражает преимущественно экономическое отношение индивидов к предметно-вещно-вещественному миру и к другим индивидам как к *предпосылкам своей деятельности*, то есть *как к ресурсам, подлежащим использованию*. В этом смысле понятие “экономический интерес” выглядит как тавтология.

залось больше административных, силовых и предпринимательских ресурсов, которые и обеспечили им исключительный доступ уже к хозяйственным ресурсам страны. Теперь "новые" представляют наиболее не только богатую, но и активную часть общества. Так что и житейски, и теоретически *экономическое* в нашем поведении пока оказывается сильнее *психологического*, по крайней мере, для вышеобозначенной группы общества.

Главным в иерархии субъектов выступает индивид, так как именно он, будучи субъектом предметной деятельности как целостной, включающей целеполагание, выполнение цели, выбор средств, самоконтроль и др. атрибуты, способен видеть как свои собственные проблемы этого мира и брать на себя их решение. Поэтому рассуждения о взаимной ответственности (и контроле) всех ветвей власти, бизнес-элиты и других слоев общества отражают только ситуацию отсутствия в современном российском социуме (да и в нашей истории примеров ее было немного) именно *индивидуальной* ответственности не то, что бы за судьбу страны, а хотя бы за результаты хозяйственной деятельности. Коллективная ответственность (и в политике, и в экономике) может иметь место, если она исторически и логически вытекает из свободы и ответственности индивида, а она начинается, как показывает история и логика капитализма, с ответственности за издержки и выгоды. Началом же этой последней является экономический интерес, в основе которого лежат потребности.

Однако логика истории такова, что непосредственно индивид (речь идет о большинстве) редко становился субъектом в вышеобозначенном смысле слова. В частности, это имело место на ранних этапах капитализма, когда именно индивидуальная свобода и ответственность создали как предпосылки, так и основы буржуазного социума. Для развития же капитализма в нашей стране всегда не хватало (да и сейчас не хватает) одного, или одной предпосылки - свободного индивида - “беглого крепостного крестьянина”, которого Маркс назвал “первым буржуа”. Несмотря на то, что свобода буржуа - это свобода быть субъектом в границах полезностного отношения к миру, вмененных издержек, упущенной выгоды, но и такая свобода оказывается необходимым звеном в истории человека, в его собственном становлении, его движении к самому себе.

К строительству капитализма мы приступаем уже не впервые. Несмотря на то, что часть буржуазных задач уже решили во времена упоминавшегося “реального социализма”, а соответствующего субъекта еще не имеем. А что же сегодняшние капиталисты и наемные работники? Смогут ли они выполнить свои функции в качестве субъектов формирующейся экономической системы: во-первых, обеспечить ее предпосылки и основы, во-вторых, превратить и постоянно превращать эти предпосылки в результат ее функционирования.

Те, кто нынче олицетворяет наш российский капитализм - так называемые олигархи, организованные в кланово-корпоративные группы, *не могут* создать ни предпосылок (лично свободный индивид), ни основ капиталистического производства. Основы эти представляют собой бесконечное множество ”добровольных обменов”, многочисленных актов купли-продажи, то есть собственно рынок со всеми его атрибутами: свободно формирующимися ценами, спросом-предложением, конкуренцией издержек производства и качества про-

дукции и т.д. Причина тут в двух обстоятельствах.

Во-первых, сами корпорации как организационная форма капитала, как его институт и функция (одна их них) являются формой, адекватной классическому и позднему капитализму (а, - не раннему нашему). Во-вторых, наш корпоративный капитал скорее псевдокапиталистический, т.е. подобный настоящему, исторически сформировавшемуся в странах первого и второго эшелонов капитализма. Он характеризуется как "превратный" или “мутантный” (термин предложил А.В. Бузгалин), т.е. искаженный, так как вырос из не адекватных ему оснований и предпосылок и продолжает на этих основаниях пребывать. Речь идет о внеэкономических отношениях крепостнического, полукрепостнического, а где-то и рабовладельческого типа, причем не только в отношениях труда и капитала. Здесь имеются в виду всяческие формы внеэкономической, добуржуазной зависимости: патернализм в отношениях разных бизнес-структур и групп, и в отношениях бизнеса с государством, с криминалом, клановость и семейственность в деловых отношениях и в политике, круговая порука[1].

Кроме этого показателем *псевдокапиталистичности* поведения экономических субъектов в нашей экономике может служить и построение бизнеса скорее “на качестве отношений” с партнерами, клиентами, поставщиками и потребителями, нежели на качестве продукта, издержках и ценах. Возникают и распространяются “джобберские договоры”, аффилированные и “дружественные” компании: участники рынка делятся на “своих” (получают хороший дисконт при покупке товара) и “чужих”.

Таким образом, вопрос о способности олицетворять капиталистические производственные (и в узком, и в широком смыслах) отношения, а не только отношения в сфере трансакций (в том числе и международных) представителями нашего корпоративного сектора остается открытым. Будучи главами компаний, холдингов, концернов, или "АО - ООО", членами советов директоров, они все-таки выступают как *функционеры от институтов*, являясь их представителями и поэтому не могут нести индивидуальную экономическую ответственность за результаты хозяйственной, предпринимательской деятельности. Ведь менеджерам даже самого высшего звена в соответствии с их положением в структуре акционерной собственности компании (финансово-промышленной или кланово-корпоративной группы) присуще оппортунистическое поведение, снять которое не всегда может даже соучастие в капитале.

В какой мере, с другой стороны, они могут выступать как социальная группа и, как соответствующий *коллективный* субъект? Для этого необходим (хотя бы номинальный) *общий экономический интерес* - интерес социальной группы, класса. Такой интерес возникает в случае, когда предпосылки и основы системы уже не только сложились, но и воспроизводятся. Здесь имеет место консолидация и интеграция интересов индивидов, являющихся *носителями* определенных отношений и *представителями* (а по большому счету и организаторами, созидателями) соответствующих экономических форм для закрепления

[1] Колганов А.И. К вопросу о власти кланово-корпоративных групп в России. //Вопросы экономики. - 2000. - № 6. - С.114-125.

этих форм и отношений уже в качестве результатов функционирования системы.

Но обычно асимметричное распределение ресурсов и результатов деятельности (в силу разделения деятельности и "родового" противоречия индивида) между людьми приводит к тому, что индивиды, олицетворяющие одни и те же отношения и формы хозяйственной деятельности, раскалываются на группы с противоположными интересами - классы. Функциями этих социальных групп являются, во-первых, консолидация интересов и сотрудничество для их реализации; во-вторых, они служат в обществе центрами соперничества, конкуренции, создают предпосылки для развития и прогресса в обществе. Но, судя по беспощадной, порой, конкурентной борьбе именно внутри этой пока еще только формирующейся социальной группы[1], можно констатировать, что *у тех, кто олицетворяет наш отечественный капитал, еще нет общих интересов*: накопления, расширенного воспроизводства, переструктуризации своего бизнеса в направлении новых технологий, т.е. укрепления капитализма.

Так что в российских хозяйственных процессах трансформационной экономики, в ее ресурсных, товарных, денежных, капитальных потоках и экономических решениях ее субъектов, воплощаются интересы не социальных групп или классов, или институтов и других организационных структур, *интегрирующих* индивидов в соответствии с их способом участия в производственных отношениях, а, скорее, интересы отдельных *персон.* Это находит выражение и в том *влиянии* лиц, возглавляющих кланово-корпоративные группы, которое они оказывают на принятие решений в политике и макроэкономике.

Вообще, характерная для трансформационной экономики "тенденция уменьшения размеров основных экономических агентов" - от "экономики государства" до "экономики физических лиц"[2], свидетельствует о процессах *системного* характера: вместо необходимого для господства рыночных отношений *обезличивания* мы получаем обратный процесс *персонификации*, как *персонализации*. Во-первых, эта тенденция может быть связана с изменениями в технико-технологических укладах трансформационной экономики, а именно, о деиндустриализации, т.е. утрате индустриального ядра в ряде отраслей (машиностроении, пищевой, легкой, сельском хозяйстве) и разрушении зачатков постиндустриального уклада. Это и выражается разукрупнением производства и хозяйственных единиц. Как известно, исторически именно прединдустриальному производству соответствовали ндивидуально-частный капитал и адекватный ему тип капиталистического предприятия, в виде простой кооперации и мануфактуры. Видимо, вопреки логике прогресса история все-таки возвращается вспять.

Во-вторых, процессы разукрупнения "экономических агентов" в тех сферах и отраслях, которые сохранили индустриальные технологии и претен-

[1] Эта борьба носит межличностный, индивидуальный характер, в отличие, скажем от подобных столкновений в странах развитого капитализма: там противостоят друг другу скорее обезличенные фигуры, олицетворяющие собой разные бизнесы, нежели особенные личности, персоны, как у нас.

[2] Г. Клейнер. Современная экономика России как "экономика физических лиц" //Вопросы экономики. - № 4.

дуют на вытеснение их новыми, постиндустриальными, или в тех, где с самого своего зарождения в нашей экономике использовали новейшие технологии, соответствующие ресурсы и производился информационный продукт[1], свидетельствуют об одной из общецивилизационных тенденций "ренессанса мелкой частной собственности"[2]. Интеллектуальный капитал, как правило, носит персонально-индивидуализированный характер, но производится в коллективном сотворчестве - непосредственном или опосредованном. Именно эта тенденция *персонализации* если не всего бизнеса, то ответственности за его отдельные участки характерна и для западных экономик, что нашло в свое время отражение в теориях "революции управляющих", "техноструктуры", "нового среднего класса" и др.

В-третьих, это еще раз подтверждает вывод о восстанавливающем развитии, как модели, характерной для российского социума. Индивидуально-частное хозяйствование[3] не было до конца реализовано в истории российской экономики, то есть в то время, когда этого требовали производительные силы. Не сформировались в свое время ни хозяйственная самостоятельность индивида, как массовое явление, ни, как уже было отмечено прежде, индивидуальная ответственность за ее результаты, ни принятие экономических решений (в условиях неопределенности, риска, инноваций) *каждым* хотя бы в пределах своей хозяйственно-производственной или "трудовой" единицы (рабочего места в условиях "реального социализма")[4].

Российским социумом оказался не пройденным этап индивидуального предпринимательства как необходимая ступень в развитии рыночно-капиталистической системы и личной свободы индивида. Но логика капиталистических отношений "берет свое": не пройденные ступени и не освоенные формы требуют восстановления и возвращаются, осваиваются другими поколениями, но уже в искаженном виде.

В российской экономике сейчас индивидуально-частное предпринимательство или малый бизнес занимает незначительное место не только в макроэкономических показателях: объеме ВВП, численности занятых или налоговых поступлениях. Оно не стало постоянно воспроизводящейся основой нашего капитализма. Более того, как отмечают некоторые авторы[5], малый бизнес все больше уходит в "тень", т.е. не учитываемую и не облагаемую налогами сферу экономики, в том числе, - сферу *индивидуально-трудовой деятельности*. Впро-

---

[1] Речь идет об отраслях с высокой долей интеллектуального капитала: оборонно-космическом комплексе, либо о секторе трансакционных услуг (консалтинг, аудит, PR- бизнес).

[2] Другой тенденцией в этом отношении является социализация собственности. См.: Альтернативы модернизации российской экономики /Под ред. А. Бузгалина, А. Колганова, П. Шульце. - М., 1997.

[3] Частная, в смысле обособленная, собственность является лишь *исторически* необходимой и лишь одной из форм развития производственных отношений и производительных сил, а отнюдь не всеобщей и единственно эффективной формой хозяйствования. В российском общественном сознании чаще ее либо вообще отрицают, либо превозносят как единственную эффективную форму.

[4] Нами не была освоена и "форма работающего собственника" или "форма работника как собственника". См.: К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т46. - Ч.I. - С.489.

[5] В. Радаев. О малом бизнесе в российской экономике // Эксперт. - 2000. - № 36.

чем, и это служит доказательством восстановления у нас стадии “простого” товарного производства.

Если мы взяли в качестве курса наших преобразований движение к капиталистической экономической системе[1], то нам, так и так, придется пройти стадию “вещной зависимости”. Придется осваивать эту специфическую форму отношений между людьми, при которой индивиды лично свободны, т.е., свободны от личной зависимости: отношений патернализма, клиентелы, полукрепостнической, крепостнической и даже рабской (в отдельных точках нашей экономики и общества) зависимости, от внеэкономических связей, форм хозяйственной деятельности, построенных на такого рода отношениях между людьми. Это означает переход не просто к экономическому принципу *полезности*[2], а к принципу *обезличенности отношений*, который выражается в стоимости - этом сгустке абстрактного, обезличенного (но полезного!) труда. А уже на основе обезличенности, которая означает укрепление “товарности”, “денежности” наших отношений, что, происходит сужение для индивида сферы его субъектности до принятия им экономических решений по поводу узкого круга предпосылок производства. В то время, как его функции субъекта в отношении регулирования хозяйственных процессов "передаются" "стихийным рыночным силам".

Один из парадоксов рыночно-капиталистической хозяйственной системы и заключается как раз в том, что именно “овещнением” индивида и его отношений с другими индивидами сопровождается появление индивидуальной свободы и ответственности, правда, пока только, как уже отмечалось, в рамках принципа возмездности, эквивалентности, выгодности. Именно на этих принципах в отношениях индивидов становится возможным возникновение капитала и мощных производительных сил, позволяющих впервые в истории человечества ставить и решать не только проблемы накопления, расширенного воспроизводства, экономического роста и эффективности, но и общественного благосостояния (хотя и в пределах только массового потребления).

Капитал как внешне “симметричное” отношение, основанное на “добровольном”, построенном на юридически равноправных отношениях обмене, и капитал, покоящийся на полуфеодальных отношениях и личной зависимости (невыплаты и задержки заработной платы, установление оплаты труда на уровне ниже стоимости рабочей силы, оплата натурой, манипуляции со сверхурочными, прием на работу без оформления договора и т.д.), - эти капиталы суть разные экономические системы, но в рамках одного буржуазного социума. Они представляют собой также разные системы отчуждения индивидов и разные

[1] Рыночная экономика не является самостоятельной социально-экономической системой, она может служить основой (или всеобщей основой) буржуазно-капиталистического способа производства; точно также, не может быть самостоятельной социально-экономической системой плановая экономика. "Плановым" или "рыночным" может быть только способ распределения ресурсов, способ координации действий экономических субъектов, способ их включения в общественной производство.

[2] Эту мировоззренческую установку мы уже освоили, начав еще с модернизации времен Никоновского раскола в XVI в., и пронесли через все наши прежние буржуазные и псевдобуржуазные преобразования в течение более трех столетий, так и не сделав ее принципом хозяйствования.

модели, вернее, типы экономического субъекта.

В первом случае имеют место отношения хотя и отчужденно-овещненные, но складывающиеся при соблюдении прав и обязанностей обеих сторон (участников). Эти "стороны" и не субъекты в полном смысле слова: оба участника являются представителями вещных (отчужденных от индивида) структур - капитала и труда. Однако именно они создают предпосылки как материальные, так и идеальные, во-первых, для собственной экономической активности как способности делать выбор в условиях ограниченных ресурсов (оптимально хозяйствовать), и, во-вторых, для неотчужденной деятельности и неограниченного развития человеческих способностей каждого, что проявляется в условиях информационной экономики.

Во втором случае, когда незрелость, неразвитость товарно-капиталистически-буржуазных отношений для индивида означает, что он находится в ситуации “между”: не преодолев личной зависимости, он не может освоить (и преодолеть) и вещную зависимость.

В России за годы “реформ” происходило постоянное снижение уровня и качества потребления (и до этого не очень высокого). Однако самое главное в этом процессе - сужение потребностей, что равносильно утрате основного стимула хозяйственной (куда уж до экономической!) деятельности и труда, как первой ее составляющей. Следующей ступенью является исчезновение интереса, как направляющего мотива хозяйственно-экономической деятельности. Следует подчеркнуть, что, по большому счету, в обществе, в котором отсутствует массовый покупатель - потребитель (всего того, что должен производить капитал или “поставлять рынок) не возможно развитие не только капитализма, но и элементарных рыночных процессов.

Впрочем, макроэкономическая зависимость динамики производства от платежеспособного спроса, остающаяся характерной для буржуазной системы (хотя и оспариваемая) не может быть нами использована из-за ресурсных ограничений[1]. Здесь все попытки обратить внимание на так называемый “средний класс”[2] не могут решить проблему воссоздания платежеспособного спроса и возрождения производства, несмотря на то, что пока именно эта группа населения демонстрирует рыночно-капиталистическую последовательность смены потребительских стандартов: от продуктов питания и одежды, сложно-бытовой техники и улучшенного жилья - к инвестициям. В той ситуации, в которой мы оказались, нам нужен такой экономический субъект как *массовый потребитель* или, - “домашние хозяйства”, в категориях неоклассической экономической теории или в категориях данной работы - “институциональный (по происхож-

[1] “Сценарий “потребительски ориентированного роста”... “представляет собой ложную (подчеркнуто мной - С.Б.) альтернативу инерционному развитию.” Но в то же время, отмечает А. Белоусов: “Структурные проблемы экономики (деиндустриализация, снижение технологического уровня большинства производств - С.Б.) не могут быть решены за счет снижения уровня жизни - это не только социально опасно, но и бесперспективно”. См.: А. Белоусов. Экономика России: стратегические угрозы и альтернативы развития // Экономические стратегии. - 2000. - №2. - С.53,57.

[2] Эта социальная группа составляет примерно от 10-15 до 20% населения, которая у нас - “выше среднего”: душевой доход на семью в месяц здесь составляет 200-300 долл., при действительно среднем по стране - около 70 долл. См.: “Эксперт”. - №17. - 2002.

дению) субъект функционального характера".

В трансформационной системе домашнее хозяйство не может пока выполнять *функции* экономического субъекта во всей их полноте: потребления, сбережения, частных инвестиций, носителя рабочей силы (производителя и поставщика "человеческого капитала") и других ресурсов, и, тем самым, оказывать влияние на экономику страны. В нынешней ситуации оно также представляет *неформальную экономику*[1]. В этом случае домашнее хозяйство - это не рыночный субъект, а, скорее, семейное хозяйство полунатурального типа, основной целью которого является выживание.

С другой стороны, *домашнее хозяйство в качестве потребителя,* - это, возможно, самый, на сегодняшний день, "рыночный" субъект. Именно в его поведении, по словам А. Аузана, в первую очередь произошли изменения, проявившиеся в демонстрации рационального потребительского поведения в условиях "шоковой терапии", дефолта, а также в попытке защитить свои права через суды. В свою очередь и бизнес меняет свое поведение не столько под влиянием конкуренции внутри производителей и продавцов, сколько под давлением со стороны потребителей[2].

Таким образом, проблемы и трудности, испытываемые нашей экономикой, носят субъектный характер. Нельзя сказать, что в обществе не хватает экономических субъектов, соответствующих выбранным целям и задачам трансформации. В структуре российских экономических субъектов мы обнаруживаем все их основные типы, характерные для любой капиталистически-рыночной экономики, как-то: индивиды, социальные группы (классы) и институты, с одной стороны, и домашние хозяйства, фирмы и государство, - с другой. Наши субъекты хозяйственной деятельности лишены, в основной массе, *экономических интересов*, адекватных складывающемуся вектору развития.

Для социально-экономической системы, формирующейся у нас в настоящее время характерны противоречия между добуржуазными и буржуазными отношениями и формами, а внутри последних - между ранним и поздним капитализмом. Стороны этих противоречий *олицетворяются*, с одной стороны, *одними и теми же субъектами*, но, с другой - разными их "*состояниями*", в которых эти же субъекты выполняют разные функции.

В соответствии с такой *структурой производственных отношений* и *структурой экономических субъектов* перед обществом, государством и индивидами стоит, по меньшей мере, двуединая задача. С одной стороны, необходимо обеспечить позитивные структурные сдвиги, инвестиционную активность в промышленности, экономический рост, что под силу только капиталистическим формам хозяйствования и классу, если хотите, крупных капиталистов (в лице корпораций и других институтов - коллективных субъектов).

С другой стороны, для того, чтобы это выполнить[3], нужна повседнев-

---

[1] См. по проблеме: Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Теодора Шанина. - М.,1999.

[2] Выступление на конференции "Проблемы социально-экономических трансформаций" в МГУ им. М.В. Ломоносова, 17-18 июня 1998 г.

[3] Если мы не хотим тоталитарной модели капитализма.

ность рыночных отношений, конкурентная среда, в которой индивид, в лице *мелкого* производителя (или *малого предприятия*), торговца, потребителя мог соперничать с равными себе, проявлять и формировать свою индивидуальную экономическую свободу и ответственность. Должно быть два сектора, два "анклава" в экономике, в которых "игра" бы происходила по *разным* правилам.

6.4 Субъекты переходных производственных отношений: проблема редукции

Исследуя проблему экономического субъекта трансформационных процессов необходимо как минимум, подвергнуть сомнению, а как максимум - отрицанию тезис о переходе нашего общества от плановой экономики - к рыночной. Во-первых, плановым или рыночным, в собственном значении этих категорий, может быть только механизм регулирования хозяйственных процессов и поведения экономических субъектов. Ни тот, ни другой из них, конечно же, *не являются* исторически нейтральными или всеобщими[1]. В этом смысле говорить о плановой или рыночной экономиках или типах социально-экономических систем в целом можно, только с точки зрения метафоры. Во-вторых, в очередной раз "запутывая следы", "не называя вещи своими именами", мы вновь рискуем и прийти не туда, куда хотели.

Как и всякий процесс сведения сложного к простому в социально-экономической действительности, попытка представить трансформационные процессы в российском социуме как переход к рыночной экономике представляет собой *редукцию*. При этом забывается, что таким образом нельзя объяснить наших процессов, происходящих в структуре собственности, экономике и структуре субъектов. Вообще, любая попытка все изменения - трансформации объяснить через формирование рыночного механизма, каким бы усложненным он ни трактовался[2], означают снижение уровня проблемы. Впрочем, это - вопрос методологического плана, содержанием которого является принцип историзма.

К. Маркс пытался показать, что отчуждение, разделение деятельности, овещнение, деперсонификация личностей - это все феномены исторические, порожденные определенной социально-экономической системой, а значит, в перспективе преодолимы. Но в тоже время, именно он, описав экономический строй капитализма, воссоздав в категориях политической экономии основные свойства других, преимущественно предшествующих хозяйственных систем, пришел к выводу: история - это индивидуальное развитие людей, независимо от того, осознают они это или нет. То есть, преодоление отчуждения, порождаемо-

---

[1] В.Н. Черковец говорит о тождестве (логическом? - С.Б.) понятий "рыночная экономика" и "капитализм". См.: Черковец В.Н. Синтез науки, идеологии и политики //Развитие капитализма в России - сто лет спустя ... - С. 15. Там же: Бузгалин А.В. В.И. Ленин в актуальном прочтении. - С. 12.

[2] Л. Евстигнеева различает "линейную систему конкурентного рынка" и "нелинейную сложную систему рыночной макроэкономики". См.: Евстигнеева Л. Новая эпоха - новая наука (о книге "экономическая социодинамика". Гринберг Р., Рубинштейн А. - М.: ИСЭ - ПРЭСС, 2000.) // Вопросы экономики. - 2001. - №4. - С.148. Также: Мезоэкономика переходного периода: Рынки, отрасли, предприятия. - М.: Наука, 2001. - С.283.

го разделением деятельности, происходит на индивидуальном уровне, преодолевается каждым человеком. В этом случае эта задача не столько какой-либо общественно-экономической формы производства, сколько задача повседневности каждого человека, происходящей "здесь и сейчас", но в то же время, в одной из таких исторически определенных, социально-экономических систем.

Отказ от формационной парадигмы или ее принятие в социологии и экономической теории - вопрос не идеологии, а вопрос мировоззрения и методологии. Во-первых, потому, что этот вопрос относится к субъекту. Причем, не только к субъекту науки, для которого остается актуальным вопрос о том, какова цель исследования: выявление "общего" в процессах и явлениях, или "всеобщего", как основы и логики, связывающей единичное и особенное в единое целое, - то, что называется differentia specifica? Во-вторых, от этого зависит, какой уровень задач, можно решить, приняв эту парадигму, или отказавшись от нее?

Что касается первого обстоятельства, связанного с субъектом науки, то можно отметить следующее. Авторы концепций, принципиально оперирующих общеэкономическими понятиями или понятиями теории организации, такими как рациональность поведения индивидов, ограниченность ресурсов, оптимизация, права собственности, трансакции, соглашения и др.; очень скоро оказываются в плену логики предмета. Тогда оказывается, что рациональность хозяйствующего субъекта ограничена, в частности, его способностями, которые носят культурно-исторический характер (О. Уильямсон). Или, при анализе различных соглашений, контрактов, следует учитывать социальный контекст, понимаемый как привычки, нравы, обычаи и т.п., в котором реализуются трансакции. К этому же контексту относится и то внимание, которое уделяют сторонники общеэкономической парадигмы к проблеме состыковки побудительных мотивов участников сделки. Абстрактные, с точки зрения конкретного социально-экономического контекста, права собственности, рассмотренные с позиции спецификации и исключительности, оказываются правовыми режимами собственности, т.е. фактически, формами собственности, с вытекающими из них конфликтами экономических интересов. А предельно абстрактная предпосылка об ограниченности ресурсов предстает, через ряд посредствующих звеньев, проблемой специфичности ресурсов, как взаимноуникальных способностей индивидов, использование которых требует не только определенной организационной формы производства, но и социально-экономической - совместного хозяйствования (Д. Норт, Р. Коуз). Категория обмена, активно используемая в неоинституциональном анализе, оказывается не только формой движения товаров, услуг, информации между продавцом и покупателем, но, и - "обменом-общением" взаимноуникальных индивидов (А. Олейник).

Таким образом, внешнее безразличие неоклассической, неоинституциональной и других теорий к определенной социально-экономической форме производства оказывается лишь декларацией.

Актуальность формационного подхода к, казалось бы, общеэкономическим проблемам, остается в той мере, в которой сохраняется разделение деятельности и труда, а значит, существуют социально-экономические различия

между индивидами.

С другой стороны, и структурно-функциональный анализ позволяет понять многое в процессах, происходящих в современных экономических отношениях, отечественных, в том числе. Попытка выделить основных экономических игроков, которые представлены крупными производственно-хозяйственными комплексами, действующими в пост-советском экономическом пространстве, позволяет вычленить в обществе некоторые особенные экономические интересы, а также сферы возможного согласия и возможных конфликтов их носителей (А. Белоусов). Правда, здесь речь идет об очень узком общественном слое - предпринимательской элите, разделенной на олигархические группы. При этом, оперируя только структурно-функциональным анализом, безотносительно к социально-экономической форме производства, вряд ли можно подойти к решению проблемы экономической активности большинства населения. Ведь любая общественная форма производства создается посредством повседневной деятельности каждого, а рыночно-капиталистическая - в первую очередь. Здесь вновь возникает двусторонняя проблема, которую прежде мы обозначили как цель исследования: какие общественные формы хозяйствования будут сформированы в России в переходный период и чьи смыслы, ценности, экономические интересы будут образовывать содержание этих форм.

До капитализма не было "рыночной экономики", как и *рыночных отношений*, так как не было еще соответствующего рынку экономического субъекта, как свободного индивида, вернее, он только формировался. Исторически и логически имело место состояние производства и обмена, которое отражается таким понятием как "простое товарное производство"[1]. Скорее всего, рыночные отношения в том виде и содержании, в котором мы их можем наблюдать эмпирически (в так называемых развитых странах) и видеть теоретически, являются сами продуктом капиталистического производства. Отсюда наши попытки "поставить телегу впереди лошади" не дают желаемого эффекта. Ведь для превращения простого товарного производства в капиталистическое, которое затем, на поверхности явлений, выступает как рыночная экономика, в которой рыночные отношения и рыночный же механизм хозяйствования, регулирования и т.д., - необходимы, как известно, предпосылки. А они пока еще не все есть в наличии. Нет "полного" превращения рабочей силы в товар, нет массовой индивидуально-частной собственности, да и собственника-работника как массового явления не было, и нет.

Объяснять наши трансформационные процессы как сугубо рыночные, означает попытку объяснять их через механизмы спроса-предложения, рыночного равновесия, потребительскими предпочтениями, производственной функцией и т.д. Хотя в современных развитых экономиках и эти, казалось бы, сугубо рыночные атрибуты не есть сугубо рыночные. На них уже лежит печать капиталистичности, и здесь дело обстоит не так, что наряду с рынком товаров мы

[1] Можно вспомнить также "первобытное" состояние общества у А. Смита, а также понятие "экономики обмена-дара" у М. Мосса, которую он противопоставляет "так называемой естественной" экономике или утилитаризму. См.: Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии /Пер. с франц. - М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1996. - С. 209.

имеем рынки труда, капитала и т.п. Дело обстоит таким образом, что *все это* (и товарные рынки, и рынки капитала и других ресурсов), функционирует внутри системы капитала и под его началом, по его инициативе, каким бы другим это функционирование не виделось[1].

Так что, апеллирование только к рыночному характеру наших трансформаций (да и к рыночному характеру экономик развитых стран), не только обедняет исследование, сужает горизонт, но и не отвечает действительности: ибо получается, что в ходе эволюции капитализма рыночное начало в нем победило капиталистическое содержание. В то время, как все происходит с точностью до наоборот: *капитализм уничтожает свои предпосылки* точно также, как до этого он их воспроизводил, в том числе и сами рыночные отношения и его субъектов. Индивидуального частного собственника, собственника-работника, если и возрождает вновь, то, частично, в сфере интеллектуальной деятельности и обслуживания, и не в качестве хозяйственного или экономического субъекта, а, именно, в качестве работника или производителя. Конкуренцию - этот "спонтанный рыночный порядок", превращает в совокупность знаков, заместителей, посредствующих звеньев в виде глобальных информационных сетей в экономике. Все это, если не уничтожает, то, в качестве вспомогательных форм перемещает на периферию экономической системы.

Таким образом, характер наших трансформаций, скорее капиталистический, чем рыночный, хотя на поверхности явлений он видится по-другому. Отношения в сфере производства и других сферах: в потреблении, обмене, распределении выступают не как отношения различных форм капитала и их носителей (то есть социально-экономических субъектов), а как отношения различных функциональных субъектов, а это есть продукт развитой буржуазной экономики. Несмотря на эту видимость, в российской экономике все-таки просматривается капиталистический характер трансформационных процессов. Ибо здесь *отношения*, возникающие в ходе преобразований есть, в первую очередь, отношения персон или "физических лиц" - тех самых экономически активных индивидов, которые так необходимы для начала и развертывания буржуазного экономического строя, а не институтов в виде домохозяйств, фирм и государства.

В условиях ставшей буржуазно-экономической системы, в сфере объективной видимости друг другу противостоят, скорее, не индивиды или не социальные группы против других социальных групп или не индивиды против институтов - коллективных действующих лиц (последние берут под покровительство индивидов (так возрождаются, как считает Умберто Эко, средневековые корпоративные отношения), а индивид, как хозяйствующий субъект, противостоит рынку, как субъектоподобному институту. Обязательны ли они в своем взаимополагании? Если его не будет, то у нас не будет рынка, как соответствующего капиталу механизма распределения ресурсов, регулирования хозяйст-

[1] Пока оставляем в стороне вопрос, какого именно капитала: финансового, промышленного, корпоративного или глобального.

венной деятельности участников общественного производства (до тех пор, пока не будет индивида именно как такого хозяйствующего субъекта). Они противостоят друг другу, находясь в диалектическом противоречии: индивид воплощает собой все многообразие его отношений с другими индивидами, всесторонность, универсальность его деятельности и открытость миру (при этом продолжая сводить все это к полезности); рынок же воплощает, в "лице" стоимости обезличенность, безразличность в отношениях между индивидами, выступая самостоятельным, по видимости, "субъектом", регулирующим, направляющим, организующим хозяйственную деятельность индивидов, пусть и в виде рациональной, эффективной ее формы.

С одной стороны, рынок, обеспечивая эффективность распределения и использования ресурсов, конечно же, вытесняет индивида как самостоятельного субъекта (что особенно наглядно обнаруживается на стадии постклассического капитализма). С другой, именно рынок с его атрибутами и требованиями обеспечивает формирование экономически активного индивида.

Если в развитых странах это диалектическое противоречие воплощалось в деятельности, персонифицировалось последовательно в различных социальных группах и классах (от частных индивидуальных предпринимателей - первых торговцев, владельцев мануфактур и просто "беглых крепостных крестьян" - до управленцев-менеджеров и класса акционеров-собственников) и носило поступательный характер, то в нашей российской действительности диалектика индивида как хозяйствующего субъекта и рынка как субъектоподобного института практически никогда явно не прослеживалась. Это происходило потому, что вещная зависимость как необходимый атрибут обезличенных рыночных отношений не смогла вытеснить основных форм личной зависимости. Обезличенность отношений носила локальный, фрагментарный характер, а не всеобщий, поэтому стоимость и рынок, а следовательно и капитал так и не стали основными "субъектами" экономики или регулирующими структурами. Место рынка занимало государство.

В нынешний период трансформации вновь нами сделана попытка осуществить переход не столько к рынку или капиталу, сколько противопоставлению индивида и рынку, и капиталу.

В процессе развития буржуазной экономической системы обнаруживается закономерность: чем шире экспансия рыночно-капиталистических отношений, вовлечения в их орбиту новых и новых человеческих способностей, сторон, ипостасей, уровней, планов его деятельности, что находит выражение в появлении разных рынков и разных форм капитала, тем меньше "сила" самого рынка (но не капитала!). При этом больше совместного хозяйствования - планомерности. Субъектами же этих отношений становятся институты- организации как коллективные действующие лица. Получается, что где *меньше рынка*, *там больше институтов и меньше индивида* в хозяйственной деятельности[1].

[1] Таким образом проявляется постэкономическая тенденция развития капитализма. Проявлением этой тенденции, в свою очередь, является не столько формирование постэкономических, постматериальных мотивов хозяйственной, производственной, трудовой деятельности индивидов, сколько "уход" индивида из сферы принятия экономических решений.

Но, “уйти” из хозяйственной деятельности свободным индивидом в креативную деятельность, он может только пройдя через экономику, то есть, побывав в роли экономически активного индивидуального субъекта.

Если имеет место быть такая исторически и логически просматриваемая в буржуазном социуме цепочка замещений: “индивид - рынок -индивид - капитал - институты”, то здесь возникают, как минимум, две проблемы (оставим пока в стороне их последовательность). Первая проблема состоит в том, что, как видится, каждая последующая форма или субъект содержит в себе в снятом виде и предшествующие формы или свойства, признаки прежнего субъекта (или субъектоподобной структуры). Кроме этого предшествующие формы и субъекты сохраняются и в чистом виде, - без изменений и трансформаций, перемещаясь при этом на периферию экономической системы. Здесь речь идет о рынке и капитале как ведущих хозяйственно-экономических формах буржуазного социума.

В результате такого последовательного снятия предшествующих форм хозяйствования и свойств их субъектов, возникают такие феномены как “поведение фирмы”, “экономические интересы фирмы, предприятия, корпорации”, “деятельность фирмы” и т.д. Хотя, по большому счету, и здесь следует согласиться с Мизесом и Хайеком и др., что решение принимают только индивиды (обособленно или совместно) и, соответственно этому, говорить о поведении, интересах и деятельности, можно только в отношении индивида. В остальных же случаях, следует иметь в виду, что речь о таких явлениях может идти только в метафорическом смысле, либо воспринимать их с учетом *превратности, представительства, "опрокидывания", замещения одних субъектов другими и превращения первых в функции от вторых*. Деятельность не только субъектна, но и индивидуальна.

Вторая проблема, возникающая в процессе прослеживания цепочки замещений от индивида к институтам (через рынок и капитал) возникает по отношению к российской экономической системе, к процессам, протекающим в структуре российской экономике, а значит, в структуре ее субъектов. Каким образом трактовать в этом контексте процессы приватизации, либерализации, разгосударствления, а также интеграцию и разукрупнение производственно-экономических единиц в 90-е годы? В той мере, в которой эти процессы противоположны, например, интеграция и разукрупнение, как происходящие в разных сферах и секторах экономики (интеграция в промышленности, разукрупнение в сфере услуг), они происходят в одной и той же экономической системе, в которой в силу исторических причин вынуждены одновременно формироваться или возобновляться исторически разные хозяйственные формы и производственные отношения.

Так, известно, что рыночные отношения, квинтэссенцией которых является стоимость и полезность, исторически и логически предшествуют капиталу и его формам. У нас же сейчас, не говоря о предшествующей трехсотлетней попытке создать буржуазно-рыночную капиталистическую экономическую систему, эти формы “формируются” одновременно, если не сказать, одномоментно.

Так, интеграция (прежде она называлась концентрацией и централизацией производства и капитала) ведет к формированию адекватных для себя хозяйственно-производственных единиц - институтов (разных видов и форм), как развитых субъектов капитала, хотя развитым частно-индивидуальным субъектом капитала (для классического капитализма) является также индивид. Здесь процесс разукрупнения как и другое, например, проявление частно-индивидуального предпринимательства в виде индивидуально-трудовой деятельности по сути означает воспроизведение необходимых условий и предпосылок формирования рынка и стоимостных отношений, ибо их "родовым" субъектом может быть только индивид. Формирование индивидуальной экономической активности может выступать как проявление свойств *исходного*, по сути и *основного*, экономического субъекта буржуазно - рыночно - капиталистической экономики, да и социума в целом.

Государство как институциональный экономический субъект есть такой же атрибут рыночно-капиталистической хозяйственной системы, как и рынок. Их связь (взаимодействие) в определенных условиях постклассического капитализма - это не характерное свойство, "смешанной экономики", это родовое свойство капитализма.

Прослеживание связей, цепочек замещений индивида другими хозяйствующими субъектами в ходе приватизации, разгосударствления и_наоборот, в нашей экономике показывает последовательность становления специфически капиталистических субъектов обоих типов, как социально-экономических, так и функциональных, которая исторически обусловлена формированием различных форм самого капитала. Поэтому в процессе формирования российских экономических субъектов, адекватных характеру наших трансформаций (все-таки буржуазных, а не только рыночных) обусловлена логикой и последовательностью становления соответствующих форм и видов капитала. Это, кстати, демонстрирует ход российских экономических преобразований. Если первыми формами, восстановленными после тотального огосударствления экономики были формы торгового, финансового капитала, что на первый взгляд, противоречит логике капитализма, то после кризиса 1998 года все стало на свои места. В том факте, что финансовый сектор так и не поднялся в отличие от реального, и финансовые рынки не восстановлены, в частности фондовые биржи, то в этом можно усмотреть логику становления и восстановления в России капитализма.

Все-таки в начале собственно "капиталистическим" капиталом был промышленный капитал, в то время как торговый в форме купеческого и денежный в форме ростовщического служили лишь предпосылками собственно промышленного капитала. В качестве обособленных же - банковский, фиктивный и финансовый капитал как самостоятельные и соперничающие с промышленным капиталом, появились на стадии интенсивной индустриализации. Наше апеллирование к роли финансового капитала в современной экономике (с оглядкой на ее развитые образцы) означает наше желание построить финансовый капитал с соответствующими ему рынками, базируясь на одном производительном капитале советской эпохи, минуя стадии восстановления денежного и товарного капитала и соответствующих им форм кругооборота. Естественно, что этого не

получилось[1].

Как уже отмечалось, кроме становления и восстановления капитала (от промышленного до финансового) параллельно происходит становление его носителей - соответствующих экономических субъектов: соответствующих как каждой форме капитала, так и каждому этапу его становления. Там, где требуется индивидуально-частная инициатива и ответственность [2], появляется *индивид* как экономический субъект, несмотря на масштабы обобществления капитала и производства, и несмотря на то, что все-таки эти процессы происходят в корпоративном секторе. Что касается институтов, то их формирование можно считать замедлившимся после кризиса 1998 г.

Если классический капитализм и промышленный капитал формировались на основе своих предшественников - купеческого и ростовщического капитала, то наш нынешний капитализм восстанавливается все-таки на основе не только производительной формы капитала советской эпохи, но и банковского и, частично, торгового капитала[3]. Будучи предпосылкой нашего промышленного капитала и его необходимым условием, наши банки могут быть квалифицированны как представители не ссудного капитала (как если бы они были продуктом промышленного капитала), а ростовщического капитала как предшественника промышленного.

Так что нам остается еще ждать так называемой нормальной рыночно-капиталистической банковской системы. Хотя ее аналог, с определенными ограничениями, но буржуазными же функциями в буржуазной экономике советского периода уже существовал в виде системы государственного банка и сберегательных касс[4]. Однако сформируется теперь она, в лучшем случае, параллельно с промышленным капиталом во всех его трех полноценных формах и единстве его трех кругооборотов. Может быть, это произойдет не одновременно, а после становления промышленного капитала.

Что касается финансового рынка, в узком смысле слова, в виде фондовой биржи, то он может “стать” только после банковского капитала, что, впрочем, также неоднозначно, ведь хозяйственные структуры, порождающие фиктивный капитал, уже формируются. Речь идет о корпоративном секторе нашей экономики и об активном формировании акционерной формы капитала.

Не потому промышленно-ориентированные группы (“Роспром”, например) тяжелее пережили кризис 1998 г., чем финансовые или торгово-ориентированные, например “Альфа-групп”, что у вторых имела место менее

---

[1] См. о сложностях банковско-финансовой составляющей российской экономики: Мезоэкономика ... - С .317.

[2] См. организационно-управленческую структуру “Альфа-групп”. Там же. - С. 320-324.

[3] Происхождение этих форм в нашей экономике также “сомнительно”, как и прошлое этих капиталов в странах первого эшелона: за счет обескровливания реального сектора или сферы производства путем лишения бывших государственных предприятии оборотных средств и в денежной и товарной и производительных формах (при этом следует отметить, что произошел "отрыв" основных производственных фондов и оборотных друг от друга); ограбления населения в ходе либерализации цен, денежных реформ и крахов банковской системы

[4] См.: Парусимова Н.И. Концепции современных денег, кредита и банковского дела в контексте экономической теории //Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания ... - С.343 355.

жесткая управленческая структура[1]. Это произошло по той причине, что именно из промышленности, реального сектора, основные виды ресурсов, в том числе финансовые, денежные перетекали в финансово-банковский сектор (для целей нашего первоначального накопления). Также проедались запасы и заделы промышленного сектора[2]. По сути, происходит отток не только денежного капитала из реального сектора, но и проедание "всем миром" производительного капитала в форме оборотных средств, так как реальные доходы основных групп населения росли в этот период быстрее, чем все позитивные показатели реального сектора.

Что касается организационно-управленческого построения корпораций, групп, альянсов в российском бизнесе, то оно не играет столь решающей роли, которую ему приписывают. Это построение, либо по типу холдинга, либо по типу финансово-промышленных корпораций играет, в лучшем случае, вспомогательную роль в формировании капитала, в первую очередь, промышленного. Метазадача в данном случае состоит в самом содержании такого формирования. А содержание это двояко: с одной стороны необходимо восстанавливать утраченный индустриальный потенциал в экономике, что означает необходимость возрождения и формирования соответствующих - классических форм капитала и их носителей - субъектов, включая индивида - частного собственника - капиталиста - предпринимателя.

Конечно же, следует при этом учитывать, что индустриальной экономике наиболее подходят жесткие, вертикально интегрированные концерны, а может быть и предшествующие им в истории стран первого капиталистического эшелона синдикаты, картели и тресты. С другой стороны, там, где необходимо продвигаться к сектору информационных технологий (так называемых, постиндустриальных), там - формировать соответствующие формы капитала, экономических субъектов и организационно-управленческие структуры.

Как дальше будет развиваться крупный российский бизнес, это покажет логика самого капитала (его форм, стадий становления), а также деятельность его носителей - экономических субъектов, то есть то, насколько эти экономические субъекты воспримут эту логику как свой собственный интерес.

Таким образом, противоречия обезличенности и персонифицированности производственных отношений трансформационного периода обусловлены характером или типом самих этих производственных отношений и ведущих форм хозяйственно-экономической деятельности. Если мы принимаем положение о том, что по характеру формирующиеся у нас отношения в основных своих чертах все-таки не столько рыночные, сколько буржуазно-капиталистические, а последние включают в себя рыночные, являясь их всеобщей формой (а не только особенной и единичной!), то мы соответственно признаем и буржуазно-капиталистическую природу наших экономических субъектов (или необходимость ее формирования вместе с самими субъектами).

Если же признать, вслед за бытующими представлениями, что рыночные

---

[1] См.: Мезоэкономика ... - С. 325.

[2] См. Яременко Ю.В. Причины и последствия экономического кризиса //Проблемы прогнозирования. - 1997. - № 4.

отношения - вне какой-то ни было системы, что они нейтральны по отношению к общественной форме производства и т.п., то придется также ограничить и *природу* трансформационных экономических субъектов их рыночно-функциональным содержанием. Вернее, их социально-экономический характер свести (редуцировать) к их функциям в качестве субъектов рынка, даже не только к функциям фирмы, домохозяйства и государства (поскольку они все-таки несут на себе "печать" буржуазно-капиталистического хозяйствования), а, скорее всего, к функциям наиболее *простейших, абстрактных участников обмена как купли-продажи* - к продавцам и покупателям. Здесь и становится наиболее очевидной ограниченность подхода к характеру наших преобразований как сугубо рыночному.

Что особенно важно для понимания как природы формирующихся производственных отношений, так и природы, характера самих хозяйствующих субъектов трансформационной экономики, то это их *стоимостно-полезностная основа*, к которой восходят-нисходят и рыночные отношения, буде они самостоятельными, и капиталистические, и которая, как выясняется все более, в наших условиях оказывается неразвитой, не сложившейся, может быть борющейся с отношениями личной зависимости как со своим антиподом.

Итак, противоречия обезличенности (стоимостной основы) и персонифицированности (личной зависимости) в трансформационных производственных отношениях - это противоречия социально-экономической природы этих отношений как противоречий соответствующего хозяйствующего субъекта, а также форм его деятельности. Или: противоречия обезличенности и персонифицированности - есть противоречия стоимостных отношений, с одной стороны, и полезностных, с другой.

Заключение

Социально-экономическое в деятельности людей в определенных исторических условиях выглядит как природное или псевдоприродное, так как кажется обезличенным, деперсонифицированным, анонимным. Таковым, например, выступает рыночный механизм, действующий якобы автоматически, если не без участия индивидов, то без их решающей роли. С другой стороны, природные явления наделяются псевдосубъектными свойствами, в результате чего отношения людей превращаются в сверхчувственные, самостоятельные, саморазвивающиеся образования и существа. Такими "суперсубъектами" выступают стоимость, деньги, капитал и другие экономические формы. Задача экономической теории как раз и заключается в том, чтобы найти действительного субъекта, стоящего за этими псевдоприродными феноменами. Таковым является индивид, как конкретно-историческое действующее лицо, который и создает эти формы совместно с другими.

Независимо от того, как понимается основное действующее лицо в экономике, всеми школами в той или иной степени признается первостепенная значимость индивида в качестве основного субъекта экономических процессов. Первоначально свободный индивид - это частный собственник ограниченных ресурсов и работник одновременно. Эффективность рынка как исторически специфического механизма распределения ресурсов и координации деятельности участников экономики обеспечивается все-таки не благодаря механизмам конкуренции, а скорее благодаря индивидуальным хозяйственным мотивам: в первую очередь - интересам. Именно частный интерес участников рынка обеспечивает эффективность производства и обмена.

Выяснить роль индивида в экономике независимо от качества участия его в хозяйственных процессах позволяет как принцип методологического индивидуализма, так и подход к индивиду как общественному субъекту, понимаемому как "ансамбль общественных отношений".

Принцип методологического индивидуализма по существу достаточно точно схватывает основные черты человека Нового времени, формирующегося в эпоху начала буржуазных преобразований. В таком качестве, наделенный деятельной активностью, свободой, предпринимательскими способностями и другими характерными для этой эпохи чертами личности он и становится исходным и основным субъектом буржуазного социума. Благодаря новому мировоззрению, в котором мир уже не делится на трансцендентный и повседневный миры, а наоборот, повседневный мир раздвоился на мир объективной видимости и мир действительной конкретности, индивид сформировал у себя десакрализованное отношение к окружающему миру как к объекту своей активности, призванному приносить пользу.

Общим для обоих подходов к индивиду как экономическому субъекту является не только внешне, т.е. на поверхности явлений возникающая иллюзия, что оба они антропоцентричны (в чем обвиняют и западную экономическую теорию и марксизм представители институционализма и эволюционной эконо-

мической теории), но и тот факт, что оба эти подхода являются сторонами "родового" противоречия индивида: противоречия между ним как особенной личностью, частным лицом и им же как общественным человеком. Как таковое это противоречие обнаруживается лишь на определенном этапе человеческого развития, точно так же, как и проблема субъекта - конкретно-исторична. Практически она возникает как проблема экономической свободы, свободы предпринимательства, деятельной активности, ответственности за результаты хозяйственной деятельности и собственную судьбу, что было обусловлено тем, что нормы трансцендентного мира перестали определять повседневность индивидов и задавать ему параметры и направления развития.

В общественных науках принято различать экономического и социального субъектов. Каждый из них руководствуется своими мотивами в свой деятельности: экономический человек руководствуется потребностями и интересами, а управляется рынком, в то время как социальный субъект действует согласно ценностям и управляется социальными нормами (П. Вайзе). Такое различение мотивов деятельности двух типов субъектов носит условный характер и в большей степени характерно для социологии, нежели для экономической теории. Последняя же позволяет обеспечить восхождение проблемы этих двух типов субъектов к разделению деятельности и, в связи с ним, - к разграничению жизненного пространства индивида на частное и общественное.

В связи с этим, деятельность также теперь разделяется на труд как сферу необходимости, обусловленной потребностями и свободную деятельность, содержанием которой является духовное производство. Труд кладется в основу хозяйственной деятельности и выступает как материальная сфера существования индивидов в противовес духовному производству, которое теперь выглядит как преимущественно сфера идеальной деятельности. Так, некогда единая деятельность человека, образующая его сущность, разграничивается на две самостоятельные сферы. Граница между ними может проходить как внутри жизненного пространства индивида, например, в материальном производства - труд отдельного человека выступает как умственная и физическая деятельность и, соответственно, за пределами времени труда возникает свободное время и т.д. Точно также граница между материальной и идеальными сферами может проходить и между индивидами и их жизненными пространствами. Так возникают социально-экономические различия между людьми, формирующиеся в различия между элитой и массами, классами и другими социальными общностями. Таким образом, различия между экономическим и социальным субъектом также может быть объяснено уже упоминавшимся родовым противоречием индивида.

Неоклассическая экономическая теория - единственная из всех теоретических школ непосредственно ставит “во главу угла” своей концепции свободного индивида, осуществляющего экономический выбор. Свободный индивид здесь лишь - одна сторона проблемы субъекта хозяйственной деятельности в неоклассической теории. Другой стороной является рыночный механизм, благодаря которому обеспечивается оптимальность индивидуальных хозяйственных решений. Хотя противопоставление свободного индивида и стихийного

рыночного механизма, впервые обнаруживается у классиков, в большей степени характерно для “поздних” неоклассиков, у которых спонтанный рыночный порядок становится более значимым, чем свобода индивида.

В сфере объективной видимости экономической жизни, субъектностью наделены (а значит, индивид лишен таковой) не только вещественно-материальные предметы и продукты деятельности человека, но и идеальные формы и отношения, к каковым и относится рыночный механизм. До определенного этапа развития капитализма соблюдался баланс между свободой индивида, в качестве экономического субъекта, и стихией рынка. Однако логика развития стоимости и капитала требовала нового "соотношения сил" между экономическими субъектами и обезличенными рыночными регуляторами. Баланс между свободой индивида и совершенной конкуренцией был нарушен. На арену экономической действительности стали выходить *субъектоподобные структуры и организации*, взявшие на себя функции хозяйственной деятельности, заменив в этой роли классического капиталистического предпринимателя. С другой стороны, и рыночный механизм утратил свой автоматизм в качестве единственного регулятора хозяйственных процессов, что было названо в свое время В.И. Лениным, как “подрыв” товарного производства. Так, вслед за процессами *персонификации производственных отношений, равно как и индивидов*, *и их овещнения,* наступают времена *институциализации экономического субъекта.*

Можно сказать, что до капитализма не было “рыночной экономики”, да и рыночных отношений тоже, так как не было еще соответствующего рынку экономического субъекта, как свободного индивида, вернее, он только формировался. Состояние производства и обмена этого исторического периода, скорее может быть определено таким понятием, как “простое товарное производство”. Рыночные отношения в том виде и содержании, в котором мы их можем наблюдать эмпирически (в так называемых развитых странах) и изучать теоретически, сами являются продуктом капиталистического производства.

Попытка свести все экономические процессы капитализма к - рыночным означает попытку объяснить их через механизмы спроса-предложения, рыночного равновесия, потребительскими предпочтениями, производственной функцией и т.д. Хотя в современных развитых экономиках и эти, казалось бы, сугубо рыночные атрибуты не есть только рыночные. На них уже лежит печать капиталистичности, и здесь дело обстоит не так, что наряду с рынком товаров мы имеем рынки труда, капитала и т.п. Существо проблемы заключается в том, что все это (и товарные рынки, и рынки капитала и других ресурсов), функционируют внутри системы капитала и под его началом, по его инициативе, каким бы другим это функционирование ни виделось.

Сведение капиталистической хозяйственной системы к рыночной экономике, а специфически капиталистических экономических субъектов - к участникам рыночных отношений не только обедняет исследование, сужает горизонт, но и не отвечает действительности. В таком случае получается, что в ходе эволюции капитализма рыночное начало в нем победило капиталистическое. В то время, как произошло все с точностью до наоборот: капитализм уничтожает

свои предпосылки точно также, как до этого он их воспроизводил, в том числе и сами рыночные отношения и его субъектов. Речь идет об индивидуальном частном собственнике, собственнике-работнике, которых если и возрождает вновь, то уже только в качестве субъектов труда и производства (в сфере интеллектуальной деятельности и обслуживания), но никак не в качестве экономических субъектов. Точно также капитализм уничтожает и конкуренцию - этот “спонтанный рыночный порядок”, превращая ее в совокупность знаков, заместителей, посредствующих звеньев между участниками глобальных информационных сетей в экономике его позднего периода.

Уже в условиях классического капитализма, в сфере его объективной видимости *друг другу противостоят* не только индивиды или социальные группы, а скорее, индивид, как хозяйствующий субъект, противостоит рынку как субъектоподобному институту. В условиях же позднего капитализма институты - действующие в экономике "коллективные лица", противостоят индивидам, беря этих последних под свое покровительство (по словам У. Эко, происходит возрождение средневековых корпоративных отношений).

Несмотря на то, что именно рынок с его атрибутами и требованиями обеспечивает формирование свободного, экономически активного индивида (но под влиянием капитала), он же и вытесняет его как самостоятельного субъекта.

Если признать, что рыночные отношения - вне какой-то ни было системы, что они нейтральны по отношению к общественной форме производства, то тогда придется ограничить и экономических субъектов в их рыночно-функциональном содержании. Вернее, их социально-экономический характер редуцировать к их функциям в качестве субъектов рынка, даже не только к функциям фирмы, домохозяйства и государства (поскольку они все-таки несут на себе печать буржуазно-капиталистического хозяйствования), а, скорее всего к функциям наиболее простейших, абстрактных участников обмена как купли-продажи - к продавцам и покупателям.

Таким образом, если не существует абстрактного общества и институтов, а значит, нет и "всеобщей природы" человека, то, в качестве экономического субъекта выступает конкретно-исторический общественный индивид - носитель определенных социально-экономических форм, являющийся одновременно их создателем, внешне выступающий как их функция. В таком случае его исследование возможно, как с точки зрения формационного подхода, так и с точки зрения структурно-функционального. Первый позволяет последовательно проследить основные стадии развития индивида, как общественного существа: от личной зависимости - к вещной и институциональной. Оказывается, что эти стадии являются необходимыми ступенями в движении к свободной индивидуальности или к социально-ответственному индивиду. Второй подход позволяет исследовать экономического субъекта во всем многообразии его функциональных и структурных связей в уже *ставшей* экономической системе.

Разграничивая социально-экономических и функциональных субъектов, с точки зрения разграничения в деятельности индивидов уровня отношений и уровня структуры, мы тем самым, реализуем формационный и структурно-функциональный подходы. На уровне отношений субъекты выступают в каче-

стве социально-экономических субъектов (индивид, социальная группа, институт). В качестве таковых они являются не только носителями, но и их подлинными созидателями. С точки зрения структуры как организованной формы отношений субъекты выступают как функциональные (фирмы, домохозяйства, государство).

Социально-экономические субъекты укоренены в системе производственных отношений и непосредственно связаны с сущностными для нее хозяйственными формами, в том числе - формами присвоения. Их интересы явно *просистемны*: они обусловлены ее спецификой. Более того, саму систему эти субъекты и создавали первоначально, но их роль со временем, по мере становления ее в целостность ушла на второй, третий и т.д. планы. Эти субъекты были вытеснены, замещены функциональными субъектами или сами в них превратились.

В отличие от социально-экономических субъектов, функциональные экономические субъекты внешне выглядят *безличными*, в смысле безразличными к конкретно-исторической специфике экономической системы. Безличность этого типа экономических субъектов обусловлена не столько отсутствием в них индивида, как самостоятельного действующего лица, сколько тем, что индивид этот выступает здесь лишь как функция от фирмы, государства и домохозяйства.

Так, домохозяйства в данных исторических условиях есть агент капитала в той мере, в которой оно является для него поставщиком рабочей силы, и в той мере, в которой в его воспроизводстве необходимым условием является потребление и сбережения последних. Фирмы по существу - это “бывшие предприятия”, т.е. специфически капиталистическая организационная форма. Государство не только как экономический субъект, н и как самостоятельный политический субъект есть также продукт капитала и функционер от него.

Различия между социально-экономическими и функциональными субъектами исторически и логически прослеживаются или обнаруживается только на определенной ступени развития капиталистической рыночной экономики. Исторически: когда на смену индивидуальному частному предпринимателю и капиталисту, в том числе, приходит коллективно-частное предпринимательство в виде акционерных обществ и монополистических союзов, которые возникают позже, когда концентрация производства и капитала переходят в централизацию капитала и производства. Это, кстати, вносит необратимые изменения в рыночный механизм: в нем появляются новые элементы в виде согласованного принятия хозяйственных решений, регулирования процессов, прежде происходивших "автоматически". Эти новые формы и отношения "оформляются" в соответствующие типы рыночных структур. Так появляются так называемые различные модели рынка, по сути являющиеся институтами, которые вытесняют не только "стихию" рынка, но и индивида в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта, замещая его своими "ипостасями" - фирмой и домашним хозяйством.

Характер функционирования социально-экономических субъектов обусловлен характером предметной деятельности конкретно-исторических инди-

видов. Так, если предметная деятельность носит расщепленный характер, тогда *субъектность*, *которая - суть характеристика индивида,* предстает перед нами как атрибут "деятельности" других субъектоподобных структур: социальных групп, классов, институтов, а среди последних - фирм, домохозяйств, государства.

Индустриальный технологический способ производства, массовый характер производства товаров, рост его масштабов - все это увеличивало, с одной стороны, трансакционные издержки обеспечения прав частной индивидуальной собственности. С другой, - росли издержки рыночного механизма координации экономических интересов и хозяйственных процессов. Эти два обстоятельства привели к перераспределению прав собственности и изменению структуры ее субъектов, а также и субъектов хозяйствования. Именно в рамках капиталистической формы формируются две новых социально-экономических группы - "класс" инженеров и техников, принимающих решения на уровне технологического процесса, и "класс" управляющих, к которым постепенно и переходят функции хозяйствующего субъекта. Произошло *отделение собственности и хозяйствования друг от друга и персонификация их в разных социальных группах.*

Теперь функции целеполагания и контроля "олицетворяются" не только определенными социальными группами, но, во все большей степени - институтами, как неформальными, так и формальными. Сфера же принятия решений индивидом, как обособленным и суверенным хозяйствующим субъектом, существенно сокращается: таковой остается сфера потребления и, отчасти, сфера сбережений и частных инвестиций.

В условиях постиндустриального производства отношения между участниками экономики остаются обезличенными в том смысле, что индивид как *основное действующее лицо* в большинстве отношений по поводу общественного производства *таковым* теперь *не является.* В силу ряда социально-экономических причин он (как уже было отмечено ранее) продолжает быть в своих связях с другими индивидами не столько самим собой, сколько представителем, функцией вещей и институтов. И это происходит равно в той мере, в какой стоимость и другие “стоимостные” категории выступают заместителями самих индивидов.

Стоимость сохраняет свое значение в неоэкономике не столько как затраты труда, “овеществленные”, воплощенные в товаре-знании, сколько как форма деятельности индивидов, овещненная, отчужденная в любой вещи (товаре, знаке, знании, информации), делающая индивидов и их отношения обезличенными, так как вместо них "в дело вступают" другие “лица” - структуры и организации. По отношению же к ним индивид - лишь их функция и представитель. Среди этих структур, организаций и институтов одни также замещаются другими.

Если в стоимости воплощена *обезличенность* связей индивида с другими людьми, то другая сторона товара - полезность выражает *“индивидуализированное”* отношение к другим участникам общественного производства. В стоимости проявляется абстрактность и односторонность самого индивида. Только бу-

дучи абстрактным и обезличенным индивид может относиться к другим *полезностно*. В этой абстрактности и односторонности, обособленности и полезностном отношении к другим и состоит его (индивида) специфическая *общественность,* сохраняющая свой характер и содержание в условиях информационной экономики.

Поскольку новый товар - знание или информация - не только сохраняет эти черты (стоимость и полезность), но и является "носителем" - "представителем" вышеобозначенных отношений, постольку современные хозяйствующие субъекты (и те, которые причастны к новой экономике) являются “буржуазными лицами”.

Исторически и логически в буржуазном социуме просматривается цепочка замещений: индивид - рынок - капитал - институты. Каждая последующая форма или субъект в этой цепочке содержит в себе в снятом виде предшествующие формы или свойства, признаки прежнего субъекта (или субъектоподобной структуры). Кроме этого предшествующие формы и субъекты сохраняются и в "чистом" виде, то есть без изменений и трансформаций, но перемещаясь при этом на периферию экономической системы.

Противоречия обезличенности и персонифицированности в трансформационных производственных отношениях - это противоречия социально-экономической природы этих отношений как противоречий соответствующего хозяйствующего субъекта, а также форм его деятельности в том виде, в котором они исторически сложились и сохранились, в частности, в российском социуме. Противоречия обезличенности и персонифицированности в данном случае есть противоречия стоимостных отношений и отношений полезности, с одной стороны, с другой, - это противоречия сохраняющейся личной и формирующейся вещной зависимости.

У нас цепочки замещений от индивида к институтам (через рынок и капитал) происходят в одной и той же экономической системе, в которой в силу исторических причин вынуждены одновременно формироваться или возобновляться исторически разные хозяйственные формы и производственные отношения.

Все противоречия хозяйственно-экономической жизни, в том числе и противоречия обезличенности и персонифицированности - это противоречия конкретного индивида, которые он принимает как свои собственные в процессе предметной деятельности и общения. В российском обществе этот процесс "индивидуализации - субъективизации" общественной жизни, и экономической в том числе, может быть только в начале, в лучшем случае, в середине пути. Поскольку у нас противоречия социально-экономической деятельности и производственных отношений *не индивидуализированы*, не присвоены каждым или большинством из нас, постольку они приобретают другие формы овещнения и институциализации.

Анализ роли и функций основных субъектов российского хозяйства приводит к выводу, что проблемы и трудности, испытываемые нашей экономикой, носят *субъектный характер.* В структуре российских экономических субъектов мы обнаруживаем все их основные типы, характерные для любой капиталисти-

чески-рыночной экономики: индивиды, социальные группы (классы) и институты, с одной стороны, и домашние хозяйства, фирмы и государство, - с другой. Но наши субъекты хозяйственной деятельности лишены, в основной массе, экономических интересов, адекватных складывающемуся вектору развития.

ЛИТЕРАТУРА

1 Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики. - М., 1981.- 351 с.

2 Абишев К. Человек. Индивид. Личность. - Алма-Ата: “Казахстан”, 1978. - 168 с.

3 Авдашева С., Розанова Н. Подходы к классификации рыночных структур в экономике России // Вопросы экономики. -1997.- № 6. -С. 138-154.

4 Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. - М.: Экономика, 1992.- 493 с.

5 Автономов В. “Рыночное поведение”: рациональный и этический аспект // Мировая экономика и международные отношения. - 1997. - № 12. - С.6-13.

6 Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. Экономическая школа. - СПб., 1998. - 229 с.

7 Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. - М.: Наука, 1993. - 175 с.

8 Агг А. Мир человека как субъекта производства. Критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии. - М.: Прогресс, 1984. - 199 с.

9 Актуальные проблемы политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова, - М.: Изд-во Московск. ун-та, 1979. - 287 с.

10 Акулич М.М. Функционально-целевое согласие: становление и развитие // Социологические исследования. - 2002. - № 1. - С.7-17.

11 Алле М. Современная экономическая теория и факты // Thesis. - 1994. - Т. II. - Вып. 4. - С. 11- 19.

12 Альбер М. Капитализм против капитализма. - СПб.: Экономическая школа, 1998. - 296 с.

13 Альтернативы модернизации российской экономики / Под ред. А. Бузгалина, А. Колганова, П. Шульце. - М., 1997. - 448 с.

14 Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. - М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. - 560 с.

15 Амрекулов Н.А. Тайна культа личности и ее разоблачение: Эпоха сталинизма, логика ее развития и изживания. - Алма-Ата: Гылым, 1991. - 240 с.

16 Ананьин О. Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя // Вопросы экономики. - 1999. - № 11. - С. 49 - 62.

17 Антипина О.Н. Загадки “новой экономики знаний” (“парадокс Солоу”) // Вестник МГУ. - Серия 6. - Экономика. - 2000. - № 6. - С. 3-17.

18 Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья первая. Технологические и социопсихологические факторы преодоления стоимости // Мировая экономика и международные отношения. - 1998. - № 5.

19 Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. Статья вторая. Абстрактный труд и издержки: деструкция стоимости со стороны производства // Мировая экономика и международные отношения. - 1998. - № 6.

20 Аршинов В.И., Савичева Н.Г. Гражданское общество в контексте синергетического подхода // Общественные науки и современность. - 1999. - № 3. - С.131-138.

21 Аузан А.А. Социалистическое самоуправление: политико-экономический аспект // Коммунист. - 1986. - № 13. - С.77-88.

22 Аузан А.А. Роль общества в осуществлении всеобщего контроля за производством // Вестник Моск. Ун-та. - Сер. 6. - Экономика. - 1982. - № 3.

23 Аузан А., Крючкова П. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. - 2001. - № 5. - С. 73-88.

24 Аукуционек С., Жуков В., Капелюшников Р. Доминирующие категории собственников и их влияние на хозяйственное поведение предприятий // Вопросы экономики. -1998.- № 12.

25 Афанасьев В. Вклад австрийской школы в развитие трудовой теории стоимости // Вопросы экономики. - 2002. - № 2. - С. 102-117.

26 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). - Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск: “Сибирский хронограф”, 1998. - 804 с.

27 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). - Т. II. Теория и методология: Словарь. - Новосибирск: “Сибирский хронограф”, 1998. - 594 с.

28 Балацкий Е.В. Влияние реструктуризации форм собственности на промышленное производство // Проблемы прогнозирования. - 1999. - № 1. - С.41-52.

29 Баллестрем К.Г. Homo economicus? Образы человека в классическом либерализме // Вопросы философии. - 1999. - № 4. - С. 42 - 53.

30 Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох / Пер. с польск. - М.: “Наука”, Изд-во УРАО, 1999. - 352 с.

31 Банковские системы в реформирующихся экономиках. Россия в контексте зарубежного опыта. - С.-Петербург, ДБ, 2001. - 747 с.

32 Барр Р. Политическая экономия: В 2-х тт. - Т. 1: Пер. с фр. - М.: Междунар. отношения, 1995. - 608 с.

33 Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Проблемы прогнозирования. - 2000. - № 4. - С. 152-158.

34 Батищев Г. С. Диалектика творчества. - М., 1984. - Деп. в ИНИОН АН СССР - № 18609.

35 Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. - М., -1969. - С.76 - 121.

36 Батищев Г.С. Проблемы и трудности перевода некоторых марксовых философских понятий. - М., 1987. - Деп. в ИНИОН АН СССР. - № 30012. -24 с.

37 Батчиков С., Петров Ю. Корпоративный сектор в переходной экономик// Российский экономический журнал. - 1997. - № 8. - С. 12-20.

38 Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. - 2001. - № 2. - С. 73-107.

39 Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. - 1994. - Вып. 5. - С. 161-168.

40 Беккер Г. Теория распределения времени // США - ЭПИ. - 1996. - № 1, 2.

41 Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. - М.: ГУ-ВШЭ, 2003. - 672 с.

42 Белоусов А. Становление советской индустриальной системы //Россия XXI. - 2000. - № 2-3 .- С. 28-77; 22- 67.

43 Белоусов А. Экономика России: стратегические угрозы и альтернативы развития // Экономические стратегии. - 2000. - № 2.

44 Белоусов А.Р. Изменение структуры оборота доходов российской экономики в1992-1998 г.г. // Проблемы прогнозирования. - 1999. - № 6. - С. 77-94.

45 Белянин А., Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. - 2003. - № 1. - С. 4-23.

46 Бем-Баверк О. Критика теории Маркса / Сост. А.В. Куряев. - М., Челябинск: Социум, 2002. - 283 с.

47 Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. - М.: ЗАО “СВАРОГ и К”, 1997. - 541 с.

48 Беридзе Т. О субъектах собственности и хозяйствования // Экономические науки. - 1991. - № 6. - С. 79 - 82.

49 Бирюков В.А. Особенности первоначального накопления капитала в России // Вестник МГУ. - Сер.6. - Экономика. - 2001. - № 4. - С. 19-43.

50 Блази Дж.Р., Круз Д.Л. Новые собственники (наемные работники - массовые собственники акционерных компаний): Пер с англ. - М.: Дело ЛДТ, 1995. - 320 с.

51 Блауг М. Несложный урок экономической методологии // Thesis. - 1994. - Т. II. - Вып.4. - С. 53-68.

52 Бодо Ж. Глобальный капитализм: необходимость в обновлении универсальной модели // Мировая экономика и международные отношения. - 1998. - № 12. - С. 94-99.

53 Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. СПб., 1998. - 399 с.

54 Буайе Р. Теория регуляции: Критический анализ /Пер. с франц. Н.Б. Кузнецовой. - М.: Наука для общества, РГГУ, 1997. - 213 с.

55 Бузгалин А. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма //Вопросы экономики. - 2000. - № 6. - С. 102-113.

56 Бузгалин А.В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономии. - М.: Таурус, 1994. - 472 с.

57 Бузгалин А.В. Экономические субъекты: их отражение в политической экономии и роль в хозяйственной практике // Экономические науки. - 1984. - № 7. - С. 3-9.

58 Бузгалин А.В., Дубянская Г.Ю., Корчагина З.А. Раскрепощение человеческого потенциала - условие преодоления кризиса отечественной экономики //Вестник МГУ. - Серия 6. - Экономика. - 1995. - № 1.

59 Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985. - 104 с.

60 Бум, крах и будущее: Анализ австрийской школы: Пер. с англ. / Сост. А.В. Куряев. - М.: “Социум”, 2002. - 220 с.

61 Бурстин Дэниел Дж. Сообщества потребления //Thesis. - 1993. - Т.1. - Вып.3. - С. 231-235.

62 Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье: Теория ценности и прибыли австрийской школы. - М.: Орбита. Моск. фил., 1988. - 191 с.

63 Бьюкенен Джеймс М. Сочинения. Пер. с англ. Серия: “Нобелевские лауреаты по экономике”. Т.1. / Фонд экономической инициативы; Гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др. - М.: “Таурус Альфа”, 1997. - 560 с.

64 Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. - 327 с.

65 Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // THESIS - 1993. - Т.1. - Вып.3.

66 Вайнштейн Альб. Л. Избранные труды: В двух книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. - М.: Наука, 2000. - 560 с.

67 Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. - 2000. - № 2. - С. 15-26.

68 Ван дер Вее. История мировой экономики. 1945-1990 (пер. с фр.). - М.: Наука, 1994. - 413 с.

69 Васильев В.С. У времени в плену. Российские реалии и теория Г. Беккера // США - ЭПИ. - 1996. - № 4. - С. 15-27.

70 Вебер М. Развитие капиталистического мировоззрения // Вопросы экономики. - 1993. - № 8. - С. 153-159.

71 Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с.

72 Веблен Т. Теория праздного класса. - М.: Прогресс, 1984.

73 Верховин В.И. Экономическая социология. По ред. к.э.н. Демина В.И. М.:”ИМТ”, 1998. - 445 с.

74 Вильховченко Э. Место человека в новейшем производстве и проблема технологического трудовытеснения в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. - 1998. - № 5. - С. 60-72.

75 Воейков М.И. Споры о социализме: о чем пишет русская интеллигенция. - М.: Экономическая демократия, 2001. - 145 с.

76 Возрождение экономики России: путь в XXI век. - М: Наука, 2000. - 269 с.

77 Воспроизводство и экономический рост / Под ред. проф. В.Н. Черковца, доц. В.А. Бирюкова. - М: Экон. фак-т, ТЕИС, - 2001.

78 Гайдар Е. Аномалии экономического роста: Учеб. пособ. для вузов. - М.: ИЧП “Изд-во Магистр”, 1997. - 229 с.

79 Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. - М.: Политиздат, 1991. - 367с.

80 Гегель Г. В.Ф. Феноменология духа. - М.: Наука, 2000. - 495 с.

81 Герасименко В.В. и др. Финансовое регулирование в период рыночной трансформации. - М.: МГУ, 1999.

82 Гинс Г.К. Предприниматель. 2-ое издание. - М.: Посев, 1992. -223 с.

83 Глазьев С. Пути преодоления инвестиционного кризиса // Вопросы экономики. - 2000. - № 11. - С. 13-26.

84 Гойло В.С. Проблемы интеллектуального труда // США: Экономика. Политика. Идеология. - 1995. - № 6. - С. 23-36.

85 Гольц Г.А. Культура и экономика: поиски взаимосвязей // Общественные науки и современность. - 2000. - № 1. - С. 23-35.

86 Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 2. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 512 с.

87 Гребнев Л.С. Человек в экономике: теоретико-методологический анализ. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д.э.н. - М.: Росс. акад. управления, 1992.

88 Гредин Г.Н. Основные субъекты социалистического производства и их экономические интересы. - Кемерово, 1984. - Деп. в ИНИОН. - № 19462.

89 Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. - М.: Политиздат, 1987. - 368 с.

90 Гугняк В.Я. Институциональная парадигма в политической экономии: На примере Франции. - М.: Наука, 1999. - 174 с.

91 Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. - М., 1990.

92 Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. - М.: Прогресс, 1969. - 480 с.

93 Давыдов Ю. Н. Метатеоретические устои социологии XIX века. Введение // История теоретической социологии. В 5 томах. Т. 1. - М.: ИЧП “Изд-во Магистр”, 1997. - 448 с.

94 Дарендорф Р. Тропы из утопии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.Л. Близнекова. - М.: Праксис, 2002. - 536 с.

95 Деленян А.А., Московский А.И. Кризисная экономика и формы использования трудового потенциала России // Вестник МГУ. - Серия 6. - Экономика. - 1995. - № 4.

96 Демидова Л. Сфера услуг в постиндустриальной экономике // Мировая экономика и международные отношения. - 1999. - № 2. - С. 24-32.

97 Дерябина М. Реструктуризация российской экономики через передел собственности и контроля // Вопросы экономики. - 2001. - № 10. - С. 55-69.

98 Джевонс С. Основы науки. Трактат о логике и научном методе Стенли Джевонса. Пер. со второго англ. издания М. Антоновича. - СПб.: Изд-е Л.Ф. Пантелеева, 1881.

99 Диалектика свободы как творчества. - Алма-Ата: Наука, 1989. - 232 с.

100 Диалектическое противоречие. - М.: Политиздат, 1979. - 343 с.

101 Дискин И. Реформы и элиты: институциональный аспект // Общественные науки и современность. - 1995. - № 6. - С.29-41.

102 Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. - СПб.: Наука, 1999. - 309 с.

103 Дорошенко М.Е. Анализ неравновесных состояний и процессов в макроэкономических моделях. - М.: ТЕИС, 2000. - 206 с.

104 Дунаев Э.П. К вопросу о синтезе трудовой теории стоимости и теории предельной полезности // Вестник МГУ. - Сер.6. - Экономика. - 2002. - № 4. - С. 3-13.

105 Дунаев Э.П. О формах реализации социалистической собственности // Вопросы экономики. - 1988. - № 8. - С. 37-44.

106 Дунаев Э.П. Создание финансово-промышленных групп в России // Вестник МГУ. - Серия 6. - Экономика. - 1994. - № 4.

107 Дюмон Л. Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии /Пер. с фр. - М.: NOTA BENE, 2000.

108 Дятлов С.А. О теории информационной экономики // Общество и экономика. - 1995. - № 3. - С.29-39.

109 Евстигнеева Л. Новая эпоха - новая наука (о книге “экономическая социодинамика”. Гринберг Р., Рубинштейн А. - М.: ИСЭ - ПРЭСС, 2000) // Вопросы экономики. - 2001. - № 4.

110 Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. - 1998. - № 8. - С. 97-114.

111 Егоров И. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина // Мировая экономика и международные отношения. - 1999. - № 2. - С. 104-115.

112 Заостровцев А. Рентоориентированное поведение: потери для общества // Вопросы экономики. - 2000. - № 5. - С. 31-44.

113 Заславская Т. Социально - трансформационная структура России // Общество и экономика. - 1999. - № 3-4.

114 Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. - М.: Дело, 2003. - 568 с.

115 Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. - М. Политиздат, 1986. - 223 с.

116 Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII - XX вв.) / Пер. с нем. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 302 с.

117 Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении “социального” // Thesis. - 1993. - Т.1. - Вып.1. - С.163-178.

118 Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. - М.: Наука, 1994.

119 Зяблюк Р.Т. Трудовая теория стоимости и полезность. - М.: ТЕИС, 2001. - 448 с.

120 Ивашкин Е.И. Социологическое исследование страховых компаний // Проблемы прогнозирования. - 2000. - № 2.

121 Ивлева Г.Ю. Основные закономерности развития и трансформации собственности: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра эк. наук / ФА при Правительстве Рос. Фед. - М., 2001. - 36 с.

122 Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. - М., 1984. - 320 с.

123 Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи

по философии и эстетике. - М.: Искусство, 1984. - 349 с.

124 Ильенков Э.В. Проблема идеального //Вопросы философии. - 1979. - №№ 6,7.

125 Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества //Полис. - 1997. - № 4.

126 Инновационная экономика / Под общей редакцией А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. - М.: Наука, 2001. - 294 с.

127 Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Научное издание. - М.: "Academia" - "Наука", 1998. - 640 с.

128 Иноземцев В.Л. Очерки истории экономической общественной формации: Научное издание. - М.: Таурус Альфа, Век, 1996. - 400 с.

129 Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. акад. Д.С. Львова. - М.: ИНФРА-М, 2001. - 318 с.

130 Ионов И.Н. Парадоксы российской цивилизации // Общественные науки и современность. - 1999. - № 5. - С.115-127.

131 Ионов И.Н. Российская цивилизация, IX - начало XX в. - М.: Просвещение, 1995. - 320 с.

132 Исаев И.А. Метафизика Власти и Закона. У истоков политико-правового сознания. - М.: Юристъ, 1998. - 256 с.

133 История предпринимательства в России / Книга вторая. Вторая половина 19 - начало 20 века. - М.:РОССПЭН, 1999. - 575 с.

134 История предпринимательства в России / Книга первая. От средневековья до середины 19 века. - М.:РОССПЭН, 2000. - 480 с.

135 Кадомцева С.В. Экономические основы системы социальной защиты. - М., 1997. - 247 с.

136 Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности // Вопросы экономики. - 2000. - № 1. - С. 99-119.

137 Капелюшников Р. Собственность и контроль в российской промышленности // Вопросы экономики. - 2001. - № 12. - С. 103-124.

138 Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). - М.: ИМЭМО РАН, 1990. - 90 с.

139 Кастельс М. Глобальный капитализм // Экономические стратегии. - 2000. - № 3.

140 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.

141 Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. - М.: "ЭКОНОВ", "Ключ", 1993. - С. 137-432.

142 Кенэ Ф. Избранные произведения. - М.: Соцэкгиз, 1960.

143 Клейнер Г. Парадокс об акторе (о книге "Российская промышленность: институциональное развитие) // Вопросы экономики. - 2003.- № 2. - С. 149-153.

144 Клейнер Г. Современная экономика России как "экономика физических лиц" // Вопросы экономики. - 1996. - № 4.

145 Клейнер Г. Эволюция и реформирование промышленных предприятий: 10 лет спустя // Вопросы экономики. - 2000. - № 5. - С. 62-74.

146 Климов Н. Взаимообусловленность и взаимодействие экономического

роста и хозяйственно-политического механизма // Экономические стратегии. - 1999. - № 1. - С. 127-147.

147 Козловски П. Принципы этической экономии / Пер. с нем. СПб.: "Экономическая школа", Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Высшая школа экономики, 1999. - 344 с.

148 Колганов А.И. К вопросу о власти кланово-корпоративных групп в России. // Вопросы экономики. - 2000. - № 6. - С.114-125.

149 Колганов А.И. Опыт четырех модернизаций в экономике России и проблема догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. - 2002.- № 1.

150 Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. - М.: Экономика, 1990. - 173 с.

151 Колесникова Л.А. Порядок *для* хаоса: государство и предпринимательство в переходной экономике / Под ред. Б.К. Злобина. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 276 с.

152 Коллонтай В. На стыке естественных и общественных наук: вклад И. Пригожина // Мировая экономика и международные отношения. - 1998. - № 4. - С. 136-142.

153 Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. - 607 с.

154 Корнаи Я. Системная парадигма // Общество и экономика. - 1999. - № 3, 4.

155 Корняков В. Государственно-корпоративное направление развитой экономики // Экономист. - 2000. - № 5. - С. 74-80.

156 Костюк В.Н. Нестационарная стоимость товаров, услуг и капитала // Общественные науки и современность. - 2002. - № 1. - С. 118- 127.

157 Коуз Р. Фирма, рынок и право. - М.: "Дело ЛТД", 1993. - 192 с.

158 Коукер К. Сумерки Запада. / Пер. с англ. - М.: Московская школа политических исследований, 2000. - 272 с.

159 Кочанов П., Кушнир И. Скрытые "группы интересов" как фактор перераспределения ресурсов // Общество и экономика. - 2001. - № 1. - С. 57-66.

160 Красникова Е. Рыночная трансформация российской экономики как процесс первоначального накопления капитала // Вопросы экономики. - 2001. - № 2. - С. 142-154.

161 Критический марксизм: продолжение дискуссий. /Под ред. Бузгалина А.В. и Колганова А.И. - М., 2001. - 495 с.

162 Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. - М.: Мысль, 1966. - 581 с.

163 Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. - М.: МВШСЭН, 2001. - 384.

164 Кузнецов Н.А., Мусхелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А.. Информационное взаимодействие как объект научного исследования // Вопросы философии. - 1999. - № 1.

165 Кузнецов Ю. Инвестиционный кризис в России с позиций австрийской

школы // Вопросы экономики. - 2000. - № 12. - С. 95-107.

166 Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. - М.: Политиздат, 1986. - 399 с.

167 Куликов В. В очередной раз о характере реформационных преобразований российской экономики и об их уроках // Российский экономический журнал. - 2003. - № 1. - С. 3-17.

168 Кульков В.М. Смешанная экономика (теоретико-методологические аспекты) // Вестник Московского университета. - Сер. 6. - Экономика. - 1996. - № 5.

169 Кульман А. Экономические механизмы /Пер. с фр. - М.: Прогресс, УНИВЕРС, 1993. - 192 с.

170 Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. - 251 с.

171 Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. - М.: “Дело ЛТД”, 1994. - 224 с.

172 Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. - 2000. - № 7. - С.3-11.

173 Латова Н.В., Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. - 2001. - № 4. - С. 31-43.

174 Лезурн Ж. Основные элементы теории полезности // Thesis. - 1993. - Т.1. - Вып. 3. - С. 10-15.

175 Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии //Полн. Собр. Соч. - Т. 6. - С.303-348.

176 Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. - М.: Политиздат, 1986. - 610 с

177 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; - СПб.: Алетейя, 1998. - 160 с.

178 Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. - М.: ”Языки русской культуры”, 1999. - 464 с.

179 Маевский В. Эволюционная теория и технологический прогресс // Вопросы экономики. - 2001. - № 11. - С. 4-17.

180 Майминас Е. Информационное общество и парадигма экономической теории // Вопросы экономики. - 1997. - № 11. - С. 86-95.

181 Макаревич Л. Российские неофициальные финансово-промышленные группы: опыт самоорганизации и привлечения ресурсов // Общество и экономика. - 2000. - № 9-10. - С.135-200.

182 Макашева Н. Этика и экономическая теория // Общественные науки и современность. - 1992. - № 3. - С. 13-19

183 Маковский М. М..Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.

184 Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. - СПБ.: Азбука, 2000. - 400 с.

185 Мамардашвили М. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). - М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. - 304 с.

186 Манхейм К. Диагноз нашего времени. Пер с нем. и англ. - М.: Юристъ, 1994. - 700 с.

187 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - 2-е изд. - Т.3. - С. 7-544.

188 Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - 2-е изд. - Т. 23.

189 Маркс К. Капитал Т.2 // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - 2-е изд. - Т.24.

190 Маркс К. Капитал Т.3 // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - 2-е изд. - Т.25. - Ч.1,II.

191 Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - 2-е изд. - Т. 42.

192 Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Первоначальный вариант "Капитала". Ч. 1,II // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч.. - 2-е изд. - Т. 46. - Ч. I, II.

193 Маркс К. Форма стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч.. - 2-е изд. - Т. 49.

194 Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х тт. - М.: Прогресс, 1993.

195 Массовый утилитаризм как импульс динамики общества //Общественные науки и современность. - 1998. - № 6.

196 Материалы конференции "Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы" //Вестник МГУ. - Серия 6. - Экономика. - 1996. - №1.

197 Мау В. Политическая экономия, Мэнсэр Олсон и проблемы посткоммунистической трансформации // Диалог. - № 4. - С. 41-43.

198 Мезоэкономика переходного периода: Рынки, отрасли, предприятия. - М.: Наука, 2001. - 516 с.

199 Менар К. Экономика организаций: Пер. с франц. / Под ред. А.Г. Худокормова. - М.: ИНФРА-М, 1996.- 160 с.

200 Меньшиков С. Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку. - М.: Межд. отн-я, 1996. - 368 с.

201 Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции //http: //www. ice. ru/ libertarium /library/ mises/ mises. html .

202 Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. - М.: Дело, 1993. - 240 с.

203 Мизес фон Л. О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // THESIS - 1994. - Т.2. - Вып.4.

204 Мир в 2000 году: “The Economist”; “Эксперт”. - М., 2000.

205 Модильяни Ф., Миллер М. Сколько стоит фирма? Теорема ММ: Пер. с англ. - М.: Дело, 2001. - 272 с.

206 Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. - М.: Устойчивый мир, 2001. - 200 с.

207 Московский А.И. Институциональная экономика: Вводный курс. – М.: ТЕИС, 2003. - 49 с.

208 Московский А.И. О предмете и методе современной экономической науки // Вестник МГУ. - Сер. 6. - Экономика. - 2002. - № 3. - С.21-39.

209 Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. - М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1996. - 360 с.

210 Мочерный С.В. Сущность и эволюция капиталистической собственности. - М.: Мысль, 1978. - 188 с.

211 Мясникова Л. “Новая экономика” в пространстве постмодерна // Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - № 12.

212 Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. - М.: Дело, 2003. - 360 с.

213 Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений. - М.: Дело, 2002. - 536 с.

214 Нестеренко А. О чем *не* сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. - 2001. - № 7. - С. 4-17.

215 Нестеренко А.В. Демократия: проблема субъекта // Общественные науки и современность. - 2002. - № 4. - С. 49-54.

216 Неформальная экономика. Россия и мир. / Под ред. Теодора Шанина. - М.: Логос, 1999. - 576 с.

217 Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. - М.: Academia, 1999. - 640 с.

218 Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. - 456 с.

271 Новая технология и организационные структуры /Под ред. Й. Пиннингса, А. Бьюитандама. - М., 1990.- 269 с.

219 Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. - 1993. - Т.1. - Вып. 2. - С. 69-91.

220 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер с англ. А.Н. Нестеренко. - М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. - 180 с.

221 Нуреев Р. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность //Адрес в Интернете: http://ie.boom.ru/Nureev/article

222 Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. - 2002. - № 5. - С. 5-23.

223 Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1995. - 496 с.

224 Олейник А.А., Овсянникова А.А. Преодоление бюрократизации институциональной системы: раскрепощение потенциала граждан в создании новых институтов //Вестник МГУ. - Серия 6. - Экономика. - 1995. - № 4

225 Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. - М.: ИНФРА - М, 2000. - 416 с.

226 Олейник А.Н. Институциональные аспекты социально-экономических трансформаций. - М.: ТЕИС, 2000. - 158 с.

227 Олсон М. Упущенная выгода // Диалог. - 1994. - № 3. - С. 37-40.

228 Ольсевич Ю. Хозяйственная трансформация и трансформация теории // Вопросы экономики. - 1998. - № 5. - С. 14 - 28.

229 Осипов Ю. Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI века - 3 / Под ред. Ю. М. Осипова, Е.С. Зотовой. - М.: Юристъ, 2000. - С. 9 - 40.

230 Осипов Ю. Экономическая цивилизация и философия хозяйствования // Экономические стратегии. - 1999. - № 1.

231 Основные положения новой экономической программы развития России до 2010 года // Адрес в Интернете: http:// www.akd1.ru/econom/program/econ.HTM

232 Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исслед. по истории морали: Пер. с польск. / Общ. ред. А.А. Гусейнова. - М.: Прогресс, 1987. - 528 с.

233 От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. - М.: ”Российская всеобщая энциклопедия” (РОССПЭН), 1998. - 432 с.

234 Отмахов П.А. Концепция метода Мелтона Фридмена // Вестник МГУ. - Сер.6. - Экономика. - 1992. - № 6.

290 Очерки политической экономии социализма / Под ред. Н.П. Федоренко. - М.: Наука, 1988. - 400 с.

235 Панарин А.С. Народы без элит: между отчаянием и надеждой // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. - 2002. - № 1. - С. 19 - 46.

236 Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. - М.: Изд-во МГУ, 1999. - 288 с.

237 Панченко А. О русской истории и культуре. - СПб., 2000. - 464 с.

238 Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. - 2002. - № 1. - С. 29-46.

239 Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. – 2002. - № 2. - С. 83-97.

240 Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. - 1995. - № 4. - С. 77 - 86.

241 Перегудов С.П, Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. -352 с.

242 Петраков Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней / Ред. кол.: Д.С. Львов (пред.) и др. - М.: “Изд-во “Экономика”, 1998. - 286 с.

243 Петров Ю. Реформа корпоративных институтов и создание социального рыночного хозяйства // Российский экономический журнал. - 2000. - № 5-6. - С. 51-56.

244 Печерских Н. Проблема субъекта эволюционной экономики // Вопросы экономики. - 2002. - № 2. - С. 118-129.

245 Пиирайнен Т., Турунцев Е. Отталкиваясь от Макса Вебера: к пониманию процессов социальной трансформации в России // Вопросы экономики. - 1998. - № 7. - С. 65-77.

246. История русской общественной мысли: В 3 т. - Т. 3.// Плеханов Г.В. - Соч. - Т. XXII. - М., Л., 1925.

247 Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени /Пер. с англ. - СПб.: Алетейя, 2002. - 320 с.

248 Политическая экономия/ Под ред .А.В. Сидоровича. - М.,1993.

249 Пороховский А.А. Новая экономика: Американский вызов // США - Канада. - 2001. - № 6.

250 Пороховский А.А. Вектор экономического развития. - М.: ТЕИС, 2002. - 304 с.

251 Пороховский А.А. Экономические отношения в монополистических объединениях: (на примере промышленных концернов). - М.: МГУ, 1979. - 160 с.

252 Постижение Маркса (по материалам международной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения К. Маркса) / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. - М.: Издание Московского университета; ТЕИС, 1998. - 376 с.

253 Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. - М.: Изд. Моск. ун-та, ТЕИС, 1998.

254 Пригожин А.И.. Проблема субъекта - в центре приватизации // Социологические исследования. - 1992. - № 3.

255 Природа фирмы / Под ред. О.И. Уильямсона и С.Дж. Уинтера. М.: Дело, 2001. - 360 с.

256 Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. - Алма-Ата: “Казахстан”, 1975. - 192 с.

257 Производство как общественный процесс (актуальные проблемы теории и практики /Отв. ред. В.И. Толстых. М.: Мысль, 1986. - 350 с.

258 Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. - 2001. - № 6. - С. 3-31.

259 Радаев В. Есть ли перспектива у российской политической экономии // Российский экономический журнал. - 1998. - № 9, 10.

260 Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 368 с.

261 Радаев В.В. Экономические интересы при социализме. М. 1971. - 335 с.

262 Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 318 с.

263 Радыгин А., Архипов С. Собственность, корпоративные конфликты и эффективность (некоторые эмпирические оценки) // Вопросы экономики. - 2000. - № 11. - С.114 - 133.

264 Радыгин А., Сидоров И. Российская корпоративная экономика: сто лет одиночества? // Вопросы экономики. - 2000. - № 5. - С. 45 - 61.

265 Развитие капитализма в России - сто лет спустя / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Е.С. Зотовой. - М. - Волгоград, 1999. - 608 с.

266 Распад СССР: 10 лет спустя. Доклады и выступления на научной конференции 21 -24 июня 2001 г. в Российской государственной библиотеке. Под ред. А.В. Бузгалина. - Т. 1. - М., 2001.

267 Рашковский Е. Постмодерн: культурная революция или культурная контреволюция? // Мировая экономика и международные отношения. - 1999. - № 7, 9.

268 Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. Ростов н/ Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. - 320 с.

269 Рих А. Хозяйственная этика / Пер. с нем. Е.М. Довгань. Отв. ред. ... В.В. Сапов. - М.: Посев, 1996. - 810 с.

270 Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis. - 1993. - Т. 1. - Вып. 1. - С. 12 - 19.

271 Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции / Пер. с англ., общ. ред. И.М. Осадчей. М.: Прогресс, 1986. - 472 с.

272 Рогачев С.В. Диалектика объективного и субъективного в экономике развитого социализма (Политэкономический аспект). - М.: Мысль, 1979. - 279 с.

273 Розанова Н. Эволюция взглядов на природу фирмы в Западной экономической науке // Вопросы экономики. - 2002. - № 2. - С.50-67.

274 Розанова Н.М. Фирма в экономической системе. - М.: ТЕИС, 1998. - 287 с.

275 Россия в цифрах: Крат. стат. сб./ Госкомстат России. - М., 2001.- 397 с.

276 Россия: Социальные силы и пути преодоления системного кризиса. Доклады и выступления. Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: Экономическая демократия, 2000.

277 Рубе В.А. Малый бизнес: история, теория, практика. - М.: ТЕИС, 2000. - 231 с.

278 Рудакова И.Е. Капиталистическая монополия: ее политико-экономическая природа и формы экономической реализации. – М., 1976

279 Рудакова И.Е. Методологические проблемы теории империализма. – М., 1983

280 Рыночная система России: эволюция экономической роли государства /Под ред. А.А. Пороховского. - М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2000. - 342 с.

281 Саймон Г. Методологические основания экономики // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1989 - 1990. - М.: Наука, - 1991. - С. 91-109.

282 Самуэльсон Пол. А. Принцип максимизации в экономическом анализе // Thesis. 1993. - Т. 1. - Вып. 1.

283 Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики: Пер. с фр. - М.: ГУ ВШЭ, 2001. - 248 с.

284 Семенов А. Субъекты собственности и управления в рыночной экономике и их функции // Проблемы теории и практики управления. - 1994. - № 6. - С.62 - 68.

285 Сен А. Об этике и экономике /Пер. с англ. - М.: Наука, 1996. - 160 с.

286 Серегина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. – М.: ДИС, 2002. – 288 с.

287 Сидорович А., Суханов Е. О единстве и различии экономической и юридической сторон социалистической собственности // Экономические науки. - 1990. - № 11. - С. 63-72.

288 Симмонс Дж., Мэрс У. Эффективное предприятие: собственность трудящихся и самоуправление (Американский опыт участия работников в собственности и управлении). - М.: "Слово", 2001. - 299 с.

289 Смешанное общество: Российский вариант. - М.: Наука, 1999. - 328 с.

290 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов //Антология экономической классики. В 2-х томах. Т.1. - М., 1991

291 Смит А. Теория нравственных чувств. - СПб, 1868.

292 Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. - М.: Экон. фак-т МГУ, ТЕИС, 1998.

293 Советско-американский симпозиум экономистов (Москва, 8-21 июня 1976г.) - М.: Прогресс, 1978. - 239 с.

294 Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания / Под ред. К.А. Хубиева. - М.: Экон. фак-т МГУ, ТЕИС, 2002. - 751 с.

295 Содержание, логика и структура современной экономической теории / Под ред. К.А. Хубиева. - М.: Экон. фак-т МГУ, ТЕИС, 2000.

296 Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / Под ред. А.И. Колганова. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. - 279 с.

297 Старк Г.В. Социологический анализ познавательного процесса в "Теориях прибавочной стоимости" Карла Маркса. - Изд-во Ростовского ун-та, 1976. - 152 с.

298 Стиглер Дж., Беккер Г. О вкусах не спорят // США:Экономика. Политика. Идеология. - 1994. - № 1.

299 Стиглиц Д. Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство // Мировая экономика и международные отношения. - 1997. - № 5, 6,7.

300 Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика (К новой теории передаточного механизма в макроэкономике). / Кн.1. Институциональная теория. Методологический эскиз. - М.: ИЭ РАН, 2001. - 576 с.

301 Тамбовцев В.Л. Контрактная модель стратегии фирмы. – М.: ТЕИС, 2000. – 83 с.

302 Тамбовцев В.Л. Государство и переходная экономика: пределы управляемости. - М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1997. - 125 с.

303 Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX - начале XX в. - М.: Наука, 1995. - 269 с.

304 Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. - М., 1975. - 271 с.

305 Теоретические и практические аспекты экономического развития (Результаты работ по грантам российских и международных фондов). - М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1997. - 226 с.

306 Теория потребительского поведения и спроса (Серия “Вехи экономической мысли” Вып. 1). Под ред. В.М. Гальперина. - СПб.: Экономическая школа, 1993. - 380 с.

307 Теория социально-экономических трансформаций. - Альманах. - Выпуск 1. На пути к глобальному постиндустриальному обществу: шансы России / Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: Слово, 2001. - 359 с.

308 Теория фирмы /Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. (“Вехи экономической мысли”; вып. 2). - 534 с.

309 Теория хозяйственного порядка: “Фрайбурская школа” и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составл., предисл. и общ. ред. В. Гутника. - М.: ЗАО “Изд-во “Экономика”, 2002. - 482 с.

310 Тернер Джонатан. Аналитическое теоретизирование // Thesis. - 1994. - Вып. 4. - С. 119-155.

311 Тоффлер Э. Третья волна. - М.: “Фирма “Издательство АСТ”, 1999. - 784 с.

312 Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. - 2000. - № 1. - С. 3-32.

313 Третьяк В. Анализ отраслевой организации рынков (курс лекций) // Российский экономический журнал. - 2001. - № 5-6, 7, 9, 10; - 2002. - №1,2

314 Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

315 Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, “отношенческая контрактация”. - СПб.: Лениздат, 1996. - 702 с.

316 Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа //THESIS.1993. - Т.1. - Вып.3. - С. 39-49.

317 Фавро О. Экономика организаций // Вопросы экономики. - 2000. - № 5. - С. 4-17.

318 Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. - 2000. - № 4. - С. 3-27.

319 Философия. Мировоззрение. Практика. - Алма-Ата: Наука, 1987. - 280 с.

320 Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы: Междунар. науч. конф. “Ломоносовские чтения”: 24-26 апреля 2002 г.: Материалы для обсуждения /Отв. за вып. К.А. Хубиев. - М.: МАКС Пресс, 2002.

321 Формирование экономической системы России в координатах мирового развития / Под ред. К.А. Хубиева. - М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2001. - 796 с.

322 Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. - Новосибирск: Изд-во “Наука”, Сибирское отд-е, 1979. - 270 с.

323 Фридмен Милтон. Методология позитивной экономической науки. // Thesis. - 1994. - Т. II. - Вып. 4.

324 Фурс В.Н. Рецепция идей Маркса в современной критической теории // Общественные науки и современность. - 2002. - № 5. - С. 115-130.

325 Фурсов А. Колокола истории. Ч.1. - М., 1996. - 186 с.

326 Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма //Thesis. - 1993. - Т.1. - Выпуск 2. - С.123-136

327 Хайек Фридрих А. Индивидуализм и экономический порядок. - М.: Изограф, 2001. - 256 с.

328 Хайек Ф. Безработица и денежная политика. Правительство как генератор “делового цикла” // Экономические науки. - 1991. - № 12.

329 Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия //Мировая экономика и международные отношения. - 1989. - № 12. - С. 6 - 14.

330 Хамидов А.А. Категории и культура. - Алма-Ата: ГЫЛЫМ, 1992. - 240 с.

331 Хамидов А.А. Понятие превращенной формы в марксистской диалектике (На материале “Капитала” Маркса) - Автореф. дис. на соиск. уч. степенир канд. философ. наук. - М., 1977.

332 Ханипов А.Т. Интересы как форма общественных отношений. - Новосибирск: Наука, 1987. - 255 с.

333 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. - М.: “Изд-во АСТ”, 2003. - 603 с.

334 Хевеши М. А. Массовое общество в XX веке // Социологические исследования. - 2001. - № 7. - С.3 - 12.

335 Хейлбрунер Р. Последняя остановка капитализма // США: Экономика. Политика. Идеология. - 1993. - № 10.

336 Хикс Дж. Стоимость и капитал: Пер. с англ./Общ. ред. и вступ. ст. Р.М. Энтова. - М.: Изд. группа “Прогресс”, 1993. - 488 с.

337 Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. - 2000. - № 1. - С. 39-55.

338 Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.

339 Хубиев К. “Экономикс”: о методолого-теоретическом содержании и возможности синтеза с политэкономической традицией // Российский экономический журнал. - 1999. - № 7.

340 Хубиев К.А. Собственность в системе производственных отношений. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1988. - 168 с.

341 Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономии. - М.: Изд-во МГУ, 1982. - 480 с.

342 Цвылев Р.И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. - М., 1996. - 206 с.

343 Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости. Пер. с англ. ... Под ред. О.Я. Ольсевича. - М.: Изд. иностр. лит., 1959. - 415 с.

344 Черковец В.Н. Переход к рыночным системам и воспроизводство (проблемы политической экономии) // Вестник МГУ. - Сер. 6. - Экономика. - 2002. - № 4. - С. 14-33; - № 5. - С. 3-29.

345 Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. - М.: Экономика, 1982. -296 с.

346 Чибриков Г.Г. Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства. – М., 1979.

347 Шаванс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах // Вопросы экономики. – 2003. - №6. – С.4-21.

348 Шансы российской экономики / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. - М.: ТЕИС, 1997. - 655 с.

349 Шаститко А. Модели рационального экономического поведения человека // Вопросы экономики. - 1998. - № 5. - С. 53 - 67.

350 Шаститко А. Фридрих Хайек и неоинституционализм // Вопросы экономики. - 1999. - № 6.

351 Шехет Н. Социализм: видимость и реальность //Вопросы экономики. - 1993. - № 11.

353 Шкредов В.П. Метод исследования собственности в “Капитале” К. Маркса. - М.: Изд-во МГУ, 1973.

354 Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. - 1997. - № 2. - С. 14-26.

355 Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. - Минск, 1998. - 688 с.

356 Штайльманн К. Новая философия бизнеса: В 3т. - Москва, Берлин: Рос. психолог. общ-во, 1998. - Т. II. Риски и успех предпринимательства в постсоциалистическом обществе. - 390 с.

357 Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. сангл. под ред. В.С. Автономова. - СПб.: Экономическая школа, 2001. - Т.3. - 678 с.

358 Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1996. - 540 с.

359 Шухов Н.С. Ценность и стоимость (опыт системного анализа). - М.: Изд-во стандартов, 1994. - Ч.I. - Вып. 1. - 295 с.

360 Щербина В.Ф. Противоречия перестройки: Экономико-философский анализ. - Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. - 232 с.

361 Эбелинг Р. Роль австрийской школы в развитии мировой экономической мысли XX в. //Экономика и математические методы. - 1992. - Т.28. - Вып.3.

362 Эволюционная экономика и “мэйнстрим”. - М.: Наука, 2000. - 224 с.

363 Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. - М.: Дело, 2001. - 408 с.

364 Эйдельман Н.Я. “Революция сверху” в России. - М.: Книга, 1989. - 176 с.

365 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций/Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. - М., 1999. - 416 с.

366 Экономика XXI века как переходная. Очерки теории и методологии / Под ред. Бузгалина А.В. - М.: Слово, 2002. - 296 с.

367 Экономика русской цивилизации /Сост. О.А. Платонов. - М., 1995. - 383 с.

368 Экономическая наука, образование и практика в России в 90-е годы // Вопросы экономики. - 2001. - № 1.

369 Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: РОССПЭН, 2002. – 280 с.

370 Экономическая теория и трансформационный процесс / Под ред. А.А. Пороховского. - М.: ТЕИС, 1999. - 238 с.

371 Экономическая теория на пороге XXI века - 2. / Под ред. Ю. М. Осипова и др. - М.: Юристъ, 1998. - 768 с.

372 Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика. / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. - М.: Юристъ, 2001.

373 Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю. М. Осипова, В.Т. Пуляева. - Спб., ТОО ТК “Петрополис”, 1996.

374 Экономические субъекты постсоветской России. (Институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. - М., 2001. - 804 с.

375 Элиас Н. Общество индивидов. - М.: Праксис, 2001. - 336 с.

376 Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии //Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. - Т. 2. - С. 231 - 517.

377 Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. - 1995. - № 3.

378 Эрроу Кеннет Дж. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. - Весна. - 1993. - Т.1. - Вып.2.

379 Юдкин А.И. Метод исследования системы производственных отношений в “Капитале” К. Маркса. - М.: Изд-во Московск. ун-та, 1985. - 150 с.

380 Яременко Ю.В. Причины и последствия экономического кризиса // Проблемы прогнозирования. - 1997. - № 4.

381 Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. - М., 1981.

382 Яркова Е. Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // Общественные науки и современность. - 2002. - № 2.

383 Ahrweiler G., Bal K., Bayertz K. Subjekt der Geschichte: Theorien gesellschaftliche Veranderung; Hrsg. von Hahn V. und Sandkühler H.J. - Köln: pahl - Rugenstein, 1980. - 294 S.

384 Bierstedt R.S., Blau P.M., Bottomore Th., et. al. Theorien sozialer Strukturen: Ansatze und Probleme. - Opladen, Westdeutscher Verl., 1978. - 255 S.

385 Fremuch W. Wirtschaft und öffentliches Interesse: Neue Wege aus einern alten Konflikt // Hrsg von W. Fremuth; Off. Wirtschaft und Gemeinwirtschaft Österreichs. - Wien: Manz, 1998. - XX, 188 S.

386 Habermas, Jürgen. Erkenntnis und Interesse. Mit einem neuen Nachw. - Frankfurt a. M., 1975. - 420 S.

387 Habermas, Jürgen und Luhmann, Niklas. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung? - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971. - 405 S.

388 Habermas, Jürgen. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied - Berlin, 1971. - 400 S.

389 Subjektivität und Selbsterhaltung: Beiträge zur Diagnose der Moderne / Hrsg. u. eingel. von H. Ebeling. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1976. - 396 S.

390 Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Beitr. zur Habermas - Luhmann - Diskussion von W.-D. Narr, D.H. Runze, E. Koenen e. a. - Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1974. - 236 S.

391 Topitsch E. Das Verhaltnis zwischen Sozial- und Naturwissenschaften: Eine methodologisch-ideologiekritische Untersuchung // Dialectica. - 1962. - Bd. 16. - S. 211-231

392 Wirtschaftspolitische Ziele und gesellschafliche gruppen in der BRD /Von R. Feuerstack, B. Gahlen, H.-D. Hardes e.a. - // Schweigler. Nationalstaatsbewußtsein in der DDR. - Bonn/Rhein, 1973. - 39 S.